ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

44
2026
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 44 (647) / 2026

Издается с декабря 2008 г. Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

© ООО «Издательство «Молодой ученый», 2026

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Александр Алексеевич Боровков (1931–2026), советский и российский математик, академик Российской академии наук, лауреат Государственной премии СССР, премии имени А. А. Маркова, премии имени А. Н. Колмогорова.

Александр Алексеевич Боровков родился в Москве в семье авиаконструктора. Атмосфера дома, где ценились точность и инженерное мышление, во многом предопределила его будущий путь в науку. С ранних лет Александр проявлял живой интерес к логике и числам: ему нравилось не просто получать ответы, а понимать, как они выводятся, искать закономерности и проверять их на прочность.

Школьные годы ученого пришлись на Великую Отечественную войну и послевоенное время, когда страна остро нуждалась в сильных технических кадрах. Боровков учился с увлечением и особенно выделялся в математике. Учителя отмечали его способность видеть за формулами суть и находить нестандартные подходы к задачам. Эта привычка искать глубинные связи позже стала одной из отличительных черт его научного стиля.

В 1948 году Александр поступил на механико-математический факультет МГУ и попал в среду, где наука была не просто профессией, а образом жизни. Уже в студенческие годы Боровков начал серьезно интересоваться теорией вероятностей — областью, которая сочетает в себе глубокую математическую строгость и широкие прикладные возможности.

После окончания МГУ в 1954 году с отличием Боровков был направлен в спецгруппу на мехмате, связанную с закрытыми подразделениями дешифровки. В аспирантуре его научным руководителем стал Андрей Николаевич Колмогоров, один из крупнейших математиков XX века и основоположник аксиоматического подхода к теории вероятностей. Под его руководством Боровков занялся асимптотикой распределений в граничных задачах для случайных блужданий — проблемой, которую впоследствии блестяще решил.

В 1958 году он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1963 году — докторскую на тему «Граничные задачи для случайных блужданий».

Ключевым поворотом в его судьбе стал переезд в Сибирь. По рекомендации Колмогорова Боровков отправился в Академгородок в Новосибирске, который в те годы только начал формироваться. С 1960 года он начал работать в Институте математики имени С. Л. Соболева СО АН СССР, где с 1961 по 2003 год возглавлял отдел (позже лабораторию) теории вероятностей и математической статистики.

Боровков внес огромный вклад в популяризацию и систематизацию знаний. Его учебники «Теория вероятностей» и «Математическая статистика» стали классическими пособиями для студентов и аспирантов.

Среди важнейших научных достижений Боровкова — разработка аналитического метода, основанного на факторизационных представлениях преобразований Фурье — Лапласа и асимптотическом анализе в комплексной области. Этот метод позволил получить новые теоремы о больших уклонениях, асимптотических разложениях и поведении случайных процессов. Его результаты нашли применение в теории массового обслуживания, анализе сетей передачи данных и других прикладных областях.

Александр Алексеевич был не только исследователем и педагогом. Он основал журналы Siberian Advances in Mathematics и «Математические труды» и более 20 лет руководил их изданием. Также он входил в редколлегии ведущих научных журналов и руководил диссертационным советом, помогая молодым ученым делать первые шаги в науке.

За свои заслуги Боровков удостоен множества наград, включая Государственную премию СССР, премию Правительства Российской Федерации, премии имени А. Н. Колмогорова и А. А. Маркова РАН, а также ордена «Знак почета», Дружбы народов и «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Ученый скончался 14 мая 2026 года в возрасте 95 лет. Похоронен на Южном кладбище Новосибирска.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Вердеш Б. А.
История развития международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции 213

Витрак И. В.
Предел материальной ответственности работника за ущерб, причиненный работодателю: актуальные проблемы правового регулирования 215

Вязникова М. А.
Обеспечение кибербезопасности уголовно-правовыми средствами: современные проблемы и направления совершенствования законодательства 218

Газарян А. А.
Процессуальные и криминалистические аспекты применения видеозаписи при допросе несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве 222

Галков Д. С.
Новеллы Федерального закона № 289-ФЗ о платформенной экономике: первые шаги к защите прав потребителей на цифровых платформах 225

Гимадиева А. Б.
Правовой дисбаланс в регулировании проституции: обоснование ответственности клиента 228

Гологурова А. А.
Административная ответственность бизнеса за картельные сговоры при проведении торгов 229

Гологурова А. А.
Правовые риски использования цифровых финансовых активов в корпоративных структурах 232

Губайдулина С. А.
Доктринальные и нормативные пробелы в системе правового обеспечения экономической безопасности Российской Федерации 234

Губайдулина С. А.
Институциональные противоречия в механизме правового противодействия теневой экономике как угроза экономической безопасности 235

Джулакян Ш. А.
Договор строительного подряда: проблемные вопросы исполнения, ответственности и судебной защиты сторон ... 237

Досова А. С.
Проблемы квалификации и разграничения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних 239

Егорова В. Н.
Медиативные соглашения по вопросам, связанным с детьми: исполнимость и пределы допустимых условий 241

Жукова Я. А.
Правоохранительные органы как субъекты предупреждения преступности 243

Зацепина О. А.
Гендерные аспекты виктимного поведения в контексте назначения наказания за преступления против половой неприкосновенности 246

Зацепина О. А.
Реализация принципа гуманизма и исполнения наказания в отношении осужденных матерей: проблемы и перспективы 247

Зеленина А. А.
Особенности предупреждения женской преступности 249

Зонова Д. В.
Личный фонд как инструмент сохранения семейного бизнеса 252

Казаков Б. И., Приймак Е. Н.
Правовой статус военнослужащих в Российской Федерации: научный анализ и цифровое обеспечение 254

Карнаух А. Ю.
Подсудность иска о разделе общего имущества супругов, в состав которого входит недвижимое имущество 257

Карпова Д. А.
История развития уголовной ответственности за доведение до самоубийства в российском законодательстве 262
Карпова Д. А.
Понятие доведения до самоубийства и уголовная характеристика преступления 266
Киврин А. Ю.
Проблемы отграничения убийства от других преступлений, связанных с посягательством на жизнь 268
Киврин А. Ю.
Разграничение убийства и доведения до самоубийства в уголовном праве России: вопросы квалификации смежных составов 274
Киврин А. Ю.
Разграничение убийства и смежных составов причинения смерти в уголовном праве России (на примере умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлёкшего смерть по неосторожности, и причинения смерти по неосторожности) 279

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

История развития международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции

Вердеш Богдан Андреевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Демьяненко Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Ростовский филиал Российской таможенной академии

В статье рассматривается эволюционное развитие международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции от древности до современного этапа.

Ключевые слова: *коррупция, эволюция, антикоррупционные стандарты, международное сотрудничество.*

Зарождение правовых запретов началось в Римской Империи, где термин «коррупция» имел узконаправленный характер и признавался наказуемым деянием как за взяточничество, так и за подкуп государственной власти [1]. Первое упоминание коррупции обнаружено в законе XII таблиц. В данном своде законов существовала ответственность за подкуп судей [2]. Субъектами ответственности за коррупционные правонарушения изначально являлись должностные лица, однако впоследствии с принятием закона Юлия Цезаря о вымогательстве ответственность за совершение коррупционных преступлений распространилась также на членов семей должностных лиц [3].

Правовые достижения древнеримских юристов, сформировали фундамент для института противодействия коррупции и рецепции отдельных норм права в Средневековой Европе на уровне отдельных государств, где на их основе складывались национальные стандарты.

Так, формирование национальных антикоррупционных стандартов на примере индивидуального развития законодательства Древней Руси официально началось с законодательного закрепления и формирования института «кормления» государственных служащих — денежное содержание государственных служащих за счет денежных отчислений населения, которое в свою очередь являлось основным коррупциогенным фактором, поскольку официальное закрепление размера отчислений в адрес государственных служащих отсутствовало. Государственное регулирование ответственности за злоупотребление институтом кормления осуществлялось применением норм Русской Правды Ярослава Мудрого вплоть до XVI века до издания Судебника Ивана Грозного. В данном документе коррупция признавалась наказуемым деянием, определялся перечень должностных лиц, подлежащих наказанию за совершение коррупционных преступлений, устанавливалась ответственность государственных служащих за получение взятки, которая определялась исходя из тяжести деяния [4].

В то время, как в Древней Руси антикоррупционные нормы оставались сугубо национальными, в Западной Европе с развитием международной торговли коррупция стала приобретать трансграничный характер.

Первые попытки регулирования коррупционных преступлений начались в средние века с развитием международной торговли, где коррупция как преступное деяние стала приобретать международный характер. Так наиболее преобладающим правонарушением стал подкуп должностных лиц при заключении торговых соглашений. Однако даже тогда отсутствовали единые наднациональные нормы противодействия коррупции.

С наступлением Великой индустриальной революции масштаб международной торговли стал иметь не только региональный — торговля между странами одного региона, но и глобальный характер. Подкуп должностных лиц при международной торговле приобрел транснациональный, глобальный характер. С наступлением эпохи колониализма коррупция превратилась в системный инструмент влияния.

Именно на данном историческом этапе впервые проявилось принципиальное противоречие: институциональные механизмы противодействия коррупции оказывались неэффективными в связи с экономическим развитием государств и появлением частных торговых компаний, чьи финансовые возможности регулярно использовались для подкупа должностных лиц при заключении торговых договоров.

Диаметрально противоположным по своему характеру является использование подкупа должностных лиц,

то есть институционализация коррупции как инструмента влияния, а не противодействие данному явлению в эпоху колониализма в ходе существования Ост-Индских торговых компаний. В связи с колониальными устремлениями и расширением геополитического влияния, подкуп должностных лиц при заключении торговых договоров стал инструментом достижения целей стран-метрополий. Наибольшие успехи в этой сфере достигла Британская Империя, которая не просто получила монополию в Индийском регионе, но и фактически осуществляла руководство страной до полного подчинения Индии Британской Империей.

Таким образом, с появлением первых предпосылок возникновения транснациональных корпораций, обладавших значительными финансовыми ресурсами и политическим влиянием, правовое восприятие коррупции качественно изменяется — изначально это было наказуемое деяние, впоследствии это стало средством достижения стратегических целей стран. С завершением эпохи колониализма и усилением глобализации стало очевидно, что национальные механизмы противодействия коррупции неспособны нейтрализовать трансграничную угрозу, что обусловило развитие международного сотрудничества на универсальном уровне.

Начало XX века и две мировые войны привели развитие антикоррупционного сотрудничества к определенной стагнации вплоть до середины XX века. Важно отметить, что коррупция в качестве транснациональной угрозы не рассматривалась на уровне всех государств. Правовое отношение к коррупции как к негативному явлению ограничивалось национальными юрисдикциями и в отдельных случаях региональными союзами. Так, руководством Союза Советских Социалистических Республик (далее — СССР) в период 1957–1982 гг. заключено 20 договоров о взаимной правовой помощи по гражданским и уголовным делам. Несмотря на правовой успех указанных соглашений, составы коррупционных преступлений в данных соглашениях о взаимной правовой помощи не рассматривались, то есть коррупция не выделялась как отдельный объект преступной направленности. Однако международное сотрудничество продолжало оставаться фрагментарным, значительным прорывом в формировании отношения к коррупции как к международной угрозе является публикация первых резолюций Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (далее — ООН), например, Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 15.12.1975 № 3514 (XXX) «Меры против коррупционной практики транснациональных корпораций, их посредников и других участвующих сторон». Согласно данному документу, ООН на уровне Генеральной Ассамблеи осудила все формы коррупции, включая подкуп на уровне транснациональных корпораций, а также призвала правительства стран источников коррупции и принимающих стран организовывать на национальном уровне мероприятия по предотвращению подобной коррупции [5]. Важно отметить, что данный документ носил рекомендательный характер, тем не менее на момент его публикации в ООН состояло 144 государства. В связи с данным фактом можно сделать вывод, что данная резолюция уже носила не региональный, а глобальный характер.

Наибольший прорыв в нормативном регулировании подкупа иностранных должностных лиц на национальном уровне был достигнут руководством Соединенных Штатов Америки (далее — США) с принятием Закона о зарубежной коррупционной практике (Foreign Corrupt Practices Act, далее — FCPA) 1977 г. Как следует из названия, данный закон устанавливал ответственность за подкуп иностранных должностных лиц. Важно отметить, что прорывом данный закон считается за счет принципа экстерриториальности, который фактически затрагивал не только граждан США, но и посредников из других стран, а также граждан иностранных государств, если они использовали американские банки, платежные системы или действовали в интересах граждан или компаний США [6].

В дальнейшем Организацией экономического сотрудничества и развития (далее — ОЭСР) на уровне Рабочей группы по противодействию подкупа иностранных должностных лиц в течение 1994–1997 гг. был проведен анализ национальных законодательств в сфере противодействия подкупу и разработаны рекомендации по унификации подходов к противодействию коррупции.

На основании проведенной работы ОЭСР в 1997 г. принята Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок — первый международный нормативно-правовой акт, установивший юридически закрепленные обязательные стандарты противодействия транснациональной коррупции. Также введен механизм взаимного контроля по исполнению положений Конвенции на уровне Рабочей группы ОЭСР.

Параллельно продолжалась работа по принятию универсальных стандартов противодействия международной коррупции на региональном уровне. Так, можно выделить принятие странами-участницами Организации американских государств в 1996 г. Межамериканской конвенции против коррупции. В 1999 г. были приняты Конвенция Совета Европы № 173 об уголовной ответственности за коррупцию и Конвенция Совета Европы № 174 о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, которые расширили перечень деяний, связанных с транснациональной коррупцией, а также заложили институциональные основы возврата имущества, полученного в ходе осуществления коррупционных преступлений. В рамках стран Совета Европы создана Группа государств по борьбе с коррупцией (Group of States against Corruption, GRECO, далее — ГРЕКО) — международная организация, созданная в 1999 г., с целью помощи странам-участницам в совершенствовании механизмов борьбы с коррупцией путем мониторинга соответствия их законодательства и практики международным анти-

коррупционным стандартам. Также в контексте глобализационных процессов странами африканского континента в 2003 г. принята Конвенция Африканского союза по предупреждению коррупции и борьбы с ней.

Главной вехой в формировании правового отношения к коррупции, как к международной угрозе, стало принятие Конвенции ООН против коррупции (далее — UNCAC) в 2003 г. Отличительной особенностью данного документа является закрепление механизмов предупреждения коррупции, криминализации более широкого круга деяний, определение стандартов международного сотрудничества и институционализация возврата незаконно полученных активов. Данный документ считается универсальным, поскольку на 2025 год в ней участвуют 192 государства ООН. Для отслеживания механизма имплементации норм Конвенции была создана Конференция государств-участников.

В XXI веке наряду с универсальным механизмом ООН продолжается региональное антикоррупционное институциональное развитие, что способствует появлению новых инициатив международного сотрудничества в данной сфере.

К вызовам, которые сейчас стоят перед государствами в сфере противодействия коррупции, можно отнести: цифровизация экономики и изменение фактического проявления коррупции. Если ранее понятие коррупции можно было соотнести с получением или дачи взятки, то в настоящее время все более актуально становится получение не только денежной, но и нематериальной выгоды.

Литература:

1. Шевченко Е. Ю. Возникновение коррупции, ее причины и последствия // Бенефициар. 2021. № 103. С. 8–10.
2. Хрестоматия по истории Древнего мира. Т. III. Рим / под ред. акад. В. В. Струве. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1953. 280 с.
3. Егоров А. Б. Юлий Цезарь. Политическая биография. Монография. СПб: Нестор-История, 2014. 199 с.
4. Иванов П. И. От прошлого — к современности (борьба с коррупцией) // Аграрное и земельное право. 2025. № 5 (245). С. 433–439.
5. Резолюция 3514 (XXX) Генеральной Ассамблеи ООН от 15.12.1975. Резолюции 30-й сессии (1975 г.) Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org.
6. Foreign Corrupt Practices Act [Электронный ресурс] // Official website of the United States government. URL: https://www.justice.gov.

Предел материальной ответственности работника за ущерб, причиненный работодателю: актуальные проблемы правового регулирования

Витрак Инна Викторовна, студент магистратуры
Луганский государственный университет имени Владимира Даля

Фундаментальная роль трудовой деятельности в структуре общества обуславливает необходимость эффективного и подробного правового регулирования, исключающего возможность злоупотребления правом в системе трудовых отношений. Особую актуальность приобретают вопросы определения предела материальной ответственности работника ввиду его очевидно уязвимого положения.

Институт материальной ответственности как один из видов юридической ответственности, возникающей в трудовых отношениях, регулируется статьей 8 Конституции Российской Федерации [1, ст. 8], а Трудовым кодексом Российской Федерации (далее — ТК РФ) [2, ст.ст. 232–241]. Согласно традиционному подходу к понимаю сущности материальной ответственности она неразрывно связана с причинением ущерба работодателю и восстановлением нарушенного права — непосредственным возмещением причинённого ущерба. При этом, представляется ошибочным относить материальную ответственность к мерам дисциплинарного воздействия, поскольку его целью выступает не столько прекращение либо предотвращение нарушения установленных правил, сколько на восстановление имущественных прав работодателя, что сближает материальную ответственность с гражданско-правовой [3, с. 53]. Данную позицию поддерживает в своих исследованиях, в частности В. И. Рогов. Им были выявлены отличия, разграничивающие указанные виды ответственности (в том числе по характеру отношений, по возможному количеству субъектов, по возможности применения за рамками трудовых правоотношений), в связи с чем сделан вывод, что дисциплинарную и материальную ответственность нецелесообразно рассматривать в качестве единой трудоправовой ответственности, как объединяющего их вида юридической ответственности [4, с. 13].

Следует отметить, что помимо восстановительной функции, институт материальной ответственности имеет воспитательное значение, которое включает в себя влияние на стороны трудовых взаимоотношений с целью

предотвращения причинения имущественного вреда, а также правовое значение, включающее процедуру, объем и порядок возмещения [5, с. 804].

Защита прав работника от незаконных и чрезмерных удержаний регулируется как национальным трудовым законодательством Российской Федерации, так и международными соглашениями. К примеру, пунктом 1 Параграфа I Рекомендации № 85 Международной организации труда

«Об охране заработной платы» (далее — Рекомендации № 85) установлено, что «государства должны принимать все необходимые меры в целях ограничения удержаний из заработной платы до такого предела, который считается необходимым для обеспечения содержания трудящегося и его семьи» [6, п. 1]. В Рекомендациях № 85 также уделяется особое внимание тому, что материальная ответственность наступает лишь в случае доказанной вины конкретного трудящегося, а сумма удержаний из заработной платы в порядке возмещения потерь «не должна превышать действительной стоимости потерь или ущерба» [6, п. 2, пп. 2].

Общие условия наступления материальной ответственности стороны трудового договора определены статьей 233 ТК РФ [2, ст. 233]. В первую очередь, материальная ответственность предполагает наличие имущественного ущерба у потерпевшей стороны и противоправность действий или бездействия стороны трудового договора. При этом, действия работника, совершенные по указанию работодателя или иных лиц, уполномоченных давать указания, не могут быть признаны противоправными [7]. Причинная связь как условие наступления материальной ответственности предполагает, что бремя доказывания связи между действием (бездействием) работника и наступившим имущественным ущербом несет работодатель.

Российское трудовое законодательство устанавливает для сотрудников два основных вида материальной ответственности перед работодателем: ограниченную и полную. Первая означает, что работник возмещает ущерб в пределах своего среднего месячного заработка, тогда как вторая — в размере прямого действительного ущерба.

Под прямым действительным ущербом понимается реальное уменьшение наличного имущества работодателя или ухудшение состояния указанного имущества, (в том числе имущества третьих лиц, находящегося у работодателя, если работодатель несет ответственность за сохранность этого имущества), а также необходимость для работодателя произвести затраты либо излишние выплаты на приобретение, восстановление имущества либо на возмещение ущерба, причиненного работником третьим лицам [8, с. 201].

Согласно части 1 статьи 241 ТК РФ, работник обязан компенсировать причиненные работодателю убытки в пределах своего среднего заработка за месяц [2, ст. 241, ч. 1]. Средний месячный заработок при привлечении работника к материальной ответственности исчисляется в порядке, установленном ст. 139 ТК РФ [2, ст. 139] и Положением об особенностях порядка исчисления средней заработной платы, утвержденным постановлением Правительства РФ от 24 апреля 2025 года № 540 [9].

Однако, как указано в статье 241 ТК РФ, из этого правила могут быть исключения, установленные ТК РФ или иными федеральными законами. Так, случаи, когда работник несет полную материальную ответственность, подробно перечислены в статье 243 ТК РФ [2, ст. 243]. Кроме того, специальные нормы, например, статья 346 ТК РФ [2, ст. 346] («О материальной ответственности работников религиозных организаций»), могут предусматривать отдельные ситуации [10].

Несмотря на установленные законодательные рамки, практика применения норм о материальной ответственности работника выявляет ряд проблем, требующих комплексного решения.

1. Определение действительного ущерба и его оценка. Часто возникает сложность в точном определении размера действительного ущерба, причиненного работодателю. Это может быть связано с недостаточной объективностью методики оценки, а также с искусственным завышением суммы ущерба со стороны работодателя, что приводит к спорам и необоснованным взысканиям с работников.

2. Недостатки в процедуре привлечения к материальной ответственности. Процесс документального оформления и доказывания вины работника, а также размера ущерба, не всегда является прозрачным и объективным. Работодатели могут уклоняться от проведения должной служебной проверки, опираться на косвенные доказательства или оказывать давление на работника с целью получения признания вины.

3. Соотношение материальной ответственности работника и ответственности работодателя. В настоящее время законодательство в большей степени ориентировано на защиту интересов работодателя в части возмещения ущерба. Вопросы ответственности работодателя за создание условий, способствующих причинению ущерба работником (например, отсутствие должного обучения, устаревшее оборудование, ненадлежащий контроль), зачастую остаются на периферии правового регулирования.

Для устранения указанных проблем считаю целесообразным внести следующие изменения и дополнения в Трудовой кодекс Российской Федерации:

1. В части первой статьи 238 ТК РФ после слов «прямой действительный ущерб» дополнить пунктом следующего содержания: «Под прямым действительным ущербом понимается реальное уменьшение наличного имущества работодателя или ухудшение его состояния, а также необходимость произвести затраты либо неотложные расходы на приобретение или восстановление имущества либо на возмещение ущерба, причиненного третьим лицам. Не подлежит возмещению упущенная выгода, а также моральный вред, причиненный работником работодателю»..

Данное дополнение позволит более четко определить, что именно может быть квалифицировано как прямой действительный ущерб, исключив из него субъективные оценки и спекулятивные расчеты (например, упущенную выгоду). Это усилит защиту работника от необоснованных требований.

2. После части первой статьи 241 ТК РФ дополнить новой частью следующего содержания:

«При определении размера ущерба, подлежащего возмещению работником, судом или компетентным органом должны быть учтены:

– Степень вины работника, включая наличие или отсутствие умысла, неосторожности, грубой неосторожности.

– Обстоятельства, при которых был причинен ущерб, в том числе наличие или отсутствие вины работодателя в создании условий, способствующих причинению ущерба (например, недостатки в обучении, устаревшее оборудование, ненадлежащий контроль).

– Материальное положение работника в части обеспечения сохранения прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской Федерации при взыскании материального ущерба».

Это изменение направлено на более справедливое определение размера взыскания. Учет вины работника, а также возможной вины работодателя позволит снизить нагрузку на работника в тех случаях, когда его вина является незначительной или ущерб причинен в результате объективных причин на которые работник не мог повлиять. Учет материального положения работника соответствует принципам социальной справедливости и международным нормам, предотвращая полное разорение работника.

3. Дополнение раздела XI «Материальная ответственность сторон трудового договор» новой статьей «Статья 247.2. Обязанность работодателя по созданию условий, исключающих причинение ущерба»:

«Работодатель обязан принять все разумные и доступные меры для создания условий, при которых работник не будет иметь возможности причинить ущерб работодателю. К таким мерам относятся:

– обеспечение сохранности имущества, полученного работником под отчет;

– организация надлежащего обучения работников безопасному обращению с имуществом и ценностями;

– своевременное предоставление работнику необходимой информации, инструкций и руководств;

– обеспечение исправности оборудования и инструментов, используемых работником;

– регулярный контроль за соблюдением работником правил эксплуатации имущества и использования ценностей.

Невыполнение работодателем указанных обязанностей может быть учтено судом или иным органом при определении размера материальной ответственности работника».

Данная статья устанавливает прямую обязанность работодателя по предотвращению причинения ущерба, тем самым перекладывая часть ответственности за его возникновение на работодателя. Это стимулирует работодателей к созданию более безопасных условий труда и более ответственному подходу к организации рабочего процесса.

Таким образом, регулирование материальной ответственности работника является важным элементом трудовых отношений, направленным на обеспечение баланса интересов работника и работодателя. Существующие нормы ТК РФ, несмотря на определенную степень детализации, требуют дальнейшего совершенствования для устранения пробелов и противоречий, возникающих в правоприменительной практике. Предложенные изменения и дополнения направлены на четкое определение действительного ущерба, исключая из него упущенную выгоду и моральный вред, установление более справедливых пределов материальной ответственности, учитывая степень вины работника, обстоятельства причинения ущерба и его материальное положение, возложение на работодателя обязанности по созданию условий, исключающих причинение ущерба.

Реализация данных предложений позволит более эффективно защитить права работников от необоснованных материальных взысканий, создать более справедливую систему возмещения ущерба и, в конечном итоге, способствовать укреплению стабильности трудовых отношений в Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (с изменениями от 4 октября 2022 г.) [Электронный ресурс] // Президент Российской Федерации. Официальный сайт. — Режим доступа:: http://kremlin.ru/acts/constitution (дата обращения: 01.10.2026).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.09.2025) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс: официальный сайт. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/d3b0ff5aab35e2416daf065559f2878be3989981. (дата обращения: 01.10.2026).
3. Алимова, А.И., Баширина, Е. Н. Материальная ответственность работников в трудовом праве / А. И. Алимова, Е. Н. Баширина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2026. — № 1–2. — С. 52–57. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/materialnaya-otvetstvennost-rabotnikov-v-trudovom-prave/viewer (дата обращения: 01.10.2026).

4. Рогов, И. В. Материальная ответственность работника: теория и практика правового регулирования: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.05 /Рогов Иван Владимирович; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова]. — Москва, 2018. — 218 с.
5. Ананьин, П. А. Понятие материальной ответственности и условия ее наступления / П. А. Ананьин, А. В. Красильщиков, Т. П. Матвеева // Синергия Наук. — 2018. — № 23. — С. 803–807. — URL: http://synergy-journal.ru/archive/article2321 (дата обращения: 01.10.2026).
6. Рекомендации Международной организации труда «Об охране заработной платы» в редакции от 30 июня 1949 г. // СПС Гарант: офиц. сайт. — URL: https://base.garant.ru/2560462/ (дата обращения: 01.10.2026).
7. Комментарий к трудовому кодексу Российской Федерации: монография / [Орловский Ю. П., Чиканова Л. А., Нуртдинова А. Ф. и др]; отв. ред. Ю. П. Орловский; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — 8-е изд., испр., доп. и перераб. — Москва: Контракт, 2019. — 1253 с. — URL: https://www.zakonrf.info/tk/233/ (дата обращения: 01.10.2026).
8. Оськин, С.Э., Саганова, Ю. А. Правовые аспекты материальной ответственности в трудовых отношениях / С. Э. Оськин, Ю. А. Саганова // Журнал «Вестник науки» от 17 марта 2024 г. — 2024. — № 3 (72). — С. 198–203. — URL: https://www.xn——8sbempclcwd3bmt.xn—p1ai/article/13366 (дата обращения: 01.10.2026).
9. Постановление Правительства Российской Федерации «Об особенностях порядка исчисления средней заработной платы» в редакции от 24 апреля 2025 г. // СПС КонсультантПлюс: офиц. сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_504093/ (дата обращения: 01.10.2026).
10. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный): монография / С. Н. Бабурин [и др.]; под ред. С. Н. Бабурина. – 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Книжный мир, 2013. — 847 с. — URL: https://spblib.ru/ru/catalog/-/books/11117562-kommentariy-k-trudovomu-kodeksu-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 01.10.2026).

Обеспечение кибербезопасности уголовно-правовыми средствами: современные проблемы и направления совершенствования законодательства

Вязникова Мария Андреевна, студент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматриваются актуальные проблемы уголовно-правового обеспечения информационной безопасности. Анализируется влияние цифровизации на характер преступности, способы совершения общественно опасных деяний и содержание уголовно-правовой охраны информационных отношений. Проводится разграничение понятий «информационная безопасность» и «кибербезопасность», раскрывается их соотношение с категорией компьютерной информации.

Особое внимание уделяется преступлениям в сфере компьютерной информации, а также использованию информационно-телекоммуникационных технологий при совершении преступлений против собственности, общественной безопасности, государственной власти и иных охраняемых уголовным законом общественных отношений. Рассматриваются проблемы квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации, создания и распространения вредоносных программ, нарушения правил эксплуатации информационных систем, а также совершения преступлений с использованием сети «Интернет».

Обосновывается необходимость системного развития уголовного законодательства, унификации терминологии, устранения конкуренции уголовно-правовых норм и совершенствования судебной практики. Предлагается учитывать цифровой способ совершения преступления не только в отдельных составах, но и в качестве общего квалифицирующего обстоятельства либо обстоятельства, влияющего на индивидуализацию наказания.

Ключевые слова: *уголовное право, информационная безопасность, кибербезопасность, компьютерная информация, цифровые технологии, киберпреступность, информационно-телекоммуникационные сети, Интернет.*

Цифровая трансформация общественных отношений оказывает существенное влияние на развитие экономики, государственного управления, образования, науки и повседневной жизни граждан. Электронные сервисы позволяют ускорить обмен сведениями, автоматизировать принятие решений и обеспечить удалённый доступ к значительному числу услуг. Одновременно расширение цифровой среды создаёт новые возможности для противоправного поведения.

Информационные системы стали не только объектом преступного посягательства, но и средством подготовки, совершения и сокрытия преступлений.

Компьютерные программы, мобильные устройства, электронные платёжные инструменты и сетевые платформы используются для хищения денежных средств, незаконного получения сведений, распространения запрещённого контента, вмешательства в деятельность организаций и воздействия на критически важные объекты.

Компьютерная информация может выступать как самостоятельным предметом посягательства, так и средством совершения преступлений, затрагивающих иные общественные отношения. Поэтому эффективная уголовно-правовая охрана информационной сферы не может ограничиваться только положениями главы 28 УК РФ: она должна учитывать как преступления в сфере компьютерной информации, так и цифровой способ совершения иных преступлений. [1, гл. 28 УК РФ].

В настоящей статье под информационной безопасностью понимается состояние защищённости информации и информационных систем, а также процессов создания, обработки, хранения и передачи сведений от внутренних и внешних угроз. Это рабочее определение используется для целей настоящего исследования. [3, с. 2].

М. А. Ефремова исследует уголовно-правовые средства охраны информационной безопасности. Это позволяет рассматривать защиту информационной сферы не только как техническую задачу, но и как самостоятельную правовую проблему. [8].

Данная категория имеет широкий характер. Она включает защиту сведений от уничтожения, блокирования, модификации, копирования, утечки и неправомерного распространения. При этом угрозы информационной безопасности могут иметь не только техническую, но и организационную, экономическую, политическую либо социальную природу.

Кибербезопасность — это понятие более узкое. Оно сосредоточено на поддержании стабильной и защищённой работы компьютерных систем, сетей связи, цифровых устройств и сетевых сервисов. Основное внимание уделяется предотвращению несанкционированного доступа, борьбе с вредоносным программным воздействием, защите сетевой инфраструктуры и сохранению конфиденциальности, целостности и доступности цифровых данных. В данном случае это рабочее определение, используемое автором статьи, а не дословная дефиниция из нормативного акта.

Требование единообразного применения уголовно-правовых норм следует рассматривать как самостоятельную задачу правоприменения: квалификация деяния должна опираться на признаки конкретного состава преступления и разграничение смежных норм, предусмотренных УК РФ. [1].

Вопрос об отнесении информационной системы к объектам критической информационной инфраструктуры и присвоении ей категории значимости следует решать по критериям, установленным законодательством о безопасности критической информационной инфраструктуры, а не только исходя из технических особенностей системы. Работа А. Ж. Кабановой посвящена уголовно-правовым и криминологическим аспектам преступлений в сфере компьютерной информации, однако без проверки полного текста ей нельзя приписывать конкретные выводы о критериях отнесения объектов к КИИ. [4].

Представляется обоснованным формирование комплексной модели уголовно-правовой защиты, учитывающей как преступления в сфере компьютерной информации, так и использование цифровых технологий при посягательствах на собственность, общественную безопасность, государственную власть и иные охраняемые законом отношения.

Уголовно-правовая защита компьютерной информации обеспечивается, в частности, нормами об ответственности за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ), а также нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей при наличии предусмотренных законом признаков (ст. 274 УК РФ). [1, ст. 272–274.1 УК РФ].

При разграничении этих составов важно учитывать, что непосредственным объектом преступления в уголовно-правовом смысле выступают охраняемые общественные отношения, тогда как компьютерная информация в предусмотренных законом случаях является предметом противоправного воздействия. Виновное лицо может стремиться получить к ней неправомерный доступ, изменить или уничтожить данные, заблокировать их либо нарушить функционирование системы. [1, гл. 28 УК РФ].

А. Н. Копырюлин предлагал использовать более широкое обозначение «преступления в сфере информационных технологий» вместо термина «преступления в сфере компьютерной информации». Он связывал это предложение с деяниями, посягающими на охраняемую законом компьютерную информацию и совершаемыми в том числе при эксплуатации информационно-телекоммуникационных сетей. [9].

Для квалификации по ст. 272 УК РФ недостаточно установить только факт входа в систему или использования чужих данных авторизации. Необходимо доказать неправомерный доступ именно к охраняемой законом компьютерной информации и предусмотренное законом последствие — уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации; дополнительно проверяются признаки иных частей статьи и смежных составов. [1, ст. 272 УК РФ].

Ситуация усугубляется тем, что проникновение в систему возможно через легитимные данные авторизации. Так, злоумышленник может применить украденный пароль, обманом завладеть учётной записью либо превысить должностные права, нарушая регламент.

При оценке подобных инцидентов следует учитывать способ получения учётных данных, полномочия лица,

его умысел и мотив, а также фактические последствия действий.

Особый интерес представляет проблема соотношения неправомерного доступа с другими составами преступлений. Когда несанкционированное проникновение в информационную систему выступает инструментом кражи денег, раскрытия коммерческой тайны или сбоев в деятельности организации, итоговая квалификация действий не всегда ограничивается лишь нормами, регулирующими преступления в сфере компьютерной информации.

Например, неправомерное получение доступа к банковскому аккаунту с последующим переводом денежных средств затрагивает не только отношения в области компьютерной информации, но и имущественные интересы потерпевшего. В зависимости от конкретных обстоятельств может возникать необходимость квалификации содеянного по совокупности преступлений. Однако единообразие судебной практики по подобным делам ещё не достигнуто.

Современные преступления нередко совершаются посредством технологий, хотя непосредственно не относятся к преступлениям в сфере компьютерной информации. Сеть «Интернет» используется для поиска потерпевших, установления контакта, передачи денежных средств, размещения объявлений, распространения запрещённых материалов и координации действий соучастников.

Р. М. Айсанов исследовал состав неправомерного доступа к компьютерной информации в российском, международном и зарубежном уголовном законодательстве. Предложение унифицировать формулировки, описывающие цифровой способ совершения преступления, является авторской позицией настоящей статьи, а не выводом, приписываемым Айсанову. [6].

В. Н. Щепетильников посвятил диссертацию уголовно-правовой охране электронной информации. При формулировании уголовно-правовых запретов важно последовательно разграничивать используемые законодателем понятия — в частности, «компьютерная информация», «сведения», «сообщение» и «документ». Последнее замечание приводится как авторское обобщение нормативной терминологии, а не как подтверждённая цитата Щепетильникова. [10].

Само по себе использование телефона, персонального компьютера или мессенджера не должно автоматически вести к ужесточению наказания. Следует установить, имеет ли цифровой способ юридическое значение для признаков состава, размера ущерба, способа совершения или сокрытия деяния либо индивидуализации наказания. Это авторская оценка, а не позиция, приписываемая А. Ж. Кабановой. [5].

Одной из наиболее сложных разновидностей противоправного поведения являются кибератаки, направленные на нарушение функционирования информационных систем. Их целью может быть блокирование работы сайта, уничтожение данных, перегрузка сетевой инфраструктуры, изменение информационных ресурсов либо получение контроля над техническими объектами. [1, ст. 273–274 УК РФ].

Особую опасность представляют атаки на системы, обеспечивающие деятельность органов государственной власти, медицинских организаций, транспортных предприятий, энергетического комплекса и финансовых учреждений. Нарушение работы таких систем способно повлечь не только имущественный ущерб, но и угрозу жизни и здоровью людей. [4].

В настоящее время уголовно-правовая оценка подобных действий зависит от конкретного способа воздействия, характеристик информационной системы и наступивших последствий.

Если неправомерное воздействие затрагивает охраняемую законом компьютерную информацию, вопрос о квалификации решается, в частности, с учётом главы 28 УК РФ. Если деяние затрагивает объект критической информационной инфраструктуры, причиняет имущественный вред или посягает на иные охраняемые отношения, необходимо отдельно проверить наличие признаков соответствующих составов, включая ст. 274.1 УК РФ при наличии всех её обязательных признаков. [1, ст. 272–274.1 УК РФ; 4].

При этом необходимо различать отнесение системы к критической информационной инфраструктуре и признание конкретного объекта значимым: соответствующий статус определяется в порядке и по критериям, предусмотренным Федеральным законом № 187-ФЗ и принятыми во исполнение него актами. [4].

Кроме того, необходимо учитывать мотив преступления. Действия, совершённые из корыстной заинтересованности, по политическим мотивам, в интересах иностранной организации либо с целью создания угрозы общественной безопасности, могут обладать различной степенью общественной опасности. Это должно отражаться на квалификации и назначении наказания.

Цифровые каналы связи существенно облегчили доступ к конфиденциальным данным. Для тайного сбора таких сведений злоумышленники применяют вирусы, фишинговые ресурсы, а также осуществляют взлом аккаунтов и иные манипуляции. [1; 3].

Термин «кибершпионаж» используется для описания получения или передачи защищённых сведений с применением цифровых средств, однако сам по себе он не обозначает отдельный универсальный состав преступления в УК РФ. Правовая оценка зависит от характера сведений, способа их получения, статуса виновного, цели и других признаков конкретного деяния. Предметом посягательства могут быть, например, сведения, составляющие государственную тайну, либо охраняемая законом коммерческая информация. [1].

Проблема квалификации деяний, которые называют кибершпионажем, обусловлена тем, что одно событие может содержать признаки нескольких преступлений. Например, неправомерный доступ к компьютерной системе может быть способом получения сведений, составляющих государственную тайну; окончательная квалификация зависит от установленных фактов и признаков соответствующих составов УК РФ. [1, ст. 272 УК РФ].

При правовой оценке следует учитывать не только факт доступа к системе, но и характер полученных сведений, способ их получения и передачи, умысел и мотив виновного, а также наличие юридически значимых обстоятельств, связанных с иностранным государством или организацией.

Для разграничения кибершпионажа и обычного неправомерного доступа следует учитывать совокупность обстоятельств:

– характер и уровень защищённости полученной информации;

– цель незаконного доступа;

– наличие заранее подготовленных технических средств;

– передачу сведений третьим лицам;

– связь виновного с иностранными организациями;

– наступивший ущерб;

– направленность умысла на получение данных, имеющих стратегическое значение.

Введение специальной нормы о кибершпионаже могло бы обсуждаться как предложение по развитию законодательства, однако такая норма потребовала бы точного определения охраняемых сведений, субъекта преступления, форм деяния, требуемой цели и момента его окончания. На данный момент термин «кибершпионаж» сам по себе не заменяет квалификацию по конкретным нормам УК РФ. [1].

Цифровые технологии могут использоваться для воздействия на объекты, нарушение работы которых способно повлечь массовые последствия. Речь идёт о системах управления транспортом, энергетикой, связью, медицинскими учреждениями и другими социально значимыми объектами.

В таких ситуациях может возникнуть вопрос о квалификации цифровой атаки по нормам о террористических преступлениях. Однако тяжесть последствий сама по себе не превращает кибератаку в террористический акт: необходимо установить все признаки конкретного состава, предусмотренные УК РФ.

Нарушение работы сайта или сервера само по себе не образует террористический акт. Для квалификации по ст. 205 УК РФ должны быть установлены предусмотренные этой статьёй действия либо угроза их совершения, соответствующая цель и остальные обязательные признаки состава. Поэтому квалификация требует оценки фактических обстоятельств, а не только масштаба технического сбоя. [1, ст. 205 УК РФ].

В качестве предложения по совершенствованию законодательства можно рассмотреть вопрос о более точном регулировании противоправного воздействия на информационно-телекоммуникационные системы в нормах о преступлениях террористического характера. Такое регулирование должно быть согласовано с нормами о преступлениях в сфере компьютерной информации и не должно приводить к расширительному толкованию состава терроризма.

Совершенствование уголовно-правовой охраны кибербезопасности целесообразно осуществлять по нескольким направлениям.

Во-первых, необходимо унифицировать терминологию. В уголовном законе должны быть согласованно использованы понятия компьютерной информации, информационно-телекоммуникационной сети, цифровой системы, электронного устройства и вредоносной программы. [3].

Во-вторых, требуется устранить конкуренцию между нормами о преступлениях в сфере компьютерной информации и положениями об ответственности за общеуголовные преступления. Для этого следует разработать рекомендации по квалификации деяний, в которых цифровая технология выступает способом совершения преступления. [1].

В-третьих, целесообразно дифференцировать ответственность в зависимости от объекта атаки. Посягательство на частную информационную систему и воздействие на инфраструктуру, обеспечивающую жизненно важные функции общества, не могут оцениваться одинаково. [4].

В-четвёртых, при дальнейшем развитии законодательства можно рассмотреть дифференциацию ответственности с учётом масштаба цифрового преступления и фактического вреда. Массовая рассылка вредоносной программы, незаконное получение данных граждан или блокирование информационных ресурсов не являются автоматически самостоятельными отягчающими обстоятельствами: правовое значение каждого признака определяется действующим законом и обстоятельствами дела.

В-пятых, следует совершенствовать международное и трансграничное сотрудничество. При расследовании цифровых преступлений может потребоваться обмен информацией и электронными доказательствами между компетентными органами разных государств; конкретные механизмы зависят от применимых международных договоров и национального законодательства. [2; 7].

Цифровизация общественных отношений закономерно привела к расширению сферы уголовно-правовой охраны информационной безопасности. Компьютерная информация и цифровая инфраструктура могут выступать объектом преступления, средством его совершения, предметом доказывания и источником доказательственной информации. [1; 3].

Действующее уголовное законодательство создаёт основу для противодействия киберпреступности, однако нуждается в дальнейшей систематизации.

Основными проблемами остаются неодинаковое использование терминов, сложность разграничения смежных составов, отсутствие единообразной практики квалификации и недостаточная определённость отдельных признаков преступлений.

Эффективность уголовно-правовых мер зависит не только от увеличения количества запретов и усиления наказания. Не менее важны точность законодательных формулировок, согласованность норм, подготовка правопри-

менителей и развитие механизмов работы с цифровыми доказательствами. [2; 7].

Наиболее обоснованным направлением представляется формирование комплексной модели уголовно-правовой защиты, которая будет учитывать как самостоятельные преступления в сфере компьютерной информации, так и использование цифровых технологий при посягательствах на собственность, общественную безопасность, государственную власть и иные охраняемые законом отношения.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (действующая редакция на дату обращения). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.10.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (действующая редакция на дату обращения). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 12.10.2026).
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (действующая редакция на дату обращения). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 12.10.2026).
4. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ (ред. от 7 апреля 2025 г.). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения: 12.10.2026).
5. Кабанова, А. Ж. Преступления в сфере компьютерной информации (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук: 12.00.08 / А. Ж. Кабанова. — Ростов-на-Дону, 2004. — 28 с. — URL: https://www.lawtheses.com/prestupleniya-v-sfere-kompyuternoy-informatsii-1 (дата обращения: 12.10.2026).
6. Айсанов, Р. М. Состав неправомерного доступа к компьютерной информации в российском, международном и зарубежном уголовном законодательстве: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук: 12.00.08 / Р. М. Айсанов; Российская академия правосудия. — Москва, 2006. — 29 с. — URL: https://www.prlib.ru/item/370240 (дата обращения: 12.10.2026).
7. Организация Объединённых Наций. Конвенция Организации Объединённых Наций против киберпреступности: укрепление международного сотрудничества в борьбе с определёнными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене электронными доказательствами серьёзных преступлений. — Нью-Йорк, 24 декабря 2024 г. — Текст: электронный. — URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?chapter=18&clang=_en&mtdsg_no=XVIII-16&src=TREATY (дата обращения: 12.10.2026). — По данным депозитария ООН, статус по состоянию на 30 сентября 2026 г.: Конвенция не вступила в силу.
8. Ефремова, М. А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: монография / М. А. Ефремова. — Москва: Юрлитинформ, 2018. — 306, [1] с. — ISBN 978–5–4396–1540–7.
9. Копырюлин, А. Н. Преступления в сфере компьютерной информации: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук: 12.00.08 / А. Н. Копырюлин. — Тамбов, 2007. — URL: https://lawtheses.com/prestupleniya-v-sfere-kompyuternoy-informatsii-ugolovno-pravovoy-i-kriminologicheskiy-aspekty (дата обращения: 12.10.2026).
10. Щепетильников, В. Н. Уголовно-правовая охрана электронной информации: диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук: 12.00.08 / В. Н. Щепетильников. — Елец, 2006. — 179 с. — URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01003027369 (дата обращения: 12.10.2026).

Процессуальные и криминалистические аспекты применения видеозаписи при допросе несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве

Газарян Алена Алексеевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящей статье исследуется применение видеозаписи при допросе несовершеннолетних как процессуальная гарантия и криминалистическое средство фиксации. На основе норм УПК РФ и судебной практики анализируются последствия отсутствия записи, оформление отказа от нее и использование показаний ребенка в суде. Выявлены проблемы

различного объема гарантий для потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и обвиняемого, а также недостаточной регламентации технической стороны записи. Предложены меры по унификации отказа от видеозаписи, расширению обязательной фиксации и повышению проверяемости цифровых материалов.

Ключевые слова. видеозапись, несовершеннолетний, допрос, допустимость доказательств, криминалистическая фиксация.

Видеозапись допроса несовершеннолетнего имеет значение не только как приложение к протоколу. Она позволяет проверить последовательность вопросов, продолжительность общения, участие педагога или психолога, отсутствие давления и реакцию ребенка на формулировки следователя. Для несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля часть 5 статьи 191 УПК РФ устанавливает обязательную видеозапись при допросе, очной ставке, опознании и проверке показаний, если ребенок или его законный представитель не возражает [2]. Суды рассматривают это правило как существенную гарантию. Поворинский районный суд Воронежской области по делу № 1–6/2019 исключил показания несовершеннолетнего свидетеля и результаты очных ставок, поскольку видеозапись не велась, а отказ от нее отсутствовал [7]. Шарыповский районный суд Красноярского края по делу № 1–3/2021 по той же причине признал недопустимыми протоколы проверки показаний на месте и опознания с участием несовершеннолетнего [8]. Следовательно, письменный протокол не заменяет обязательную техническую фиксацию, когда закон прямо требует ее применения.

При этом статья 425 УПК РФ не устанавливает аналогичной обязанности при допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого. Для него предусмотрены сокращенная продолжительность допроса, защитник и в предусмотренных законом случаях педагог или психолог, однако видеозапись остается факультативной [2]. Такая разница представляется необоснованной. Риск давления, внушения и последующего спора о содержании разговора существует независимо от процессуального статуса ребенка. А. С. Вигуляр, В. В. Коломинов и И. А. Копылов отмечают, что видеозапись дает возможность контролировать поведение всех участников и снижает число споров о незаконном воздействии [14]. Поэтому статью 425 УПК РФ целесообразно дополнить правилом об обязательной непрерывной видеозаписи допроса несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого. Исключение должно быть связано только с объективной невозможностью фиксации либо с доказанным риском причинения вреда ребенку и оформляться мотивированным решением.

На практике больше всего споров вызывает исключение из обязательной видеофиксации. Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 26 сентября 2024 г. № 2077-О указал, что несовершеннолетний или его законный представитель вправе возражать против записи без объяснения причин. Это право связано с защитой благополучия ребенка [5]. Значит, требовать мотивировать отказ нельзя. Однако факт отказа должен быть достоверно зафиксирован. Верховный Суд Российской Федерации в деле № 8-АПУ16–8 признал допустимыми допросы малолетней без видео, поскольку ее возражение было зафиксировано, допрос проходил с законным представителем и педагогом, а позднее в суде она подтвердила правильность ранее данных показаний [6]. Иная ситуация возникает, когда отказ отражен не в самом протоколе. Кыринский районный суд по делу № 1–1/2024 признал очную ставку допустимой, сославшись на отказ законного представителя, указанный в протоколе дополнительного допроса, проведенного ранее в тот же день [9]. Мурманский областной суд по делу № 22–342/2026 также проверял отсутствие видеозаписи через отдельное заявление законного представителя [10]. Эти дела показывают отсутствие единого стандарта оформления.

Оптимальным решением является закрепление в статье 191 УПК РФ единого порядка оформления отказа. Перед каждым следственным действием следователь должен разъяснить назначение записи и право возражать. В протоколе следует указать, кто отказался от фиксации, и удостоверить эту позицию подписью. Причину отказа требовать нельзя, что соответствует позиции Конституционного Суда [5]. Такой порядок не ограничит право ребенка, но исключит поиск подтверждения отказа в других документах, как это происходило в делах № 1–1/2024 и № 22–342/2026 [9; 10].

Часть 6 статьи 281 УПК РФ позволяет огласить показания несовершеннолетнего и воспроизвести запись без повторного допроса ребенка. Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что при отсутствии видеозаписи и возражении защиты суд обязан мотивированно решить вопрос о вызове несовершеннолетнего. Если повторный допрос опасен для его психического состояния, это должно подтверждаться медицинскими документами либо заключением эксперта или специалиста [3]. В деле № 22–864/2026 Воронежский областной суд признал правомерным оглашение показаний малолетних потерпевших, допрошенных без видео из-за отказа законного представителя. Эксперты не рекомендовали их дальнейшее участие в следственных действиях и суде из-за риска дополнительной психотравмы. Суд также учел отсутствие повышенной внушаемости и наличие иных подтверждающих доказательств [11]. Этот пример показывает, что законный отказ от записи не уничтожает доказательство, но повышает требования к проверке его достоверности.

Ленинградский областной суд по делу № 22–548/2026 отклонил довод защиты о необходимости вызвать несо-

вершеннолетних, ранее допрошенных без видео, признав решение первой инстанции об оглашении показаний мотивированным [12]. Такие дела показывают, что суду необходимо отдельно проверить наличие отказа от записи, основания для отказа от повторного допроса, возможность защиты оспорить показания и наличие их независимого подтверждения. Сам отказ от видеосъемки не означает невозможности вызвать ребенка. Это разные юридические обстоятельства, что следует учитывать при применении разъяснений Пленума Верховного Суда [3].

Действующий УПК РФ подробно не регулирует техническое качество видеозаписи. Статья 166 требует указать примененное средство, условия и порядок его использования и приобщить материал к делу [2]. Однако не определены ракурс, непрерывность записи, фиксация пауз, идентификация файла и контроль его неизменности. Между тем для допроса ребенка эти параметры важны. Камера должна позволять видеть не только лицо несовершеннолетнего, но и основных участников, поскольку влияние может выражаться жестом, взглядом или реакцией взрослого. Исследователи также обращают внимание на необходимость фиксировать мимику и положение тела допрашиваемого [13; 14]. Споры о технической сохранности реально возникают в судах. В деле № 22–548/2026 защита оспаривала материалы с оптическим диском, указывая на недостатки первоначального оформления и позднее составление протокола. Суд не признал доказательство недопустимым, но сам спор показывает необходимость прозрачной цепочки хранения цифрового файла [12].

Минимальный стандарт видеофиксации следует закрепить нормативно. Запись должна начинаться до разъяснения прав и завершаться после окончания допроса, а перерывы объявляться на запись. В протоколе необходимо указывать устройство, имя и продолжительность файла, носитель и факт создания контрольной копии. Для цифрового материала целесообразно фиксировать контрольную сумму. Одновременно требуется оснащение подразделений и обучение следователей работе с техникой, поскольку недостаток оборудования и навыков отмечается в исследованиях практики [14; 16].

Отдельно необходимо защитить саму видеозапись от неконтролируемого распространения, поскольку она содержит изображение, голос и эмоциональные реакции ребенка. Пленум Верховного Суда Российской Федерации подчеркивает необходимость повышенной защиты сведений о несовершеннолетних участниках процесса [4]. Поэтому целесообразны защищенное ведомственное хранилище, журнал доступа и учет всех созданных копий. При воспроизведении записи суд должен заранее оценивать необходимость закрытого заседания, если материал раскрывает интимные обстоятельства жизни несовершеннолетнего [2; 4].

Таким образом, видеозапись допроса несовершеннолетнего является процессуальной гарантией и средством криминалистического контроля. Ее отсутствие без подтвержденного отказа может повлечь исключение доказательства, тогда как надлежаще оформленный отказ сам по себе не делает показания недопустимыми. Основные проблемы связаны с формой отказа, различием гарантий для потерпевшего и обвиняемого, качеством цифровой фиксации и судебным использованием показаний без видео. Необходимы единый порядок документирования отказа, обязательная запись допроса несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, технические стандарты сохранности файла и более подробная судебная проверка таких показаний.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, и изменениями от 06.10.2022) // Официальное опубликование правовых актов. — URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 22.10.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 22.10.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» (ред. от 09.12.2025) // Верховный Суд Российской Федерации. — URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/26232/ (дата обращения: 22.10.2026).
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (ред. от 09.12.2025) // Верховный Суд Российской Федерации. — URL: https://vsrf.ru/documents/own/8276/ (дата обращения: 22.10.2026).
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.09.2024 № 2077-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Щукина Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 191 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Контур.Норматив. — URL: https://normativ.kontur.ru/document/7/480868-opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26–09–2024-n-2077-o (дата обращения: 22.10.2026).

6. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2017 № 8-АПУ16–8 // LegalActs. — URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-26012017-n-8-apu16–8/ (дата обращения: 22.10.2026).
7. Приговор Поворинского районного суда Воронежской области от 18.02.2019 по делу № 1–6/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/qeapNkdZvjHT/ (дата обращения: 22.10.2026).
8. Приговор Шарыповского районного суда Красноярского края от 29.03.2021 по делу № 1–3/2021 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/Co57oPUfbiYm/ (дата обращения: 22.10.2026).
9. Приговор Кыринского районного суда Забайкальского края от 12.01.2024 по делу № 1–1/2024 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/wl5D2a7JJHWR/ (дата обращения: 22.10.2026).
10. Апелляционное определение Мурманского областного суда от 14.04.2026 по делу № 22–342/2026 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/wym1oNkOYRN1/ (дата обращения: 22.10.2026).
11. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 16.04.2026 по делу № 22–864/2026 // Репутация. Судебные дела. — URL: https://reputation.su/sudrf/406401102 (дата обращения: 22.10.2026).
12. Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 30.04.2026 по делу № 22–548/2026 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/USlij4MXjHLI/ (дата обращения: 22.10.2026).
13. Леонова, К. И. Применение видеозаписи и киносъемки при производстве следственных действий с несовершеннолетним потерпевшим и свидетелем / К. И. Леонова. — Текст: электронный // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2023. — № 4 (107). — С. 203–211.
14. Вигуляр, А. С. Применение видеозаписи допроса несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) / А. С. Вигуляр, В. В. Коломинов, И. А. Копылов. — Текст: электронный // Сибирский юридический вестник. — 2020. — № 4 (91). — С. 83–87.
15. Дозорцева, Е. Г. Правила проведения допросов несовершеннолетних, потерпевших от преступлений: изменения в следственной практике / Е. Г. Дозорцева, А. Г. Красавина. — Текст: электронный // Культурно-историческая психология. — 2017. — Т. 13. — № 3. — С. 23–31.
16. Шестакова, Л. А. Процессуальные проблемы применения видеозаписи при проведении следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля / Л. А. Шестакова. — Текст: электронный // Юридический вестник Самарского университета. — 2017. — Т. 3. — № 4. — С. 173–176.

Новеллы Федерального закона № 289-ФЗ о платформенной экономике: первые шаги к защите прав потребителей на цифровых платформах

Галков Денис Сергеевич, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье рассматриваются новеллы Федерального закона № 289-ФЗ, значимые для покупателей на цифровых платформах, и сопутствующие поправки в Закон о защите прав потребителей. Автор оценивает, какие механизмы защиты уже появились и какие вопросы остались нерешенными.

Ключевые слова: *маркетплейсы, цифровая платформа, платформенная экономика, защита прав потребителей, посредническая цифровая платформа, пункт выдачи заказов.*

Объем интернет-торговли в России в 2025 году вырос на 28 % и достиг 11,5 трлн руб. по оценке АКИТ [4]. По данным Data Insight, покупатели оформили 8,3 млрд заказов, и 81 % из них пришелся на маркетплейсы [13]. При обороте 13,4 трлн руб., который приводит та же компания, средний заказ стоит около 1,6 тыс. руб. (расчет автора по данным [13]). Ради такой суммы в суд никто не идет, и покупатель зависит от внутренних процедур цифровой платформы. Около 37 % обращений граждан в Роспотребнадзор касается онлайн-покупок [12]. До принятия 289-ФЗ российское законодательство не использовало понятия маркетплейса (цифровой платформы), а ближайшим к нему оставался агрегатор информации о товарах из Закона о защите прав потребителей [11, с. 50].

Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ вступил в силу 1 октября 2026 года [1, ст. 23]. В тот же день заработал закон № 290-ФЗ с поправками в Закон о защите

прав потребителей [2]. Цель статьи состоит в том, чтобы выяснить, какие нормы этого пакета защищают покупателя и что остается за их пределами. Ценность нового регулирования определяется тем, насколько оно упрощает внесудебное решение вопроса.

Закон называет защиту потребителей среди принципов регулирования [1, ст. 3] и вводит реестр посреднических цифровых платформ, который ведет Минэкономразвития [1, ст. 4; 3]. Нормы, которые касаются покупателя напрямую, собраны в таблице 1.

Таблица 1. **Нормы пакета 289-ФЗ и 290-ФЗ, значимые для покупателя**

Норма	Что установлено	Что получает покупатель
Ст. 7 Закона № 289-ФЗ	Оператор указывает, что он не продавец, отмечает иностранного партнера и проверяет карточки по реестрам	Видит контрагента, а товары без обязательных документов не попадают в продажу
Ст. 10 Закона № 289-ФЗ	Выдача не должна нарушать критерии сортировки, выбранные пользователем	Контроль над порядком выдачи
Ст. 19 Закона № 289-ФЗ	Товар можно показать в пункте выдачи для осмотра, распаковки и примерки	Проверка заказа на месте получения
Ст. 18 (п. 3.1), ст. 29 (п. 7) Закона о защите прав потребителей	Требование о недостатках предъявляется продавцу на платформе, оператор обеспечивает возможность возврата денежных средств, уплаченные через платформу, а также товара продавцу	Единый канал претензии внутри платформы

Карточка товара стала главным местом раскрытия информации. Оператор обязан сообщить, что он не продавец и не заключает договор купли-продажи, если не торгует от своего имени, а также указать иностранного партнера [1, ст. 7]. Покупатель нередко воспринимает платформу как контрагента, и это порождает споры о надлежащем ответчике [8, с. 24]. Проверка карточек по реестрам должна ограничить продажу товаров без сертификата, регистрации или маркировки [1, ст. 7]. По оценке в литературе, около трети контрафактной продукции продается через маркетплейсы [11, с. 50]. Для покупателя полезнее всего прозрачность продавца и входной контроль предложений. Это снижает число споров на старте, но не отвечает на вопрос, что делать, когда спор уже возник.

Ответ дает 290-ФЗ. Он приравнял владельца агрегатора к оператору платформы и добавил в статью 18 Закона о защите прав потребителей пункт 3.1 [2]. Покупатель, обнаруживший недостаток, предъявляет требование продавцу прямо на платформе. Оператор обязан обеспечить эту техническую возможность, вернуть деньги, уплаченные через платформу, а при доставке через свою логистику организовать возврат товара продавцу [2]. Для работ и услуг такая же норма появилась в пункте 7 статьи 29 [2].

Разница с прежней практикой заметна. Покупатель, которому платформа отказала, сам выяснял данные продавца, направлял претензию и взыскивал неустойку, то есть проходил многоступенчатую процедуру вместо одной претензии [8, с. 24]. Суды при тех же обстоятельствах то признавали платформу ответчиком, то исключали ее из числа обязанных лиц [8, с. 24]. Чат поддержки претензию не заменял, потому что обращение в него не гарантировало соблюдения претензионного порядка, а ответ нередко сводился к совету идти к продавцу [9, с. 23]. Пресненский районный суд в 2023 году отказался применять условие правил платформы, позволявшее отменять заказы из-за прочих обстоятельств, мешающих передаче товара [9, с. 22]. Отдельный предмет споров составляла плата за возврат. Подольский городской суд в 2023 году признал незаконным удержание такой платы за товары ненадлежащего качества, но для товаров без недостатков она допускалась [9, с. 20–21]. Пункт 3.1 касается недостатков, поэтому плата за возврат качественного товара, на наш взгляд, остается зоной риска. Платформа по закону по-прежнему не продавец, если не торгует от своего имени [1, ст. 7]. Единый канал сокращает путь покупателя, но не меняет модель посредника, и это компромисс законодателя.

Пункты выдачи заказов закон тоже вывел из тени. Оператор обязан утвердить правила работы с ними, в том числе о распределении рисков повреждения и случайной гибели товара [1, ст. 19]. В литературе утрату и повреждение товаров при хранении и доставке относят к нарушениям, которые допускают сами платформы [11, с. 52]. Если же в пункте выдачи выкладывают и продают товары, не заказанные на платформе, к нему применяют требования Закона № 381-ФЗ для торговых объектов [1, ст. 19]. Закон не говорит, как распределение рисков между оператором и пунктом выдачи отразится на покупателе. На наш взгляд, ответственность перед ним по-прежнему определяют общие нормы Закона о защите прав потребителей.

Поисковая выдача решает, какой товар покупатель вообще увидит. Закон запретил игнорировать критерии сортировки, выбранные пользователем, и обязал давать платные инструменты продвижения всем партнерам на равных условиях [1, ст. 10]. Принципы ранжирования закон раскрывает партнеру, а не покупателю [1, ст. 5].

В литературе непрозрачность рекомендательных систем и интерфейсные уловки, подталкивающие к невыгодному выбору, относят к ключевым рискам платформ [6, с. 216]. На наш взгляд, следующий шаг регулирования лежит именно здесь.

К отношениям с иностранными партнёрами закон применяется лишь в части, не противоречащей праву ЕАЭС и международным договорам, что дополнительно ослабляет защиту покупателя. Закон лишь требует сообщать, что товар предлагает иностранный партнер, и допускает меры принуждения к иностранным операторам из реестра [1, ст. 7; ст. 22]. Практика AliExpress показывает масштаб проблемы. Право вернуть качественный товар в течение семи дней площадка оставляла на усмотрение продавцов, а обратная пересылка могла стоить дороже самого товара [5, с. 111]. Пользовательское соглашение допускало односторонний отказ продавца от сделки при отсутствии товара на складе, что противоречит российским нормам и позиции судов [5, с. 111].

Часть норм адресована продавцам, но влияет на покупателя косвенно. Об одностороннем изменении договора оператор уведомляет за 45 или 15 дней [1, ст. 12], меры ответственности и блокировку применяет только после мотивированного уведомления [1, ст. 13], а жалобу рассматривает за 15 дней и отменяет необоснованные меры в течение 48 часов [1, ст. 14]. До закона оферта Wildberries позволяла менять любые условия в одностороннем порядке, а доходы площадки от штрафов, пеней и неустоек выросли в 37,5 раза и составили 4,96 млрд руб. за 2023 год [7, с. 91]. На наш взгляд, продавцы с меньшими потерями реже закладывают их в цену. Проверить это можно будет по динамике цен после 1 октября 2026 года.

Контроль за соблюдением статей 7, 8, 18 и 19 отвечает Роспотребнадзор, за договорные нормы, скидки, поисковую выдачу и рассмотрение жалоб партнеров уже отвечает ФАС [1, ст. 21]. Покупателю придется различать два ведомства. Практический канал создают отдельно. Роспотребнадзор и Минцифры начинают эксперимент с электронной книгой жалоб на Госуслугах, на первом этапе по Ozon и Wildberries, а поводами названы отказ вернуть качественный товар в течение семи дней, отказ вернуть деньги после возврата товара и нарушение сроков возврата за отмененный заказ [10]. Закон закрыл вопрос о том, кому предъявлять требование, но оставил открытыми выдачу по умолчанию, трансграничные покупки и раздельный надзор. Покупатель замечает эти пробелы сильнее продавца. Электронная книга жалоб лишь частично их компенсирует.

Первые шаги к защите покупателя сделаны в трех местах. Карточка товара раскрывает контрагента и проходит проверку, поправки к Закону о защите прав потребителей дают единый канал требований, а оператор получил собственные обязанности. Часть подзаконных актов, включая правила ведения реестра, уже утверждена [3]. Если подзаконные акты и практика надзорных органов решат вопросы платы за возврат, трансграничных продаж и ранжирования, закон станет полноценной защитой покупателя. Если нет, внутренние правила платформ останутся для него главным источником прав.

Литература:

1. Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 28.10.2026).
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2025 № 290-ФЗ // Правовой портал ppt.ru. — URL: https://pravo.ppt.ru/fz/290-fz-316708 (дата обращения: 28.10.2026).
3. Об утверждении Правил формирования и ведения реестра посреднических цифровых платформ: постановление Правительства РФ от 30.04.2026 № 504 // Правовой портал ppt.ru. — URL: https://ppt.ru/obzory/vstupaet-v-silu/postanovlenie-pravitelstva-rf-30–04–2026–504 (дата обращения: 28.10.2026).
4. АКИТ: объем интернет-торговли в России в 2025 году вырос на 28 % // ComNews. — 2026. — 19 февр. — URL: https://www.comnews.ru/content/243883/2026–02–19/2026-w08/1009/akit-obem-internet-torgovli-rossii-2025-godu-vyros-28 (дата обращения: 28.10.2026).
5. Васильева А. В. Права потребителя при трансграничных онлайн-покупках (на примере электронной торговой площадки «Alibaba.com» («AliExpress.com»)) // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. — 2025. — Т. 14, № 1. — С. 108–113.
6. Гандзий Е. В. Цифровая платформа как объект информационно-правовых отношений // Аграрное и земельное право. — 2025. — № 5. — С. 215–217.
7. Зубарев Н. С. Оферта как инструмент правового регулирования предпринимательской деятельности с использованием маркетплейсов: опыт «Озона» и «Вайлдберриз» // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20, № 6 (175). — С. 86–96.
8. Иванников И. А. Правовое регулирование отношений между селлерами и маркетплейсами: проблемы и перспективы развития в российской юрисдикции // Universum: экономика и юриспруденция. — 2025. — № 8 (130). — С. 21–25.
9. Колесниченко О. В., Панкратова Д. В. Реализация товаров через маркетплейсы: проблемы осуществления и защиты прав потребителей // Национальная безопасность / nota bene. — 2024. — № 3. — С. 17–27.

10. На Госуслугах запустят электронную книгу жалоб на маркетплейсы // Retail.ru. — 2026. — 29 мая. — URL: https://www.retail.ru/news/na-gosuslugakh-zapustyat-elektronnuyu-knigu-zhalob-na-marketpleysy-29-maya-2026–278330/ (дата обращения: 28.10.2026).
11. Осадчая С. М. Нарушение принципов социально-этического маркетинга в деятельности маркетплейсов // Практический маркетинг. — 2025. — № 1 (331). — С. 48–53.
12. Роспотребнадзор: каждая третья жалоба граждан связана с онлайн-покупками // Pravo.ru. — 2026. — 12 марта. — URL: https://pravo.ru/news/262800/ (дата обращения: 28.10.2026).
13. Рынок e-commerce в 2025 году: 8,3 млрд заказов, минимальный рост за 8 лет и доля маркетплейсов 81 % // SelSup. — 2026. — 31 марта. — URL: https://selsup.ru/blog/rynok-e-commerce-v-2025-godu-8–3-mlrd-zakazov-minimalnyj-rost-za-8-let-i-dolya-marketplejsov-81/ (дата обращения: 28.10.2026).

Правовой дисбаланс в регулировании проституции: обоснование ответственности клиента

Гимадиева Аделя Булатовна, студент магистратуры
Университет управления «ТИСБИ» (г. Казань)

В статье автор исследует структурный дисбаланс российского законодательства о проституции: ответственность сосредоточена на исполнителе и организаторе, тогда как клиент, пользующийся услугами совершеннолетней проститутки, остаётся вне сферы юридической ответственности. Обосновывается необходимость устранения этого пробела и предлагается конкретная модель ответственности клиента.

Ключевые слова: *проституция, правовое регулирование, административная ответственность, уголовная ответственность, клиент, законодательные пробелы.*

Российское законодательство о проституции построено по принципу частичной криминализации: занятие проституцией влечёт административную ответственность (ст. 6.11 КоАП РФ) [1], вовлечение и организация — уголовную (ст. 240, 241 УК РФ) [2]. Однако клиент, приобретающий сексуальные услуги у совершеннолетней проститутки, действующей добровольно, не несёт никакой юридической ответственности. Такая асимметрия создаёт парадоксальную ситуацию: государство наказывает предложение, но игнорирует спрос, который это предложение порождает.

Оценить реальные масштабы проституции крайне сложно: государственная статистика фиксирует лишь выявленные случаи, тогда как большинство сделок остаётся латентным. По экспертным оценкам, годовой оборот теневого секс-бизнеса в России превышает 13 миллиардов рублей. [3]

Только в Москве, по данным «Известий», работает свыше трёх тысяч эскортниц и эскортников, а средний чек за их услуги варьируется от 10 до 50 тысяч рублей. Наименьшую долю в обороте — около 0,8 миллиарда рублей — составляют VIP-балы и закрытые мероприятия, однако именно эти сегменты отличаются наибольшей латентностью и участием представителей элиты.

Показательна и динамика цифрового сегмента: за первые пять месяцев 2025 года в социальных сетях и мессенджерах было опубликовано более 100 тысяч объявлений об интимных услугах — в четыре раза больше, чем за аналогичный период 2024 года. При этом большинство объявлений публикуют женщины, работающие самостоятельно, без сутенёров. [4] Эти данные свидетельствуют о том, что запретительные меры, направленные исключительно на предложение, не приводят к сокращению рынка: он адаптируется, уходит в цифровую среду и продолжает расширяться.

Если занятие проституцией признаётся административным правонарушением, то лицо, сознательно приобретающее результат этого правонарушения, не может рассматриваться как полностью добросовестный участник общественных отношений. Отсутствие ответственности для клиента не только создаёт морально-правовой дисбаланс, но и подрывает профилактический потенциал законодательства. Именно спрос является экономической основой существования индустрии: без устойчивого платежеспособного спроса со стороны мужчин рынок не мог бы расширяться. В контексте общества потребления покупка сексуальных услуг приобретает характер статусного потребления, сигнализируя о финансовых возможностях и «свободе» от моральных ограничений. Отсутствие правовых барьеров для клиента фактически легитимирует спрос на неформальном уровне, создавая ситуацию, при которой риск для покупателя минимален, а для продавца — реален.

Показательной представляется и мотивационная сторона поведения клиента. В криминологической литературе к причинам обращения мужчин к услугам проституток относят систематическую сексуальную потребность, стремление разрешить психологические проблемы посредством «любви за деньги», одиночество, неудовле-

творённость браком, заниженную самооценку, а также низкую способность или отсутствие желания к установлению доверительных, эмоционально насыщенных отношений с женщиной [5, с. 54].

С правовой точки зрения существенно, что клиент действует умышленно: он осознаёт, что приобретает услугу, оказание которой в Российской Федерации признаётся административным правонарушением, и сознательно вступает в эти отношения. Это означает, что фигура клиента не может рассматриваться как пассивный «потребитель» — он является активным участником правоотношения, целенаправленно поддерживающим существование индустрии. Именно умышленный характер его поведения создаёт достаточную субъективную предпосылку для постановки вопроса о юридической ответственности, поскольку лицо, осознающее противоправность приобретаемого результата, не может быть признано добросовестным участником общественных отношений.

Для устранения пробела предлагается изменить статью 240.1 УК РФ, убрав из её названия слово «несовершеннолетнего» и добавив часть, предусматривающую ответственность за получение сексуальных услуг совершеннолетнего лица, оказываемых добровольно. Санкция — обязательные работы на срок до двухсот часов либо исправительные работы на срок до одного года.

Проведенное исследование показало, что отсутствие ответственности для клиента представляет собой логически необоснованный и практически контрпродуктивный элемент правового регулирования. Если проституция признаётся административным правонарушением, последовательное правовое регулирование требует распространения ответственности на все стороны соответствующих отношений. Предложенная модель —уголовная ответственность за получение сексуальных услуг совершеннолетнего лица, оказываемых добровольно, — позволяет устранить дисбаланс, не прибегая к чрезмерно репрессивным мерам. Выбор конкретной модели остаётся вопросом политико-правового выбора, требующего учёта как международного опыта, так и российских социально-культурных реалий.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1, ч. 1. — Ст. 1.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.12.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 25, ст. 2954.
3. Оборот секс-бизнеса в России превысил 13 млрд рублей // Аргументы Недели. — 2025. — 10 ноября. — URL: https://argumenti.ru/society/2025/11/974542/amp (дата обращения: 28.10.2026).
4. Число объявлений в соцсетях об оказании секс-услуг в 2025 году выросло в 4 раза // РЕН ТВ. — 2025. — 5 июня. — URL: https://amp.ren.tv/news/v-rossii/1340442-chislo-obiavlenii-v-sotssetiakh-ob-okazanii-seks-uslug-v-2025-godu-vyroslo-v-4-raza (дата обращения: 28.10.2026).
5. Шалагин А. Е. Криминология: учебное пособие. — Казань: КЮИ МВД России, 2016. — С. 53–55.

Административная ответственность бизнеса за картельные сговоры при проведении торгов

Гологурова Алина Андреевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена анализу составов правонарушений в сфере антимонопольного регулирования при проведении корпоративных и государственных закупок. Исследуются квалифицирующие признаки картельного сговора между юридическими лицами. Рассматриваются проблемы доказывания антиконкурентных соглашений в условиях цифровизации торгов. Предлагаются практические рекомендации по созданию системы комплаенса для предотвращения антимонопольных рисков. Отмечается тенденция к ужесточению ответственности за координацию экономической деятельности.

Ключевые слова: *антимонопольная ответственность, картельный сговор, правовое обеспечение бизнеса, закупки, комплаенс, штрафы, Федеральная антимонопольная служба.*

Administrative liability of business for cartel agreements during tenders

The article analyzes the elements of offenses in the field of antimonopoly regulation during corporate and public procurement. The qualifying signs of cartel collusion between legal entities are investigated. The problems of proving anti-competitive agreements in the

context of digitalization of trading are considered. Practical recommendations for creating a compliance system to prevent antimonopoly risks are offered. There is a tendency to tighten liability for coordination of economic activities.

Ключевые слова: *antimonopoly liability, cartel agreement, legal support of business, procurement, compliance, fines, Federal Antimonopoly Service.*

Одной из наиболее острых проблем правового обеспечения бизнеса в России является предупреждение и минимизация последствий картельных сговоров. Статья 11 Федерального закона «О защите конкуренции» № 135-ФЗ запрещает соглашения между хозяйствующими субъектами, которые приводят к повышению, снижению или поддержанию цен на торгах. Судебная статистика показывает, что за последние три года количество возбужденных антимонопольных дел в сфере закупок выросло на 37 %.

Ключевой проблемой квалификации выступает доказывание самого факта наличия соглашения. Поскольку прямые доказательства (протоколы встреч, переписка) часто отсутствуют, антимонопольные органы используют косвенные доказательства: синхронность поведения участников торгов, использование общих IP-адресов при подаче заявок, единые контактные номера телефонов. Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики № 3 (2022) указал, что совокупность косвенных доказательств может быть достаточной для привлечения к ответственности.

Особенностью антимонопольной ответственности является ее оборотный характер. Согласно Кодексу об административных правонарушениях (статья 14.32), штраф для юридического лица за картельный сговор составляет от 10 % до 50 % от суммы выручки правонарушителя на том товарном рынке, где совершено нарушение. Это создает риск банкротства даже для крупных компаний. Параллельно должностные лица несут дисквалификацию сроком до трех лет.

Значительный правовой пробел связан с отсутствием четких критериев разграничения правомерного обмена информацией в рамках холдинговых структур и картельного сговора. Группа лиц, действующая в рамках единой экономической политики, не может быть признана нарушителем по формальным основаниям, однако на практике ФАС России часто оспаривает такие соглашения, если они не раскрыты в регламентах торгов.

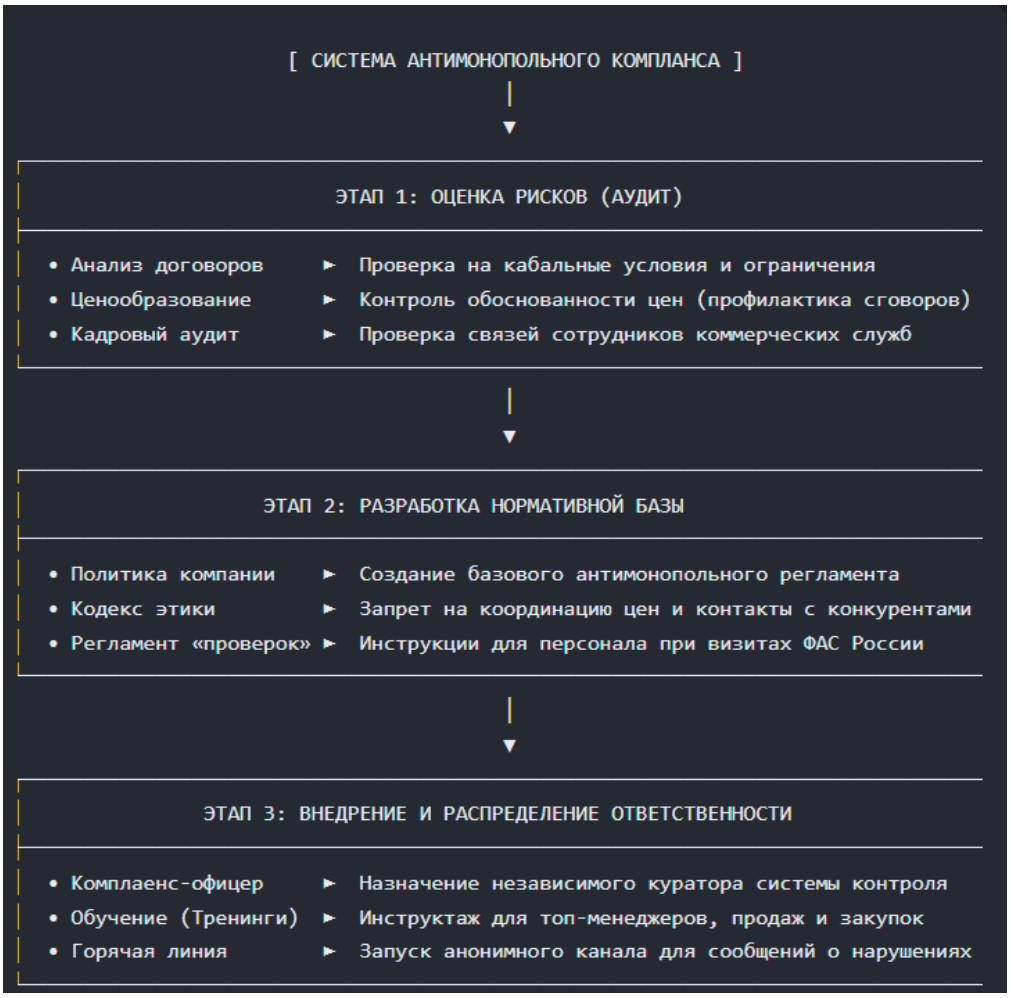
Отдельного внимания заслуживает проблема ответственности за картельные сговоры, совершённые с использованием цифровых инструментов и электронных торговых площадок. С развитием закупок в электронной форме (в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ и Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ) участники всё чаще применяют технологии для координации своих действий без прямого контакта. Речь идёт об использовании программных ботов для синхронной подачи ценовых предложений, обмене сигналами через изменение времени подачи заявок, а также о так называемых «цифровых отпечатках» — совпадении метаданных файлов заявок, IP-адресов и цифровых сертификатов электронных подписей.

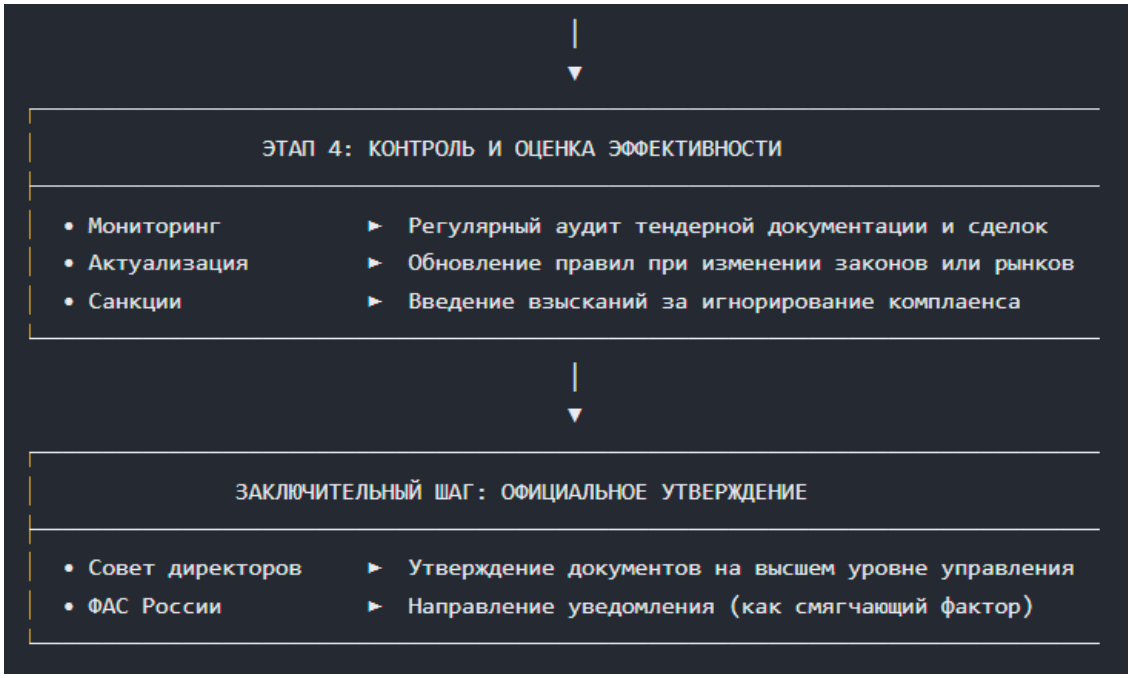
Судебная практика 2023–2024 годов демонстрирует, что антимонопольные органы всё активнее используют средства технического анализа для доказывания сговора. Например, в ряде дел ФАС России признавала наличие картеля на основании совпадения хеш-сумм загруженных документов и идентичности временных задержек между подачей заявок с точностью до миллисекунд. Однако такая практика порождает встречную проблему: отсутствие законодательно закреплённых критериев допустимости цифровых доказательств позволяет участникам торгов оспаривать решения антимонопольного органа в арбитражном суде, ссылаясь на случайность совпадений.

Ещё один дискуссионный аспект — ответственность за «вертикальные» соглашения между заказчиком и участником торгов. В отличие от классического картеля (горизонтального сговора), такие соглашения не всегда очевидны для третьих лиц, поскольку могут быть замаскированы под законные требования к квалификации поставщика. Правовое обеспечение бизнеса в этой сфере требует разработки внутренних регламентов проверки контрагентов на предмет аффилированности с заказчиком, а также внедрения системы «красных флагов» — индикаторов, сигнализирующих о потенциальном конфликте интересов ещё на этапе подготовки заявки.

Кроме того, актуальным остаётся вопрос о разграничении административной ответственности юридического лица и уголовной ответственности его руководителя. Статья 178 Уголовного кодекса РФ предусматривает лишение свободы за ограничение конкуренции, однако на практике доказать личную заинтересованность директора удаётся не всегда. Для бизнеса это означает необходимость документального подтверждения того, что сотрудник действовал вне рамок должностных инструкций. В связи с этим предлагается дополнить локальные акты компаний положением об обязательном уведомлении службы комплаенса о любых контактах с конкурентами по вопросам ценообразования на торгах.

В заключение подчеркнем, что правовое обеспечение бизнеса в сфере закупок переходит от пассивной защиты к активному риск-менеджменту. Целесообразно законодательное закрепление института позитивного комплаенса, при котором добросовестное поведение компании служит смягчающим обстоятельством. Рекомендуется регулярное повышение квалификации юристов в области антимонопольного права.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2022), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.12.2022 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 3.
4. Пузыревский С. А., Кинёв А. Ю. Антимонопольный комплаенс в системе управления юридическим лицом // Закон. 2023. № 1. С. 56–67.
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.05.2023 № А40–12456/2022 по делу о картельном сговоре при закупке медицинского оборудования // СПС «Гарант».
6. Алешин Д. А., Артюшенко Д. В. Цифровые доказательства картельных сговоров на электронных торгах // Конкурентное право. 2024. № 2. С. 33–40.

Правовые риски использования цифровых финансовых активов в корпоративных структурах

Гологурова Алина Андреевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются правовые риски, возникающие при внедрении цифровых финансовых активов в деятельность коммерческих организаций. Анализируются пробелы в законодательстве Российской Федерации, касающиеся налогообложения криптовалютных операций и обращения токенов. Предлагаются меры по минимизации правовых угроз для бизнеса, включая разработку внутренних локальных актов и страхование цифровых рисков. Делается вывод о необходимости унификации судебной практики по спорам, связанным с цифровыми активами.

Ключевые слова: *цифровые финансовые активы, правовое обеспечение бизнеса, криптовалюта, токены, смарт-контракты, правовые риски, налогообложение.*

Legal risks of using digital financial assets in corporate structures

The article examines the legal risks arising from the introduction of digital financial assets into the activities of commercial organizations. Gaps in the legislation of the Russian Federation concerning taxation of cryptocurrency transactions and circulation of tokens are analyzed. Measures to minimize legal threats for business are proposed, including the development of internal local acts and insurance of digital risks. The conclusion is made about the need to unify judicial practice in disputes related to digital assets.

Ключевые слова: *digital financial assets, legal support of business, cryptocurrency, tokens, smart contracts, legal risks, taxation.*

Современный этап развития экономики характеризуется стремительной цифровизацией всех бизнес-процессов. Внедрение цифровых финансовых активов (ЦФА) создает новые возможности для привлечения инвестиций, но одновременно порождает комплекс правовых проблем. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах» от 31.07.2020 № 259-ФЗ заложил лишь базовые принципы регулирования, оставив множество вопросов нерешенными.

Первая группа правовых рисков связана с неопределенностью налогового статуса операций с ЦФА. Налоговый кодекс РФ не имеет четких правил для исчисления НДС и налога на прибыль при расчетах токенами. Бизнес сталкивается с ситуацией, когда сделка экономически выгодна, но ее правовое оформление может быть оспорено налоговыми органами. В правоприменительной практике отсутствует единая четкая позиция о моменте признания дохода от реализации цифровых активов.

Вторая группа рисков касается защиты прав добросовестных приобретателей ЦФА. В отличие от традиционного имущества, цифровые активы не обладают вещно-правовой природой, что исключает применение виндикационного иска. Судебные споры демонстрируют противоречивые подходы: одни суды признают криптовалюту имуществом, другие — нет. Для предпринимателя это означает невозможность застраховать титул владельца цифрового актива.

Третьей проблемой является правовое регулирование смарт-контрактов как формы автоматизации обязательств. Статья 309 Гражданского кодекса РФ допускает исполнение обязательств без участия человека, но порядок изменения или расторжения смарт-контракта при форс-мажорных обстоятельствах законодательно не урегулирован. Бизнес несет риски блокировки средств в «зависших» транзакциях.

Четвёртая группа рисков: неопределённость правовой природы цифровых активов и доступность судебной защиты

Цифровые финансовые активы, выпускаемые в рамках российского регулирования, следует отличать от ци-

фровых валют и так называемых стейблкоинов, которые обращаются в децентрализованных информационных системах. На практике это разграничение порождает дополнительные правовые риски для корпоративных структур, поскольку суды зачастую не проводят чёткой границы между этими категориями. Так, в деле о взыскании задолженности по цифровым финансовым активам, выпущенным на основании решения № 1 от 26.04.2024 с уникальным номером NDM_FSYS-PP-FIXPRCNI-05.25, суд был вынужден отдельно устанавливать правовую природу объекта спора, опираясь на положения статьи 2 Федерального закона № 259-ФЗ о моменте возникновения прав, удостоверенных цифровыми финансовыми активами. Эмитент допустил просрочку периодических выплат и не произвёл погашение актива в установленный срок, что вынудило обладателя обратиться за судебной защитой.

Особую остроту этой проблеме придаёт позиция Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированная в Постановлении от 20 января 2026 года № 2-П. Суд признал часть 6 статьи 14 Федерального закона № 259-ФЗ не соответствующей Конституции в той мере, в какой она связывает судебную защиту имущественных требований, вытекающих из обладания цифровой валютой, с обязательным информированием налоговых органов. Конституционный Суд указал, что незавершённость правового регулирования и отсутствие единообразного понимания режима цифровых активов способны «нивелировать» судебную защиту, что противоречит конституционным требованиям и негативно сказывается на стабильности гражданского оборота. Показательно, что в рассмотренном деле речь шла о стейблкоинах USDT, которые суды ошибочно отнесли к цифровой валюте, тогда как, по мнению ряда участников процесса, такие активы представляют собой иностранное цифровое право, обеспеченное долларом США, и не подпадают под действие российского регулирования цифровой валюты.

Для правового обеспечения бизнеса этот вывод имеет двойственное значение. С одной стороны, он расширяет возможности защиты имущественных интересов компаний, работающих с цифровыми активами не через майнинг, а через приобретение на биржевом рынке или в рамках договорных конструкций. С другой стороны, сохраняющаяся неопределённость в вопросе о том, какие именно активы подпадают под режим цифровой валюты, а какие — нет, создаёт риск непредсказуемости судебных решений. Конституционный Суд прямо предписал законодателю урегулировать этот вопрос, однако до внесения соответствующих изменений корпоративным юристам приходится самостоятельно моделировать правовые позиции исходя из прецедентной логики.

Дополнительный риск связан с бременем доказывания законности приобретения цифрового актива. Хотя Конституционный Суд допустил судебную защиту имущественных требований без предварительного уведомления ФНС, он одновременно указал на необходимость представления сведений, подтверждающих законность получения и использования виртуального актива. Для бизнеса это означает, что внутренний документооборот должен включать не только гражданско-правовые договоры, но и доказательства легальности источника приобретения активов, что особенно актуально при работе с контрагентами, использующими децентрализованные платформы.

Меры минимизации правовых рисков включают разработку внутренних политик компании по работе с ЦФА, обязательное документирование всех операций с цифровыми активами через нотариальные протоколы, а также использование гибридных смарт-контрактов с возможностью арбитражного вмешательства. Целесообразно внедрение цифрового страхования предпринимательских рисков, связанных с волатильностью и утратой ключей доступа.

Отдельного рассмотрения также заслуживает вопрос о налоговых последствиях операций с цифровыми финансовыми активами для корпоративных структур. Действующее законодательство не содержит полноценного регулирования момента признания дохода и расхода при приобретении, обмене и погашении ЦФА. В результате компания может столкнуться с ситуацией, когда одна и та же операция квалифицируется налоговым органом и самой организацией по-разному. Особенно остро эта проблема проявляется при реорганизации юридических лиц: передача цифровых активов в уставный капитал дочерней структуры может быть расценена как реализация имущества, что влечёт обязанность исчислить НДС и налог на прибыль, несмотря на отсутствие фактического выбытия актива из корпоративного контроля.

Судебная практика по данному вопросу пока немногочисленна и противоречива. В одних решениях суды указывают, что цифровые финансовые активы не являются имуществом в смысле статьи 128 Гражданского кодекса РФ, а представляют собой имущественные права, что меняет порядок налогообложения. В других — суды приравнивают их к иному имуществу, применяя общие правила. Такая нестабильность создаёт прямые финансовые риски: доначисление налогов, штрафы и пени могут существенно превысить экономический эффект от сделки.

Для минимизации налоговых рисков корпоративным юристам рекомендуется: во-первых, закреплять в учётной политике детальную методику квалификации операций с ЦФА; во-вторых, инициировать получение письменных разъяснений Министерства финансов РФ по конкретным сделкам; в-третьих, включать в договоры с контрагентами налоговые оговорки, распределяющие риски доначислений. Комплексный подход к налоговому структурированию операций с цифровыми активами становится неотъемлемой частью правового обеспечения бизнеса.

В заключении, можем отметить, что правовое обеспечение бизнеса в сфере ЦФА требует перехода от реактивной модели (реагирование на уже возникшие споры) к проактивной (предварительное моделирование правовых конструкций). Рекомендуется создание отраслевых стандартов оборота цифровых финансовых активов, обязательных для участников корпоративных структур.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5018.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Васильева, С. Н. Финансово-правовое регулирование цифровых активов и инновационных финансовых технологий / С. Н. Васильева, Ю. Ю. Маташкова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 47 (598). — С. 174–176. — URL: https://moluch.ru/archive/598/130446 (дата обращения: 25.10.2026).
4. Баразбиев, Т. А. Цифровые финансовые активы и цифровая валюта / Т. А. Баразбиев. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 9 (560). — С. 131–132. — URL: https://moluch.ru/archive/560/123125 (дата обращения: 25.10.2026).
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П по делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Д. И. Тимченко // СПС «КонсультантПлюс».
6. Решение суда по делу № 02–11020/2025 о взыскании задолженности по цифровым финансовым активам, выпущенным в информационной системе NDM_FSYS-PP-FIXPRCNI-05.25 // SudAct.ru. URL: https://sudact.ru/regular/doc/qfGIplNpqabC/ (дата обращения: 30.09.2026).

Доктринальные и нормативные пробелы в системе правового обеспечения экономической безопасности Российской Федерации

Губайдулина Софья Артуровна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье автор анализирует системные проблемы правового регулирования в сфере обеспечения экономической безопасности государства. Рассматривается разрыв между стратегическим целеполаганием, заложенным в документах высшего уровня, и отраслевым законодательством. Особое внимание уделяется проблемам имплементации норм в условиях санкционного давления и трансформации глобальных цепочек поставок.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, правовое регулирование, санкционное давление, импортозамещение, Стратегия экономической безопасности, пробелы в законодательстве.*

Экономическая безопасность является фундаментом государственного суверенитета. В Российской Федерации правовое обеспечение этой сферы базируется на многоуровневой системе нормативных актов. Однако современная геополитическая и экономическая конъюнктура выявила ряд существенных дефектов в действующем законодательстве.

Целью настоящей статьи является идентификация и классификация правовых пробелов, препятствующих эффективному противодействию внешним и внутренним экономическим угрозам.

1. Иерархия правового обеспечения и проблема декларированности норм.

Основой правового регулирования выступает Конституция РФ, закрепляющая единство экономического пространства и свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств (ст. 74, 75). На доктринальном уровне экономическая безопасность определяется как состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз.

Ключевым рамочным документом является Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности». Однако, как отмечают исследователи, данный закон носит во многом декларативный характер, устанавливая общие принципы (законность, системность, комплексность), но не предлагая конкретных механизмов их реализации в экономической сфере.

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208) конкретизирует вызовы, однако ее реализация сталкивается с проблемой отсутствия прямого механизма ответственности за недостижение целевых показателей. Стратегия задает вектор, но не создает новых правовых обязанностей для субъектов экономической деятельности, что снижает ее практическую ценность в кризисные периоды.

2. Проблема адаптации отраслевого законодательства к режиму санкций.

Наиболее острой проблемой правового обеспечения экономической безопасности в 2022–2025 годах стала

инерционность отраслевого законодательства. В условиях беспрецедентного санкционного давления выявились следующие пробелы:

— регулирование параллельного импорта и защиты интеллектуальной собственности: действующая часть четвертая Гражданского кодекса РФ жестко защищает исключительные права правообладателей. В условиях ухода иностранных вендоров это создало правовой вакуум. Федеральный закон от 28.06.2022 № 213-ФЗ, легализовавший параллельный импорт, решил проблему дефицита, но породил правовую неопределенность в вопросах гарантийного обслуживания, сертификации и таможенного контроля;

— валютное и банковское регулирование: федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» и Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» не были рассчитаны на масштабное отключение банков от системы SWIFT и заморозку золотовалютных резервов. Экстренное принятие указов Президента РФ (например, об обязательной продаже валютной выручки) заполнило этот пробел, но выявило уязвимость системы, опирающейся на подзаконные акты оперативного реагирования вместо системных поправок в кодексы;

— цифровая экономическая безопасность: законодательство в сфере критической информационной инфраструктуры (ФЗ-187) не в полной мере учитывает риски трансграничных кибератак на финансовый сектор и системы государственного управления, что требует пересмотра понятийного аппарата и расширения субъектного состава ответственности.

В заключение хочется отметить, что проблемы правового обеспечения экономической безопасности РФ носят системный характер. Основной вызов заключается в необходимости перехода от реактивного нормотворчества (принятия срочных указов и постановлений) к превентивному. Требуется ревизия отраслевых кодексов (Бюджетного, Налогового, Гражданского) с целью их адаптации к условиям долгосрочной экономической изоляции и структурной трансформации экономики. Без создания гибкого правового механизма, способного оперативно менять режимы регулирования без изменения базовых законов, экономическая безопасность государства останется уязвимой перед гибридными угрозами.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Статьи 74, 75.
2. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства РФ, 03.01.2011, № 1, ст. 2.
3. Федеральный закон от 28.06.2022 № 213-ФЗ «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»» (в части легализации параллельного импорта) // Собрание законодательства РФ, 04.07.2022, № 27, ст. 4609.
4. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства РФ, 15.12.2003, № 50, ст. 4859.
5. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации.
6. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ, 15.05.2017, № 20, ст. 2902.
7. Указ Президента РФ от 08.03.2022 № 100 «О применении в целях обеспечения безопасности Российской Федерации специальных экономических мер в сфере внешнеэкономической деятельности» (в контексте регулирования параллельного импорта).
8. Указ Президента РФ от 18.03.2022 № 126 (ред. от 08.12.2025) «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации в сфере валютного регулирования».
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в ред. от 23.07.2025 № 235-ФЗ).

Институциональные противоречия в механизме правового противодействия теневой экономике как угроза экономической безопасности

Губайдулина Софья Артуровна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье автор исследует проблемы правового обеспечения экономической безопасности через призму борьбы с теневым сектором. Анализируются коллизии между фискальными интересами государства и необходимостью создания

благоприятного делового климата. Предлагаются пути совершенствования законодательства для снижения административных барьеров и вывода экономики из тени.

Ключевые слова: *теневая экономика, экономическая безопасность, правоприменение, налоговое администрирование, коррупция, институциональные ловушки.*

Теневая экономика представляет собой одну из наиболее значимых внутренних угроз экономической безопасности страны. По оценкам экспертов, ее объем в России варьируется от 20 % до 40 % ВВП. Правовое обеспечение безопасности в данном контексте должно решать двуединую задачу: с одной стороны, ужесточать контроль за незаконными финансовыми операциями, с другой — снижать стимулы для ухода бизнеса в тень.

Цель статьи проанализировать институциональные противоречия, возникающие при реализации этой задачи.

1. Коллизия фискальных интересов и защиты прав предпринимателей.

Правовое регулирование экономики в России характеризуется высокой степенью централизации фискальной функции. Налоговый кодекс РФ, будучи одним из наиболее стабильных документов, подвергается постоянным точечным изменениям, направленным на пресечение схем уклонения от уплаты налогов.

Однако, как справедливо отмечается в научной литературе, правовое обеспечение экономической безопасности должно базироваться на принципе равноправия рыночных субъектов и ликвидации барьеров для предпринимательства. На практике наблюдается обратная тенденция:

• Размывание принципа презумпции добросовестности налогоплательщика.

Сложившаяся судебная практика по ст. 54.1 НК РФ фактически перекладывает бремя доказывания реальности сделки на бизнес. Это создает правовую неопределенность и стимулирует дробление бизнеса — одну из главных форм теневой экономики;

• Нормотворческая инфляция.

Частые изменения в законодательстве о применении контрольно-кассовой техники, маркировке товаров и системах прослеживаемости (например, система «Честный знак») увеличивают транзакционные издержки легального бизнеса. Когда издержки легализации превышают риски наказания, правовое обеспечение безопасности парадоксальным образом стимулирует рост теневого сектора;

• Проблемы правоприменительной практики и коррупциогенность норм. Эффективность правового обеспечения экономической безопасности зависит не только от качества законов, но и от правоприменения. Здесь выявляются следующие проблемы:

— Избыточность уголовно-правового регулирования. Статьи 172 (незаконная банковская деятельность), 173.1 и 173.2 (незаконное образование юридического лица) УК РФ зачастую используются не для борьбы с реальными экономическими преступлениями, а как инструмент давления на бизнес в рамках корпоративных конфликтов. Это подрывает доверие к правовой системе как к гаранту безопасности.

— Коррупциогенность. Сложность и противоречивость таможенного и административного законодательства создают почву для коррупции. Правовая норма, направленная на обеспечение безопасности (например, фитосанитарный контроль), при избыточной дискреции проверяющих органов превращается в барьер для легального импорта, стимулируя контрабанду.

• Пути совершенствования правового обеспечения.

Для нейтрализации теневой экономики как угрозы экономической безопасности необходимо реформирование законодательства по следующим направлениям:

1. Стабилизация налоговой системы.

Введение моратория на существенные изменения НК РФ на срок 3–5 лет для формирования долгосрочных ожиданий у бизнеса.

2. Гуманизация экономического уголовного законодательства.

Четкое разграничение гражданско-правовых споров и уголовно наказуемых деяний, исключение возможности возбуждения уголовных дел без заявления потерпевшего по большинству составов экономических преступлений.

3. Цифровизация правоприменения.

Переход от репрессивных проверок к автоматизированному мониторингу (регуляторная гильотина 2.0), где правовые последствия наступают автоматически при выявлении алгоритмических аномалий, что исключает человеческий фактор и коррупцию.

Подводя итог, можно отметить, что проблемы правового обеспечения экономической безопасности в части борьбы с теневой экономикой лежат в плоскости избыточного государственного вмешательства и низкого качества институтов. Безопасность не может быть обеспечена исключительно ужесточением контроля. Она требует создания такой правовой среды, в которой легальное ведение бизнеса становится экономически более выгодным и безопасным, чем нахождение в тени. Это требует синхронизации норм административного, налогового и уголовного права.

Литература:

1. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства РФ, 03.01.2011, № 1, ст. 2.

2. Федеральный закон от 18.07.2017 № 163-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации»
3. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 25.04.2026 № 105-ФЗ)
4. Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» (с изменениями от 26 июня 2023 года).
5. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.96 № 63-ФЗ.
7. Брызгалин А. В. Практика применения статьи 54.1 НК РФ: от формальных претензий к доказыванию реальности сделок // Налоговед. 2021. № 5.
8. Крохина Ю. А. Финансовое право России: Учебник. — М.: Норма, 2022.
9. Налоговые преступления / Под ред. П. С. Яни. — М.: Проспект, 2021.

Договор строительного подряда: проблемные вопросы исполнения, ответственности и судебной защиты сторон

Джулакян Шогине Арменовна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье рассматриваются ключевые правовые проблемы, возникающие в процессе исполнения договора строительного подряда. Анализируются сложности, связанные с приемкой работ, определением объемов и качества выполненных обязательств. Особое внимание уделяется механизмам гражданско-правовой ответственности сторон и специфике судебной защиты интересов заказчика и подрядчика в условиях нестабильности рыночных условий и внедрения цифровых технологий.

Ключевые слова: *строительный подряд, исполнение обязательств, гражданско-правовая ответственность, судебная защита, дефекты работ, приемка объекта.*

Введение

Договор строительного подряда является одним из наиболее сложных и многогранных институтов гражданского права. Его специфика обусловлена высокой стоимостью работ, длительным временным периодом исполнения, необходимостью использования специализированных технологий и участием множества субъектов (генподрядчик, субподрядчики, проектировщики, поставщики). В современных условиях правоприменительная практика сталкивается с рядом системных проблем. Несовершенство законодательного регулирования в сочетании с динамично меняющимися экономическими реалиями порождает споры о соразмерности цен, качестве работ и основаниях для расторжения договоров. Актуальность данного исследования продиктована необходимостью поиска баланса интересов сторон и совершенствования механизмов судебной защиты в строительной отрасли.

Проблемные вопросы исполнения обязательств

Одним из наиболее конфликтных этапов исполнения договора является процедура приемки выполненных работ. Согласно ст. 753 ГК РФ, приемка работ должна оформляться актами, подписанными обеими сторонами. Однако на практике часто возникает ситуация «одностороннего отказа» от подписания актов. Основная проблема заключается в разграничении существенных и несущественных недостатков. Заказчики зачастую используют наличие мелких дефектов как легитимный повод для необоснованного удержания оплаты за фактически выполненный объем работ. С другой стороны, подрядчики могут пытаться скрыть недостатки, надеясь на то, что при эксплуатации объекта они не проявятся немедленно. Проблема «скрытых недостатков» требует особого подхода в судебной защите. Судебная практика показывает, что ключевым инструментом здесь выступает строительно-техническая экспертиза. Однако сложность заключается в определении момента возникновения дефекта: был ли он заложен на этапе проектирования, возник в процессе строительства или стал следствием нарушения правил эксплуатации объекта заказчиком. Другим аспектом исполнения является изменение стоимости работ. В условиях волатильности цен на строительные материалы и логистику, вопрос о правомерности увеличения сметной стоимости (дополнительных работ) становится критическим. Проблема осложняется тем, что ст. 743 ГК РФ возлагает на подрядчика обязанность немедленно предупре-

дить заказчика о необходимости дополнительных работ, однако доказывание факта такого уведомления в суде часто становится невозможным из-за отсутствия надлежаще оформленной документации.

Гражданско-правовая ответственность сторон

Ответственность в строительном подряде многогранна. Она может проявляться в форме взыскания неустойки (пени, штрафов), возмещения убытков или исправления дефектов за счет исполнителя. Наиболее распространенным спором является вопрос о соразмерности неустойки. Суды, руководствуясь ст. 333 ГК РФ, часто снижают размеры штрафных санкций, наложенных на подрядчиков за нарушение сроков. Это создает риск для заказчиков, чьи инвестиционные циклы жестко привязаны к датам ввода объекта в эксплуатацию. С другой стороны, чрезмерно высокие штрафы могут привести к банкротству подрядных организаций, что в конечном итоге наносит ущерб строительной отрасли в целом. Особого внимания заслуживает ответственность за нарушение требований проектной документации. Здесь возникает «распределенная ответственность»: кто должен нести убытки, если здание дает трещину — тот, кто строил (подрядчик), или тот, кто подготовил ошибочный чертеж (проектировщик)? Современная тенденция склоняется к необходимости детальной регламентации регрессных требований в договорах, чтобы избежать затяжных судебных разбирательств по установлению виновного лица. Также следует отметить проблему ответственности за действия субподрядчиков. В классической модели ответственности генподрядчик отвечает перед заказчиком за действия всех привлеченных им лиц. Однако в крупных проектах фактический контроль над качеством работ субподрядчика часто утрачивается, что ведет к разрыву связи между деликтом (действием) и лицом, несущим за него ответственность.

Судебная защита интересов сторон

Судебная защита в строительных спорах характеризуется высокой степенью технической сложности. Основным инструментом защиты является судебная экспертиза. Однако эксперты не всегда обладают необходимой квалификацией или полнотой данных, что приводит к вынесению ошибочных судебных решений. Для заказчика наиболее эффективным способом защиты является право на приостановление оплаты или удержание части средств до устранения дефектов. Однако суды строго следят за тем, чтобы это право не превращалось в инструмент необоснованного обогащения заказчика. Заказчик обязан доказать, что дефект действительно препятствует целевому использованию объекта. Для подрядчика ключевым механизмом защиты является право на оплату фактически выполненных работ, даже если акты не были подписаны заказчиком, при условии подтверждения объема работ экспертизой. Судебная защита интересов подрядчика также включает оспаривание необоснованных претензий заказчика по качеству, если последние не были своевременно заявлены в установленном договором порядке. В последнее время наблюдается рост значимости альтернативных способов разрешения споров (ADR), таких как строительный арбитраж и медиация. Учитывая специфику отрасли, досудебное урегулирование позволяет значительно сократить издержки и сохранить деловые отношения, что крайне важно для долгосрочных строительных проектов.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что договор строительного подряда остается зоной высокого правового риска. Основные проблемы лежат в плоскости документального оформления этапов работ, разграничения ответственности между участниками цепочки субподряда и сложности доказывания причинно-следственных связей при возникновении дефектов.

Для минимизации споров необходимо:

1. Тщательная детализация в договоре порядка приемки работ и критериев качества.
2. Использование современных методов фиксации работ (в том числе цифровых моделей и фотофиксации).
3. Четкое распределение рисков изменения стоимости материалов.
4. Развитие институтов медиации для оперативного решения технических разногласий.

Только комплексный подход, сочетающий четкое договорное регулирование и качественную экспертную поддержку в суде, позволит обеспечить эффективную защиту интересов всех участников строительного процесса.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Анисимов, А. П. Договор строительного подряда: проблемы теории и практики / А. П. Анисимов // Вестник гражданского права. — 2021. — № 3. — С. 45–62.
3. Брагин, М. И. Договорное право. Книга вторая: Договоры / М. И. Брагин, В. В. Витрянский. — М.: Статут, 2011. — 848 с.
4. Иванова, Е. В. Проблемы одностороннего отказа от приемки работ по договору строительного подряда / Е. В. Иванова // Право и экономика. — 2022. — № 5. — С. 12–18.

5. Кузнецов, С. А. Судебная экспертиза как инструмент разрешения споров в строительном подряде / С. А. Кузнецов // Юридическая наука. — 2023. — № 1. — С. 30–35
6. Смирнов, И. И. Гражданско-правовая ответственность в строительной отрасли: современные тенденции / И. И. Смирнов // Журнал российского права. — 2022. — № 8. — С. 55–68.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Проблемы квалификации и разграничения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних

Досова Алёна Сергеевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье рассматриваются отдельные проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Анализируются разграничение насильственных и ненасильственных составов, установление возраста потерпевшего, значение осведомлённости виновного о возрасте лица и критерии разграничения соисполнительства и пособничества. Основное внимание уделяется положениям главы 18 Уголовного кодекса Российской Федерации и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: *половая неприкосновенность, несовершеннолетний, квалификация преступлений, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, развратные действия, возраст потерпевшего, соучастие, судебная практика.*

Введение

Уголовно-правовая охрана половой неприкосновенности несовершеннолетних имеет особое значение, поскольку направлена на защиту личности, физического и психического развития ребёнка. Конституционная основа такой охраны связана с положениями о признании прав и свобод человека высшей ценностью и государственной защите детства [1].

При квалификации соответствующих деяний правоприменителю необходимо учитывать не только фактические обстоятельства произошедшего, но и точные признаки состава преступления, закреплённые в уголовном законе.

Однако сами нормы сформулированы через оценочные признаки, что порождает споры. Так, вопрос о добровольности применительно к несовершеннолетнему требует особого подхода, ведь формально согласие может быть получено, но в силу возраста оно не может признаваться действительным. Как отмечает А. Е. Куковякин, данное обстоятельство не всегда учитывается в полной мере, что приводит к более формальной оценке произошедшего, при котором основное внимание уделяется самому факту применения насилия. [5].

1. Разграничение насильственных и ненасильственных составов

Одной из основных трудностей является разграничение преступлений, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ, с деяниями, ответственность за которые установлена статьями 134 и 135 УК РФ. Такое разграничение нельзя сводить к общему вопросу о наличии или отсутствии физического насилия. Необходимо установить все юридически значимые обстоятельства: характер совершённых действий, способ воздействия на потерпевшего, наличие угрозы, использование беспомощного состояния, возраст лица и содержание умысла виновного.

В пунктах 1 и 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16 разъясняется, что для квалификации по статьям 131 и 132 УК РФ имеют значение совершение действий вопреки воле и согласию потерпевшего с применением насилия, угрозой его применения либо использованием беспомощного состояния. Беспомощность может быть связана, в частности, с возрастом или состоянием лица, если оно не могло понимать характер и значение совершаемых действий либо оказывать сопротивление; при этом должно быть установлено, что виновный осознавал соответствующее состояние [3].

В отличие от них, статьи 134 и 135 УК РФ предусматривают ответственность за определённые действия сексуального характера без применения насилия, угрозы его применения или использования беспомощного состояния в предусмотренных законом случаях. Поэтому квалификация должна основываться на фактических обстоятельствах и признаках состава преступления, а не только на внешнем поведении потерпевшего или субъективной оценке произошедшего.

Таким образом, при разграничении указанных составов необходимо установить способ совершения деяния, наличие насилия, угрозы или беспомощного состояния, а также возраст потерпевшего и иные обстоятельства, предусмотренные соответствующей нормой УК РФ [3].

2. Установление возраста потерпевшего и осведомлённости виновного

Возраст потерпевшего имеет существенное значение для квалификации преступлений, предусмотренных статьями 131–135 УК РФ. Поскольку эти нормы устанавливают различные возрастные границы, необходимо определить точный возраст лица на момент совершения деяния и соотнести его с требованиями соответствующей статьи.

Если документы о дате рождения отсутствуют или содержат противоречия, возраст устанавливается на основании проверенных доказательств, включая при необходимости заключение эксперта. При этом выводы должны основываться на совокупности материалов дела, а не на внешности потерпевшего или субъективных предположениях.

При установлении осведомлённости виновного могут оцениваться содержание общения с потерпевшим, характер их отношений, сведения о возрасте, сообщённые до совершения деяния, а также иные обстоятельства, подтверждённые доказательствами. Ни один из этих факторов сам по себе не предрешает вывод о наличии умысла. Оценка должна производиться в совокупности с другими доказательствами с учётом разъяснений пункта 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16 [3].

Таким образом, при квалификации следует отдельно установить фактический возраст потерпевшего, подтверждающие его доказательства и обстоятельства, свидетельствующие об осведомлённости виновного. Это позволяет правильно определить признаки состава преступления и содержание умысла.

3. Разграничение соисполнительства и пособничества

Ещё одна сложная проблема связана с определением роли каждого участника группового преступления. Непосредственное совершение сексуального действия не является единственным обстоятельством, которое следует учитывать при оценке соучастия. Важны характер и направленность действий лица, наличие согласованности с другими участниками, а также то, применяло ли оно насилие или угрозу для содействия совершению преступления.

Согласно пункту 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16, соисполнителем изнасилования или насильственных действий сексуального характера может быть признано лицо, которое само не совершало сексуального действия, но применяло насилие к потерпевшему или другим лицам, содействуя совершению преступления. Иные формы содействия при отсутствии признаков соисполнительства квалифицируются с учётом части 5 статьи 33 УК РФ и соответствующей нормы Особенной части УК РФ [2; 3].

Таким образом, разграничение соисполнительства и пособничества требует оценки конкретных действий каждого участника и их связи с совершением преступления. Это позволяет избежать формального подхода и обеспечить правильную квалификацию.

Дела о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних требуют особого внимания к оценке доказательств с учётом возраста потерпевшего, характера пережитого события и времени обращения. В этих условиях возрастает роль специальных познаний. Как отмечают С. И. Захарцев, И. Н. Кондрат и Е. Б. Чумаевская, «интеграция биометрических, цифровых и психофизиологических технологий в криминалистическую методику расследования таких преступлений способна повысить точность установления обстоятельств дела, однако требует этичного применения» [4].

При работе с несовершеннолетними важно соблюдать уважительное обращение и избегать излишней детализации обстоятельств произошедшего. Согласно пункту 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16, судам рекомендуется по возможности не детализировать способы совершения преступления в судебном решении [3]

Основные затруднения квалификации можно свести в таблицу 1.

Заключение

Проведённый анализ позволяет выделить несколько взаимосвязанных проблем квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершенно-

Таблица 1. **Проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних**

Проблема квалификации	Суть затруднения
Разграничение насильственных и ненасильственных составов	Способ совершения действий, наличие насилия, угрозы или беспомощного состояния, а также возрастные признаки, предусмотренные конкретной нормой
Установление возраста потерпевшего	Точный возраст, надёжность подтверждающих документов и согласованность всех доказательств
Соисполнительство и пособничество	Конкретные действия участника, применение им насилия или угрозы, характер содействия и связь с действиями исполнителя
Оценка добровольности согласия	Согласие несовершеннолетнего не может рассматриваться как безусловное основание для исключения ответственности. Требуется учёт развития личности, обстановки и характера отношений с виновным.

летних. К ним относятся разграничение составов, предусмотренных статьями 131–135 УК РФ, установление возраста потерпевшего и осведомлённости виновного о нём, а также определение роли каждого участника группового преступления.

В качестве практического направления совершенствования правоприменения можно предложить более чётко отражать в процессуальных решениях логику разграничения составов и формы соучастия: указывать установленные факты, применимый правовой критерий и причины, по которым отвергаются альтернативные варианты квалификации. Такой подход повышает прозрачность юридической аргументации и способствует единообразию судебной практики. При этом выводы по конкретному делу должны основываться на всей совокупности доказательств и действующей редакции уголовного закона.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Текст: непосредственный // Российская газета. — 1993. — № 25 декабря.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 2026 г.). — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — С. Ст. 2954.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (ред. от 21 мая 2026 г.). — Текст: электронный // Верховный Суд Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://vsrf.ru/documents/own/8400/ (дата обращения: 29.10.2026).
4. Захарцев, С. И. Интеграция биометрических, цифровых и психофизиологических технологий в криминалистической методике расследования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних / С. И. Захарцев, И. Н. Кондрат, Е. Б. Чумаевская. — Текст: непосредственный // Образование. Наука. Научные кадры. — 2026. — № 1. — С. 134–141.
5. Куковякин, А. Е. Вопросы квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних / А. Е. Куковякин. — Текст: непосредственный // Уголовно-правовое воздействие: теория и практика: сборник научных трудов. —, 2025. — С. 43.

Медиативные соглашения по вопросам, связанным с детьми: исполнимость и пределы допустимых условий

Егорова Вера Николаевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются особенности применения медиации в семейных спорах, связанных с воспитанием детей. Актуальность темы обусловлена ростом интереса к альтернативным способам урегулирования конфликтов и одновременной сложностью обеспечения исполнимости медиативных соглашений по «детским» вопросам. На основе анализа Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», норм Семейного кодекса РФ и актуальной судебной практики выявлены типичные проблемы: неопределенность формулировок, игнорирование интересов ребенка, отсутствие механизмов принудительного исполнения. Особое внимание уделено пределам свободы сторон при определении условий соглашения и роли органов опеки и попечительства граждан. В качестве практических рекомендаций предложены критерии допустимости условий медиативного соглашения и типовые формулировки, снижающие риск оспаривания и неисполнения. Результаты исследования могут быть использованы при составлении медиативных соглашений, а также в нотариальной и судебной практике.

Ключевые слова: *медиация, медиативное соглашение, семейные споры, интересы ребёнка, исполнимость, порядок общения с ребёнком, место жительства ребёнка, органы опеки.*

Введение

Семейные конфликты, особенно связанные с детьми, отличаются высокой эмоциональной напряженностью и сложностью поиска взаимоприемлемого решения. В таких условиях традиционные судебные процедуры нередко лишь усиливают противостояние родителей, тогда как медиация позволяет урегулировать спор с учетом реальных интересов ребенка и особенностей конкретной семьи.

Цель статьи — определить пределы допустимых условий медиативных соглашений по вопросам, связанным с детьми, и предложить практические рекомендации по обеспечению их исполнимости.

Объект исследования — общественные отношения, возникающие при применении медиации в семейных спорах.

Предмет — нормы законодательства, доктрина и судебная практика, регулирующие заключение и исполнение медиативных соглашений.

Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой методы, анализ судебной практики и системный подход. Практическая значимость работы заключается в формулировании критериев допустимости условий соглашения и типовых формулировок, которые могут использоваться медиаторами, нотариусами и судами.

Правовая природа медиативного соглашения в семейном праве

Медиативное соглашение — это результат процедуры медиации, оформленный в письменной форме и содержащий согласованные сторонами условия (ст. 2, 12 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации») [2]. В семейных спорах оно часто касается места жительства ребенка, порядка общения с родителем, проживающим отдельно, и иных вопросов воспитания.

Важно различать два вида медиативных соглашений:

1. Заключенное до суда — гражданско-правовая сделка, которая по своей природе близка к семейному соглашению.

2. Утвержденное судом в качестве мирового соглашения — приобретает силу судебного акта и подлежит принудительному исполнению [5].

Для семейных споров это различие критично: соглашение вне суда не является исполнительным документом, и его неисполнение не влечет автоматического вмешательства приставов. Это и создает главный риск — родители могут договориться, но не исполнить.

Пределы свободы сторон: интересы ребенка как императив

Семейный кодекс РФ последовательно закрепляет приоритет интересов ребенка (ст. 54, 65 СК РФ). Это означает, что свобода сторон в определении условий медиативного соглашения ограничена императивными нормами.

Типичные случаи, когда условия соглашения нарушают интересы ребенка:

— **Неопределенные формулировки:** «общение по согласованию», «по мере возможности» — такие условия неисполнимы и могут быть оспорены.

— **Дискриминация одного из родителей:** полный отказ от общения или заведомо нереалистичные условия (например, общение только в присутствии третьего лица без оснований).

— **Игнорирование мнения ребенка:** если ребенок достиг 10 лет, его мнение подлежит учету (ст. 57 СК РФ), и соглашение, полностью его игнорирующее, может быть признано нарушающим интересы ребенка.

Судебная практика подтверждает: даже добровольное соглашение не может противоречить интересам ребенка. Например, суды отказывают в признании соглашений, которые фактически лишают одного из родителей возможности участвовать в воспитании, либо создают для ребенка стрессовую ситуацию [3].

Чтобы медиативное соглашение было исполнимым, необходимо:

1. Конкретизировать условия. Вместо «общение по выходным» — «еженедельно, каждую субботу с 10:00 до 18:00, с правом забирать ребенка по месту жительства матери и возвращать по месту жительства отца».

2. Предусмотреть механизм фиксации нарушений. Например, обязанность уведомлять о невозможности встречи за 24 часа, порядок обмена сообщениями, фиксация в мессенджере или акте.

3. Учесть роль органов опеки и попечительства. При наличии спора или риска конфликта целесообразно включить в соглашение условие о консультации с органами опеки или о привлечении медиатора для урегулирования разногласий.

4. Нотариальное удостоверение. Хотя медиативное соглашение не требует обязательного нотариального удостоверения, его наличие повышает доказательственную силу и может упростить последующее обращение в суд.

Роль медиатора в обеспечении исполнимости соглашения

Медиатор в семейном споре выполняет не только функцию посредника в переговорах, но и фактически выступает «архитектором» исполнимого соглашения [5]. Его ключевая задача — не просто зафиксировать достигнутые родителями договоренности, а помочь сторонам перевести эмоционально окрашенные пожелания («хочу, чтобы ребенок был со мной чаще», «не хочу, чтобы бывший супруг вмешивался») в юридически корректные и практически реализуемые условия. На практике опытный медиатор заранее моделирует типичные конфликтные сценарии (болезнь ребенка, отпуск, изменение расписания в школе) и предлагает сторонам закрепить порядок действий в каждом из них. Кроме того, медиатор разъясняет сторонам правовые рамки: пределы свободы договора в семейном праве, приоритет интересов ребенка, последствия неисполнения условий. Такой подход существенно снижает риски оспаривания соглашения и его неисполнения, поскольку стороны принимают условия осознанно, а формулировки изначально строятся с учетом требований исполнимости и контроля.

Пример из практики: суд отказал в удовлетворении иска об определении порядка общения, поскольку стороны ранее заключили медиативное соглашение с чет-

кими формулировками, учитывающими режим дня ребенка и школу, а истец не доказал нарушение условий.

Роль органов опеки и контроль за интересами ребенка

Органы опеки не являются стороной медиативного соглашения, но их заключения могут быть учтены при оспаривании условий. На практике нотариусы и суды запрашивают сведения о жилищно-бытовых условиях, если спор касается места жительства ребенка.

Ключевой критерий допустимости условия — не формальное согласие родителей, а соответствие интересам ребенка. Это подтверждается позицией Верховного Суда РФ: при разрешении споров о детях суд должен исходить из принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка, даже если родители достигли соглашения.

Заключение

Медиативные соглашения в семейных спорах — эффективный инструмент урегулирования конфликтов, но их исполнимость напрямую зависит от четкости формулировок и учета интересов ребенка. Свобода сторон ограничена императивными нормами Семейного кодекса РФ, и любые условия, нарушающие интересы ребенка, могут быть оспорены в суде.

Для повышения исполнимости медиативных соглашений рекомендуется:

— использовать максимально конкретные формулировки с указанием времени, места и порядка исполнения;

— предусматривать механизм фиксации нарушений и урегулирования разногласий;

— учитывать мнение ребенка при достижении соглашения;

— при необходимости удостоверять соглашение у нотариуса.

Перспективным направлением совершенствования законодательства является введение упрощенного механизма принудительного исполнения медиативных соглашений по семейным спорам, а также разработка типовых форм соглашений с учетом интересов ребенка. Предложенные рекомендации могут быть использованы в практической деятельности медиаторов, нотариусов и судов, а также при обучении специалистов в области семейного права и медиации.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026).
2. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».
3. Обзор практики Верховного Суда РФ по спорам, связанным с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011).
4. Определение № 2–941/2017 от 26 июня 2017 г. по делу № 2–941/2017. [Электронный ресурс] URL: https://sudact.ru/regular/doc/gXbvGnVzd7q/?regulartxt=орядок+общения+с+ребёнком+медиация&regular-case_doc=&regular-law-chunkinfo=&regular date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1793372929610&snippet_pos=2364#snippet
5. Дерюшева О. И. Медиация в семейных спорах // Территория науки. 2017. № 3. С. 173– 176
6. Фоков А. П. Правосудие и об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (институте медиации) [Электронный ресурс]. URL: http://justicemaker.ru/ view-article.php?art=1671&id=3.

Правоохранительные органы как субъекты предупреждения преступности

Жукова Яна Александровна, студент магистратуры
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье рассматривается роль правоохранительных органов в системе профилактики преступности. Анализируются теоретико-правовые основы предупредительной деятельности и компетенция изучаемых субъектов профилактики. Особое внимание уделяется вопросам межведомственного взаимодействия и правового регулирования профилактической деятельности.

Ключевые слова: *криминогенные факторы, межведомственное взаимодействие, правовое регулирование, правоохранительные органы, предупреждение преступности, профилактика преступлений.*

Актуальность настоящей работы определяется тем, что криминогенная обстановка продолжает меняться, а вместе с ней появляются новые виды угроз, на которые существующие механизмы предупреждения пре-

ступности реагируют с очевидным запозданием [1, ст. 2]. С теоретической точки зрения накопилась потребность в систематизации того, что доктрина успела выработать по вопросам профилактики преступлений, — прежде всего, в части правового статуса субъектов такой деятельности [2, с. 117]. Практическая сторона вопроса не менее острая: опыт правоохранительных органов в предупредительной работе пока недостаточно обобщён, а рекомендации по повышению её результативности носят разрозненный характер [3, с. 16].

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить специфику компетенции правоохранительных органов как субъектов профилактики преступности и обосновать направления совершенствования их деятельности в этой сфере.

В современной юридической доктрине профилактика преступлений трактуется как целенаправленная деятельность государственных органов и институтов гражданского общества, ориентированная на выявление и нейтрализацию детерминант преступного поведения [4, с. 176]. Легальное определение закреплено в Федеральном законе от 23.06.2016 № 182-ФЗ (с изм. и доп. от 04.07.2026) Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»: названный закон связывает профилактику с устранением причин и условий, способствующих совершению правонарушений [10]. Надо сказать, что между легальной формулировкой и доктринальными подходами сохраняются содержательные расхождения, которые на практике порождают неоднозначность в распределении полномочий между субъектами профилактической деятельности.

Доктринальные подходы к определению понятия преступления и профилактики в трудах отечественных учёных представлены в таблице 1.

Таблица 1. **Доктринальные подходы к определению понятия преступления и профилактики**

Автор, период	Ключевые положения	Значение для современной системы предупреждения
И. С. Минаева [5]	Преступление — отклонение от правовой нормы	Обоснование необходимости раннего профилактического вмешательства
Р. А. Изаксон, Т. А. Малыхина [3]	Преступление — процесс, а не мгновенный акт	Возможность профилактики на стадиях формирования умысла
А. С. Дугенец, Ю. Ю. Тищенко [2]	Модель мотивационного процесса преступного поведения	Индивидуализация профилактического воздействия

Принципы, закреплённые в ст. 4 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ (с посл. изм.), охватывают приоритет прав человека, законность, системность и научную обоснованность применяемых мер [10]. Без согласованности ведомств и единого методологического подхода к оценке криминогенных рисков реализовать эти принципы на практике затруднительно [4, с. 176].

Субъектный состав профилактической системы выстроен по многоуровневой схеме. Статья 5 того же закона относит к субъектам профилактики федеральные и региональные органы власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и граждан [10]. Ядром всей конструкции остаются правоохранительные органы — именно они наделены исключительными полномочиями по выявлению угроз и применению принудительных мер к правонарушителям [5, с. 118].

Среди правоохранительных структур органы внутренних дел занимают особое положение: разветвлённая территориальная сеть и непосредственный контакт с населением обеспечивают им широкие возможности [8]. В их компетенцию входит выявление лиц с антиобщественным поведением, ведение профилактического учёта, проведение индивидуальных бесед и применение мер административного пресечения. Надо сказать, что сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних и участковые уполномоченные решают эти задачи в режиме повседневной работы, опираясь на оперативную информацию [2, с. 118].

Прокуратура в системе профилактики выполняет сразу две роли — надзорную и координирующую [9]. Надзор распространяется на соблюдение законодательства в этой сфере, а координационная работа предполагает анализ криминогенной обстановки и совместное планирование профилактической работы с другими ведомствами [3, с. 17]. Вносить представления об устранении нарушений и возбуждать дела об административных правонарушениях — всё это входит в арсенал прокурорских полномочий [9].

Что касается Следственного комитета РФ, его профилактическая деятельность разворачивается непосредственно в ходе расследования уголовных дел — именно тогда следователи устанавливают обстоятельства, которые способствовали совершению преступления [11]. По своей природе такая профилактика постфактумна, это верно. Тем не менее, ценность её не стоит недооценивать: выявленные системные проблемы ложатся в основу правовых решений, направленных на совершенствование предупредительных мер [11]. Компетенция правоохранительных органов в сфере профилактики представлена в таблице 2.

Межведомственное взаимодействие в сфере профилактики остаётся, пожалуй, одним из самых трудноразрешимых организационных вопросов [5, с. 54]. Когда ин-

Таблица 2. **Компетенция правоохранительных органов в сфере профилактики**

Субъект профилактики	Основные направления деятельности	Формы профилактического воздействия
Органы внутренних дел	Выявление лиц с криминогенным риском; профилактический учет; работа с несовершеннолетними	Профилактические беседы; предостережения; совместные рейды
Органы прокуратуры	Координация деятельности; надзор за исполнением законодательства; внесение представлений	Координационные совещания; прокурорские проверки; представления
Следственные органы СК РФ	Выявление обстоятельств, способствовавших преступлению; внесение представлений	Следственные действия; представления; аналитические отчеты

формационные базы разрознены, а планы ведомств плохо согласованы между собой, профилактические программы неизбежно теряют в эффективности [4, с. 29]. Выход здесь видится в формировании единых аналитических платформ и выработке чётких регламентов обмена данными.

Правоохранительные органы выполняют роль координатора и правового регулятора предупредительной деятельности, но никак не монополиста [3, с. 121]. Без участия общества, школ и общественных объединений полноценная профилактика попросту невозможна — это, в общем-то, очевидно. Вместе с тем, именно правоохранительные структуры задают правовые рамки и следят за законностью применяемых процедур [2, с. 119].

Итак, профилактика преступлений, если разобраться, не сводится ни к сугубо правовому регулированию, ни к социальной работе в чистом виде, она существует на пересечении обоих начал. Публично-правовые механизмы задают рамки допустимого воздействия, тогда как меры поддерживающего характера заполняют то пространство, где принуждение либо избыточно, либо попросту бессильно. Отдельного внимания заслуживает роль правоохранительных органов в качестве субъекта предупреждения преступлений. Именно они располагают инструментарием, позволяющим не только реагировать на уже возникшие угрозы, но и обнаруживать криминогенные факторы до того, как ситуация выходит из-под контроля. Полномочия по применению мер принудительного характера в этой системе исключительны — никакой иной субъект профилактики ими не наделён. Правда, сама по себе концентрация полномочий ещё не гарантирует результата.

Повышение отдачи от предупредительной деятельности со стороны правоохранительных органов упирается в несколько взаимосвязанных проблем. Межведомственное взаимодействие на практике нередко остаётся декларативным — ведомства действуют параллельно, а не сообща. Аналитические инструменты, способные выявлять закономерности на больших массивах данных, внедряются медленнее, чем этого требует реальная обстановка. При этом любое наращивание эффективности должно, надо признать, сопровождаться сохранением баланса между результативностью, строгим соблюдением законности и уважением к правам конкретного человека.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года, ред. от 04.10.2022) // Российская газета. — 1993. — № 237; Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 31. — Ст. 4398; Российская газета. — 2020. — № 144. — Ст. 8198; Собрание законодательства Российской Федерации. — 2022. — № 10. — Ст. 8761.
2. Дугенец, А. С. Индивидуальная профилактика преступлений как элемент общей профилактической деятельности / А. С. Дугенец, Ю. Ю. Тищенко. — Сборник статей «Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России». — Научно-практическое ежеквартальное издание. Выпуск 3. — М.: Научно-исследовательский институт ФСИН России, 2021. — С. 116–119.
3. Изаксон, Р. А. Роль правоохранительных и судебных органов в системе предупреждения преступности в России / Р. А. Изаксон, Т. А. Малыхина // ГлаголЪ правосудия. — 2022. — С. 117–122.
4. Коршунова, О. Н. Координация прокурором деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: учебное пособие для обучающихся по программам специалитета, магистратуры и дополнительного профессионального образования / О. Н. Коршунова, Е. Л. Никитин, Д. А. Луньков, Е. Б. Серова, Г. В. Дытченко; под общ. ред. О. Н. Коршуновой. — СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. — 176 с.
5. Минаева, И. С. Организационно-правовые основы взаимодействия уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел в сфере предупреждения совершения преступлений осужденными к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.11 / Минаева Ирина Сергеевна; [Место защиты: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации]. — Псков, 2021. — 244 с.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (в ред. от 09.04.2026) [Электронный ресурс] // Официальный интернет–портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174–ФЗ (в ред. от 08.03.2026) [Электронный ресурс] // Официальный интернет–портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942.
8. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 15.12.2025) [Электронный ресурс] // Официальный интернет–портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102145133.
9. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 29.12.2025) [Электронный ресурс] // Официальный интернет–портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014157.
10. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ (с изм. и доп. от 04.07.2026) «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет–портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru.
11. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (в ред. от 29.12.2025) [Электронный ресурс] // Официальный интернет–портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102144431.

Гендерные аспекты виктимного поведения в контексте назначения наказания за преступления против половой неприкосновенности

Зацепина Ольга Алексеевна, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

Статья посвящена анализу влияния гендерных стереотипов и виктимологических представлений о поведении жертвы в контексте «правильного» и «неправильного». Как поведение жертвы влияет на назначение наказания за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Рассматриваются современные исследования в сфере виктимологии, а также особенности правоприменения.

Ключевые слова: *виктимология, виктимность, виктимное поведение, преступления против половой неприкосновенности, особенности виктимного поведения, гендерные стереотипы.*

Преступления, посягающие на половую неприкосновенность и половую свободу личности, относятся к категории наиболее общественно опасных деяний, ответственность за которые предусмотрена главой 18 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [1]. В структуре исследуемой темы женщины традиционно рассматриваются как наиболее «виктимная» группа [3].

Так, обращаясь к виктимологии как к научной дисциплине, следует отметить, что она изучает роль жертвы в процессе преступления, возникающего при определенных ситуациях.

По мнению Ж. Я. Резник, С. А. Никитенкова, под виктимной ситуацией понимается комплекс негативных обстоятельств, обусловленных как поведением самой жертвы, так и её личностными качествами (виктимными факторами), которые, взаимодействуя с негативными чертами личности преступника, прямо приводят к совершению преступления. Следовательно, виктимность, в своих исследованиях пишет Е. Д. Тихомирова — это склонность человека становиться жертвой преступления из-за социальных, физических, психологических или моральных особенностей [4].

В криминологии выделяются несколько типов виктивного поведения жертв преступлений против половой неприкосновенности. К таким типам относятся:

1. Активное поведение (провоцирующее). Жертва совершает действия, которые прямо или косвенно подстрекают преступника.

2. Пассивное поведение. В данном случае жертва не может противодействовать совершению сексуального посягательства.

3. Социально-одобрительное поведение. Действия жертвы не провоцируют преступника, а наоборот, направлены на прекращение преступного посягательства.

4. Нейтральное поведение. Жертва становится просто заложником сложившихся обстоятельств. Преступление совершается из-за внезапного посягательства [5].

Так, теоретические положения виктимологии, рассматривающие жертву как активного участника формирования ситуации, на практике часто сталкиваются с риском неверного истолкования. Обвинение или за-

щита могут пытаться использовать данные о личности потерпевшего для перекладывания ответственности или оправдания преступника, что особенно ярко проявляется в делах о сексуальном насилии.

Показательным примером служит дело гражданина М., осуждённого по ч. 2 ст. 132 УК РФ за насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетней Д. Защита обосновывала наличие «согласия» потерпевшей ссылкой на её «беспорядочную половую жизнь». Суд первой инстанции отказал в исследовании сведений о сексуальной истории потерпевшей, признав их не имеющими значения для дела.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор без изменения, указав, что сведения о личности потерпевшей, её образе жизни и предыдущем сексуальном опыте не могут доказывать согласие на насильственные действия сексуального характера, а их исследование противоречит принципу равенства перед законом и унижает честь и достоинство потерпевшей [2].

Этот пример доказывает, что личность потерпевшей не должна исследоваться в суде, поскольку это не имеет отношения к вопросу о насилии. Тем не менее, на практике сторона защиты регулярно использует виктимологический довод о «провокации», что свидетельствует о необходимости восполнения пробелов в законодательстве и ввести рамки дозволенного.

Таким образом, пробел состоит не в том, что виктимология «не нужна», а в том, что её научный аппарат не имеет четкого процессуального механизма от злоупотреблений. Пока эта механизм отсутствует, жертва остаётся в положении объекта оценки, а не субъекта защиты. Восполнение пробела — не отказ от виктимологии, а её правовое законодательное закрепление с чёткими границами дозволенного.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. –1996 г. — № 25 — Ст. 2954.
2. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 (ред. от 21.05.2026) // Российская юстиция. — 2014. — № 284.
3. Гришин А. В., Якубина Ю. П. О квалификации изнасилования и ряда преступлений против половой неприкосновенности // Вестник БелЮИ МВД России. — 2025. — № 3. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 14.01.2026).
4. Тихомирова Е. Д. Обстоятельства (факторы), способствующие формированию виктимности у жертв сексуального насилия // Труды Оренбургского института Московской гос. юридической академии. — 2015. — № 9. — 453 с.
5. Ивасюк О. Н. Виктимологические особенности преступлений против половой свободы, совершаемых в отношении женщин / О. Н. Ивасюк, И. В. Калашников. — Текст: непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 5.

Реализация принципа гуманизма и исполнения наказания в отношении осужденных матерей: проблемы и перспективы

Зацепина Ольга Алексеевна, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

Статья посвящена анализу реализации принципа гуманизма в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации применительно к осужденным женщинам, имеющих детей. Изучаются системные противоречия между предоставляемыми конкретными льготами и реальными возможностями их реализации, а также предлагаются направления совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: *принцип гуманизма, осужденные матери, отсрочка отбывания наказания, льготы осужденным, дом ребенка, эффективность наказания.*

Принцип гуманизма, закрепленный в ст. 8 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ), предполагает уважение чести и достоинства осужденных, недопустимость жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения [1]. В отношении осужденных женщин, особенно имеющих детей, этот принцип приобретает особое звучание, поскольку законодательство вынуждено искать баланс между публичным интересом в неотвратимости наказания и частным интересом ребенка, нуждающегося в материн-

ской заботе. Так, российское уголовно-исполнительное законодательство к осужденным женщинам носит более либеральный характер, чем к мужчинам. Однако само наличие системы льгот не гарантирует их эффективности.

Цель настоящей работы — проанализировать конкретные льготы для осужденных матерей с позиции их соответствия целям наказания и выявить проблемы правоприменения.

Правовая природа льгот для осужденных матерей носит двойственный (комплексный) характер. С одной стороны — это императивные социальные гарантии, основанные на принципе защиты материнства и детства (улучшенные условия содержания, бесплатное питание, создание домов ребенка). А с другой — это меры поощрительного и стимулирующего характера, направленные на исправление осужденных и сохранение социальных связей (предоставление дополнительных свиданий, проживание за пределами колонии, отсрочка наказания). Стоит отметить, что последние применяются только при положительном поведении женщины.

Наиболее значимой льготой является отсрочка отбывания наказания для женщин, имеющих детей до 14 лет, а также беременных. Однако, этот институт неоднозначно оценивается в науке и правоприменительной практике. В теории, он позволяет сохранить полноценную семью и избежать разлуку с матерью, а также негативные последствия в результате нее, а сама отсрочка рассматривается как средство исправления. То есть, выполнение родительского долга формирует ответственность, что снижает риск рецидива.

На практике, напротив, такая льгота воспринимается как проявление «безнаказанности», особенно с учетом того, что современное законодательство позволяет применять её даже при тяжких преступлениях. Противоречие заключается в том, что цель восстановления социальной справедливости оказывается в подчиненном положении по отношению к цели защиты интересов ребенка. Так, потерпевшей стороне может восприниматься как нарушение принципа неотвратимости ответственности, что способно подрывать доверие к правовой системе.

Еще одна льгота, положения которой регулируются ст. 100 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ) — совместное проживание матери с ребенком до четырех лет в доме ребенка при колонии [2]. Домом ребёнка при исправительной колонии называется специальное учреждение, которое созданно для совместного проживания матери с ребёнком в период отбывания наказания. Такие учреждения организуются исключительно при женских колониях.

В колониях Тамбовской области такой инфраструктуры не предусмотрено. Если у осуждённой женщины есть маленький ребёнок, вопрос его дальнейшего устройства (передача родственникам или в детский дом) решается в рамках общих процедур, установленных законодательством [3]. При этом в регионе есть опыт создания особых условий для матерей. По данным официального сайта филиала ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания» «Тамбов»» (Далее — ГТРК «Тамбов»), в 2023 году в Мичуринском СИЗО-3 открыли отдельный блок (комнату матери и ребёнка), где подследственным женщинам с детьми создали более комфортные условия: оборудовали кухню, душевую, санузел, поставили стиральную машину и телевизор [4].

Так, в России имеется 13 домов ребёнка при исправительных колониях. Они созданы специально для совместного проживания осуждённых женщин с детьми — обычно до достижения ребёнком четырёхлетнего возраста. Законодательно это закреплено как гуманитарное благо, позволяющее сохранить связь. Однако практика показывает серьезные проблемы, среди которых:

В некоторых учреждениях (например, ИК-12 УФСИН России по Хабаровскому краю) дом ребенка расположен вне территории колонии, и матерей конвоируют на кормление лишь на 1 час в день [5]. Ограниченный контакт превращает совместное проживание в «фикцию» и травмирует как ребенка (нестабильная привязанность), так и мать. Дети, находящиеся в местах лишения свободы, даже при хороших условиях, растут в изоляции, что противоречит принципам нормального развития и воспитания.

Помимо изложенного, можно сказать, что данная льгота не помогает исправлению матери: её педагогический и психологический потенциал уходит на преодоление тяжелых условий совместного содержания с ребенком, а не на цели закона. Льгота не достигает цели и лишь снимает с государства часть ответственности за судьбу ребенка.

Так, отсутствие детализированных механизмов реализации льгот порождает неопределенность в правоприменении. Авторы в своих научных исследований, например Г. О. Гусеян, обоснованно отмечают необходимость выделения отдельного раздела в УИК РФ с учётом категории осужденных матерей [6].

Проведенный в статье анализ института льгот для осужденных матерей в российском уголовно-исполнительном праве позволяет сформулировать ряд ключевых выводов, обладающих как теоретической, так и практической значимостью.

1. Двойственная природа льгот. С одной стороны, льготы выступают как императивные социальные гарантии, основанные на конституционном принципе защиты материнства и детства. С другой — значительная часть льгот (дополнительные свидания, проживание за пределами колонии, отсрочка наказания) имеет поощрительный и стимулирующий характер.

2. Противоречивость реализации принципа гуманизма. Противоречие особенно заметно в институте отсрочки наказания: он защищает интересы ребенка и помогает исправлению матери, но при применении к тяжким преступлениям вступает в конфликт со справедливостью, подрывая доверие к правосудию и создавая чувство безнаказанности.

3. Фиктивность совместного проживания в домах ребенка. Практика совместного проживания осужденных матерей с детьми до 4 лет в домах ребенка при колониях показывает разрыв между гуманной целью и реальностью:

ограниченный контакт, изоляция и отсутствие четких обязанностей матери делают льготу формальной — она не исправляет мать, угрожает развитию ребенка и снимает с государства ответственность за его судьбу.

4. Пробелы правового регулирования. Нет детальных механизмов реализации льгот, не определены полномочия администрации и критерии оценки поведения матерей. Это порождает неопределенность в правоприменении и почву для злоупотреблений.

5. Направления совершенствования законодательства. На основе выявленных проблем автором предложен комплексный и логически обоснованный набор мер по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства. Ключевыми из них являются:

– нормативное раскрытие содержания принципа гуманизма в УИК РФ;

– конкретизация механизмов реализации льгот и процедур взаимодействия с органами опеки;

– разработка критериев дифференцированного применения льгот, включая распространение минимальных сроков УДО на беременных женщин и женщин с детьми до четырех лет, совершивших преступления средней тяжести;

– создание комплексных программ психологической помощи;

– закрепление обязанностей осужденных матерей по отношению к детям и механизмов контроля за их исполнением.

Таким образом, статья представляет собой актуальное исследование, вносящее вклад в развитие теории уголовно-исполнительного права и предлагающее практические пути разрешения противоречий между публичными интересами государства и частными интересами ребенка и матери.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. –1996 г. — № 25 — Ст. 2954.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. –1997 г. — № 2 — Ст. 198.
3. УФСИН России по Тамбовской области: официальный сайт. — Тамбов. — [Электронный ресурс]: URL: https://68.fsin.gov.ru (дата обращения: 17.05.2026).
4. Официальный сайт филиала ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания» «Тамбов»»: официальный сайт. — Тамбов. — [Электронный ресурс]: URL: https://vestitambov.ru/ (дата обращения: 17.05.2026).
5. Вестник Хабаровского института ФСИН России: официальный сайт. — Хабаровский край. — [Электронный ресурс]: https://pi.fsin.gov.ru/journal/journal.php (дата обращения: 17.05.2026).
6. Гусеян Г. О. Проблемы реализации правового статуса осужденных матерей // Сборник научных трудов. — 2024. — Т. 2. — 34 с.

Особенности предупреждения женской преступности

Зеленина Алина Алексеевна, студент магистратуры
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В статье рассматриваются криминологические особенности женской преступности и основные направления её предупреждения в Российской Федерации. Анализируются социально-экономические, психологические и семейно-бытовые факторы, способствующие формированию преступного поведения женщин. Особое внимание уделяется общесоциальным и специально-криминологическим мерам профилактики, индивидуальной профилактической работе, социальной адаптации и ресоциализации женщин, совершивших преступления. Обосновывается необходимость комплексного подхода к предупреждению женской преступности с учётом особенностей личности правонарушительниц и условий их жизнедеятельности.

Ключевые слова: *женская преступность, предупреждение преступности, криминологическая профилактика, причины преступного поведения, индивидуальная профилактика, ресоциализация, социальная адаптация, профилактика рецидива.*

Введение

Женская преступность представляет собой сложное социально-правовое явление, изучение которого имеет существенное значение для современной криминологии. Женская преступность является составной частью общей преступности, при этом характеризуется особыми количественными и качественными показателями, специ-

фикой личности правонарушителя, отдельными детерминирующими факторами противоправного поведения. Деятельность по профилактике, пресечению и выявлению преступлений, совершенных женщинами, также имеет отличительные черты. [1]

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования мер предупреждения преступлений, совершаемых женщинами, с учётом социально-экономических условий, семейных обстоятельств, особенностей межличностных отношений и индивидуальных характеристик личности. Эффективная профилактика предполагает не только применение предусмотренных законом мер воздействия, но и выявление причин и условий, способствующих совершению преступлений.

В научной литературе подчёркивается, что противодействие женской преступности требует разработки комплексной стратегии, объединяющей уголовно-правовые, социальные, психологические и организационные меры. Данный подход позволяет рассматривать профилактику не только как деятельность правоохранительных органов, но и как совокупность мероприятий, направленных на устранение криминогенных факторов. [2]

1. Криминологические особенности женской преступности

Женская преступность является самостоятельным объектом криминологического исследования. Её особенности проявляются в структуре преступлений, мотивах преступного поведения, характеристиках личности правонарушительниц, а также в социальных обстоятельствах, способных повлиять на формирование противоправного поведения.

К числу факторов, которые могут иметь значение при изучении женской преступности, относятся материальные трудности, отсутствие стабильного заработка, семейные конфликты, неблагоприятная социальная среда, зависимость от криминогенного окружения и психологические проблемы. При этом перечисленные обстоятельства не являются универсальными причинами преступного поведения: их значение необходимо устанавливать применительно к конкретной ситуации.

Отдельного внимания заслуживают особенности преступного поведения, связанного с межличностными отношениями. В частности, совершение преступления может быть обусловлено вовлечением женщины в противоправную деятельность партнёра, воздействием ближайшего окружения, стремлением получить материальную выгоду либо разрешить конфликт незаконным способом.

Вместе с тем представление о женской преступности как исключительно бытовой или обусловленной эмоциональными переживаниями является упрощённым. Женщины могут совершать корыстные, насильственные, экономические и иные преступления, руководствуясь различными мотивами. Поэтому криминологическая характеристика должна основываться на анализе конкретных преступлений и личности виновного, а не на стереотипных представлениях о женском поведении.

В статье Е. В. Кунц, опубликованной во Всероссийском криминологическом журнале в 2024 году, подчёркивается необходимость формирования научно обоснованной системы противодействия женской преступности, учитывающей закономерности её возникновения и развития. [2]

Таким образом, важнейшей особенностью предупреждения женской преступности является необходимость учитывать индивидуальные и социальные обстоятельства совершения преступления, не сводя профилактическую работу исключительно к половому признаку правонарушителя.

2. Основные причины и условия женской преступности

Предупреждение женской преступности предполагает предварительное выявление и анализ факторов, которые могут способствовать совершению противоправных деяний. В криминологии целесообразно выделять несколько групп таких факторов.

Во-первых, социально-экономические факторы. К ним относятся безработица, низкий уровень доходов, отсутствие устойчивого источника средств к существованию и ограниченные возможности получения образования или профессиональной подготовки. В определённых обстоятельствах материальные трудности повышают уязвимость человека перед незаконными способами получения дохода.

Во-вторых, семейно-бытовые факторы. Конфликты в семье, домашнее насилие, зависимые отношения и отсутствие поддержки могут создавать условия для возникновения противоправного поведения. При этом необходимо учитывать, что женщина может выступать не только субъектом преступления, но и потерпевшей от преступных посягательств. В некоторых случаях пережитое насилие, психологическая травма и длительное пребывание в неблагоприятной среде требуют отдельного изучения при оценке обстоятельств преступления и выборе профилактических мер.

В-третьих, психологические факторы. Значение могут иметь недостаточно развитые навыки разрешения конфликтов, импульсивность, психологическая зависимость, травматический опыт и злоупотребление психоактивными веществами. Однако наличие психологических трудностей само по себе не свидетельствует о склонности к совершению преступлений.

В-четвёртых, влияние ближайшего окружения. Вовлечение в преступную деятельность со стороны партнёров, родственников или знакомых способно выступать одним из факторов совершения преступления. В подобных случаях профилактическая работа должна включать выявление зависимых отношений, оценку рисков повторного вовлечения и, при необходимости, содействие в изменении социального окружения.

Исследования в области предупреждения женской преступности подтверждают значимость комплексного подхода, предполагающего воздействие на социальные условия, индивидуальные особенности и обстоятельства формирования противоправного поведения. [3]

3. Общесоциальное предупреждение женской преступности

Общесоциальное предупреждение представляет собой совокупность широких социально-экономических, правовых, образовательных и организационных мер, направленных на улучшение условий жизни населения и снижение влияния криминогенных факторов.

В отличие от индивидуальной профилактики, общесоциальные мероприятия ориентированы на создание благоприятной социальной среды и устранение обстоятельств, которые при определённых условиях могут способствовать совершению преступлений.

К основным направлениям общесоциального предупреждения женской преступности относятся:

1. Содействие трудоустройству и профессиональному развитию женщин. Развитие программ профессиональной переподготовки, повышение доступности трудоустройства и поддержка женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, способствуют расширению возможностей законного получения дохода.

2. Социальная поддержка малообеспеченных граждан. Доступность социальных выплат, адресной помощи, услуг социального обслуживания и консультационной поддержки позволяет снизить воздействие материальных трудностей.

3. Профилактика семейного неблагополучия и насилия. Важное значение имеют доступность психологической помощи, социального сопровождения, правового консультирования и безопасных условий проживания для лиц, подвергающихся насилию.

4. Повышение уровня правовой грамотности. Правовое просвещение помогает гражданам понимать последствия противоправных действий, знать способы защиты своих прав и обращаться за помощью в предусмотренных законом случаях.

5. Развитие доступной психологической помощи. Возможность своевременно получить психологическую поддержку может способствовать разрешению кризисных ситуаций и предупреждению эскалации межличностных конфликтов.

Нормативную основу профилактической деятельности в России составляет Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Закон устанавливает правовые и организационные основы профилактики, определяет её принципы, направления, виды и формы профилактического воздействия. [4]

Таким образом, общесоциальное предупреждение женской преступности предполагает формирование условий, при которых женщины имеют реальные возможности решать материальные, семейные и социальные проблемы законными способами.

4. Специально-криминологические меры предупреждения женской преступности

Специально-криминологическое предупреждение предполагает проведение мероприятий, непосредственно направленных на выявление, устранение или нейтрализацию причин и условий совершения преступлений, а также на предупреждение новых противоправных деяний.

В отличие от общесоциальных мер, такие мероприятия ориентированы на конкретные криминогенные ситуации, определённые категории лиц и отдельные виды преступлений.

Первое направление — выявление факторов риска. Правоохранительные органы и другие субъекты профилактики в пределах своих полномочий выявляют обстоятельства, которые могут способствовать совершению преступлений. При этом необходимо избегать необоснованного отнесения женщин к группе риска исключительно на основании материального положения, семейного статуса или психологических особенностей.

Второе направление — индивидуальная профилактическая работа. Она предполагает учёт особенностей личности, обстоятельств ранее совершённого преступления, социального окружения и факторов, способных повлиять на повторное противоправное поведение. Содержание профилактических мероприятий должно определяться индивидуально.

Третье направление — профилактика отдельных видов преступлений. При предупреждении корыстных преступлений целесообразно уделять внимание законным возможностям трудоустройства, финансовой грамотности и предупреждению вовлечения в незаконные схемы получения дохода. При профилактике насильственных преступлений важное значение имеют навыки ненасильственного разрешения конфликтов, психологическая помощь и своевременное реагирование на опасные ситуации.

Четвёртое направление — взаимодействие субъектов профилактики. Эффективность предупреждения преступности повышается при согласованной деятельности органов внутренних дел, учреждений уголовно-исполнительной системы, органов социальной защиты, медицинских организаций и некоммерческих организаций в пределах их компетенции.

Необходимость сочетания общесоциальных и специальных мер подчёркивается в научных исследованиях, посвящённых предупреждению женской преступности. В частности, А. Е. Шалагин и А. Д. Шарапова рассматривают криминологическую характеристику женской преступности и обращают внимание на особенности преступной среды и профилактической деятельности. [1]

Следовательно, специально-криминологическая профилактика должна быть адресной, последовательной и ос-

нованной на анализе реальных факторов противоправного поведения.

Заключение

Таким образом, предупреждение женской преступности представляет собой комплексную деятельность, направленную на выявление и устранение причин и условий совершения преступлений, снижение влияния криминогенных факторов и предупреждение повторного противоправного поведения.

Его основными особенностями являются необходимость учитывать индивидуальные характеристики личности, социально-экономические обстоятельства, семейно-бытовую обстановку, характер межличностных отношений и условия формирования преступного поведения.

Эффективная система профилактики должна включать общесоциальные мероприятия, специально-криминологические меры, индивидуальную профилактическую работу, а также социальную адаптацию и ресоциализацию женщин, совершивших преступления.

При этом недопустимо сводить причины женской преступности исключительно к психологическим особенностям женщин или традиционным представлениям об их социальной роли. Профилактические решения должны основываться на объективном анализе обстоятельств конкретных преступлений и научно обоснованных подходах.

Представляется, что дальнейшее совершенствование предупреждения женской преступности в Российской Федерации связано с развитием адресных профилактических программ, укреплением межведомственного взаимодействия, повышением доступности социальной поддержки и расширением научных исследований в данной области.

Литература:

1. Шалагин А. Е., Шарапова А. Д. Криминологическая характеристика и предупреждение женской преступности // Вестник экономики, права и социологии, 2016, No 4
2. Кунц Е. В. Уголовная политика и ее значение в сфере борьбы с женской преступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 5.
3. Гребенникова А. П., Корнакова С. В. Основные направления профилактики женской преступности в России на современном этапе // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 2. URL: https://sci.ru/articles/61635
4. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». URL: https://mchs.gov.ru/dokumenty/3146

Личный фонд как инструмент сохранения семейного бизнеса

Зонова Диана Владимировна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье исследуется правовой режим личного фонда как инструмента сохранения и долгосрочного управления семейным бизнесом. Автор последовательно рассматривает понятие личного фонда, его функции в разрезе семейного предпринимательства, а также анализирует правовые ограничения, связанные с учреждением и деятельностью фонда.

Ключевые слова: *семейный бизнес, частный капитал, личный фонд, корпоративные права, учредитель, наследники, выгодоприобретатель.*

Обеспечение преемственности семейного бизнеса при смене поколений является одной из ключевых проблем в доктрине правового регулирования предпринимательской деятельности. Так, наследование корпоративных прав не обеспечивает автоматического сохранения непрерывности управления хозяйственным обществом, поскольку интересы членов семьи (наследников) зачастую могут не совпадать, а раздел долей в уставном капитале влечет за собой «фрагментацию» корпоративного контроля. Представляется, что дополнительные сложности возникают также при отсутствии у наследников должных управленческих навыков (знаний, умений) либо при наличии имущественных споров между ними. В связи с изложенным особую значимость приобретают правовые механизмы, обеспечивающие разграничение владения семейными активами и непосредственного участия членов семьи в управлении ими. В качестве одного из таких механизмов может рассматриваться личный фонд, получивший закрепление в отечественном законодательстве в 2022 г. [1].

В соответствии со ст. 123.20–4 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) личным фондом признается учрежденная на определенный срок либо бессрочно гражданином или после его смерти нотариусом унитарная некоммерческая организация, осуществляющая управление переданным ей этим гражданином или унаследованного

от этого гражданина имуществом в соответствии с утвержденными им условиями управления [2]. При этом такая организация вправе осуществлять предпринимательскую деятельность, соответствующую целям ее создания, а также учреждать хозяйственные общества и участвовать в них.

В юридической литературе личный фонд характеризуется как дополнительное средство распоряжения имуществом — как при жизни учредителя, так и после его смерти [3, с. 24]. Указанное обусловлено тем, что такое юридическое лицо способно осуществлять деятельность и в последующее время, а его цель заключается в сохранении и приумножении имущества в пользу выгодоприобретателей.

В соответствии с положениями п. 4 ст. 123.20–4 ГК РФ имущество личного фонда принадлежит личному фонду на праве собственности; учредитель личного фонда не имеет прав на имущество созданного им фонда. И в данном случае необходимо сделать следующую оговорку: подобная имущественная обособленность не влечет утраты учредителем возможности влиять на «судьбу» своего семейного бизнеса. По справедливому замечанию А. В. Качаловой, основным преимуществом личного фонда является возможность его прижизненного учреждения, осуществления контроля за деятельностью и возможность изменения структуры его управления в течение жизни учредителя личного фонда [4, с. 132].

Не подлежит сомнению, что для семейного бизнеса обеспечение преемственности управления при смене поколений является одной из ключевых задач. Смоделируем ситуацию на примере «классического» наследования, основанного на универсальном правопреемстве: после смерти владельца бизнеса корпоративные права перешли к нескольким наследникам; указанное обстоятельство, в свою очередь, обусловило корпоративный конфликт в части расхождения стратегических подходов к дальнейшему развитию бизнеса. В описанной ситуации использование конструкции личного фонда позволит разграничить управление корпоративными активами и наследственный переход прав на них. Иными словами, в случае если, например, акции (доли) принадлежат фонду, то смерть учредителя не повлечет перехода указанных корпоративных прав к его наследникам. При этом деятельность фонда продолжается в соответствии с уставом и условиями управления.

Несмотря на наличие у личного фонда преимуществ, его использование в качестве инструмента сохранения семейного бизнеса сопряжено с рядом правовых ограничений. Так, учреждение фонда предполагает передачу имущества в его собственность. Согласно ст. 123.20–4 ГК РФ стоимость имущества, передаваемого учредителем при создании личного фонда (за исключением наследственного фонда), не может составлять менее ста миллионов рублей и определяется на основании оценки рыночной стоимости. Очевидно, что указанный порог ограничивает доступность рассматриваемой конструкции для предпринимателей, чей бизнес имеет существенное значение для семьи, но не достигает установленного имущественного критерия.

Для стимулирования создания личных фондов законодательство о налогах и сборах предлагает значительные налоговые преференции как для самих личных фондов, так и для их учредителей [4, с. 75]. В частности, положения ст. 284.12 Налогового кодекса РФ (далее — НК РФ) допускают применение личными фондами специальной налоговой ставки в размере 15 % при условии, что 90 % учитываемых доходов фонда составляют доходы установленных законом категорий [5]. Однако изменение характера деятельности или временное увеличение доли иных доходов может повлечь утрату права на применение специальной ставки, предусмотренной в законе. Очевидно, что для личных фондов, управляющих хозяйственными обществами, указанное обстоятельство способно создавать дополнительную неопределенность в части налогового планирования.

Имущественное обособление личного фонда не должно превращаться в средство уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами. Передача имущества личному фонду не исключает возможности оспаривания соответствующих сделок при наличии предусмотренных законом оснований. В частности, в деле о банкротстве подлежат применению специальные правила ст. 61.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» при наличии определенных условий для признания такой сделки подозрительной [6]. Таким образом, правомерное использование конструкции личного фонда предполагает фактическую передачу имущества, самостоятельность (независимость) органов фонда и соответствие их деятельности уставу и условиям управления.

Таким образом, личный фонд представляет собой правовой инструмент сохранения семейного бизнеса, позволяющий заранее определить порядок управления семейным капиталом. К числу его основных преимуществ относятся: возможность разграничения имущественных интересов членов семьи и непосредственного владения (управления) корпоративными правами, имуществом, переданным фонду; а также возможность обеспечить непрерывность управления соответствующими активами после смерти учредителя личного фонда.

Литература:

1. Федеральный закон от 08 августа 2024 г. № 237-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 1202 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание Законодательства РФ. 2024. — № 33 (Часть I). Ст. 4933.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1. // Собрание Законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Кириллова, Е. А. Особенности, роль, значение личных фондов в наследственном праве РФ / Е. А. Кириллова, Е. Н. Масленко // Наследственное право. — 2022. — № 3. — С. 23–25.
4. Качалова, А. В. Личный фонд в системе юридических лиц / А. В. Качалова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 5(105). — С. 131–138.
5. Кузнецов, А. А. Отдельные аспекты налогообложения личных фондов в России / А. А. Кузнецов // Закон и власть. — 2026. — № 1. — С. 75–78.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть 2. // Собрание Законодательства РФ. — 2000. — № 32. — Ст. 3340.
7. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание Законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.

Правовой статус военнослужащих в Российской Федерации: научный анализ и цифровое обеспечение

Казаков Богдан Игоревич, студент;
Приймак Елена Николаевна, кандидат психологических наук, доцент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматривается правовой статус военнослужащих в Российской Федерации, анализируются его основные элементы, особенности реализации прав и исполнения обязанностей. Особое внимание уделяется цифровизации государственного управления, возможностям использования информационных систем для обеспечения прав военнослужащих, а также связанным с этим правовым рискам. На основе анализа законодательства и научных публикаций сформулированы авторские предложения по совершенствованию цифрового обеспечения военной службы.

Ключевые слова: *военнослужащий, правовой статус, военная служба, права и обязанности, цифровизация, государственное управление, информационная безопасность, социальные гарантии.*

Введение

Правовой статус военнослужащих является важным элементом системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Военная служба предполагает выполнение особых государственных обязанностей, соблюдение воинской дисциплины и готовность к защите Отечества. В связи с этим законодательство предусматривает не только специальные требования к военнослужащим, но и дополнительные гарантии их правовой и социальной защиты.

В современных условиях особое значение приобретает цифровизация государственного управления. Использование информационных технологий позволяет совершенствовать документооборот, ускорять предоставление государственных услуг и повышать доступность правовой информации. Однако внедрение цифровых решений в военной сфере требует соблюдения требований информационной безопасности и защиты персональных данных.

Цель настоящей статьи — исследовать правовой статус военнослужащих и определить возможности совершенствования его реализации посредством цифровых технологий.

1. Понятие и содержание правового статуса военнослужащих

Основой правового положения военнослужащих выступает Конституция Российской Федерации. Согласно статье 59 Конституции РФ, защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина, а порядок прохождения военной службы определяется федеральным законом [1].

Специальным нормативным правовым актом является Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». В соответствии со статьёй 1 данного закона правовой статус военнослужащих представляет собой совокупность установленных государством прав, свобод, обязанностей и ответственности [2].

При этом военнослужащие сохраняют основные права и свободы человека и гражданина, однако особенности военной службы обусловливают предусмотренные законом ограничения. Они связаны с необходимостью поддержания дисциплины, обеспечения боевой готовности и исполнения служебных обязанностей.

К основным элементам правового статуса военнослужащего относятся:

— **права и свободы**, включая право на судебную защиту, медицинское обеспечение и получение предусмотренных законом социальных гарантий;

— **юридические обязанности**, связанные с соблюдением воинской дисциплины, исполнением приказов в установленном законом порядке и выполнением задач военной службы;

— **юридическая ответственность**, наступающая при наличии предусмотренных законодательством оснований;

— **социальные гарантии**, включающие установленные законом меры материального, медицинского, жилищного и пенсионного обеспечения.

Правовые основы статуса военнослужащих закреплены в Конституции РФ, Федеральном законе № 76-ФЗ, Федеральном законе от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», общевоинских уставах и иных нормативных правовых актах [2; 3].

Следует отметить, что правовой статус военнослужащего не сводится исключительно к совокупности обязанностей и ограничений. Он предполагает наличие взаимных обязательств: военнослужащий выполняет возложенные на него государственные функции, а государство обеспечивает предусмотренные законом гарантии и механизмы защиты его прав.

По моему мнению, именно баланс обязанностей и гарантий является основным критерием эффективности правового регулирования военной службы. Если внимание уделяется только дисциплинарным требованиям, без обеспечения реальной доступности социальных гарантий и правовой защиты, это снижает практическую ценность закреплённых законом прав.

2. Цифровизация государственного управления и её значение для военнослужащих

Развитие цифровых технологий оказывает существенное влияние на организацию государственного управления. В научной литературе цифровизация рассматривается как один из факторов трансформации государственных институтов, изменения административных процедур и совершенствования взаимодействия государства с гражданами.

М. В. Алексеева и Е. А. Филимонова исследуют особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий, обращая внимание на изменения, происходящие в системе публичного управления [5]. В свою очередь, М. В. Алексеева и С. В. Рыбак рассматривают переход к модели цифрового государства и преобразование механизмов государственного управления [6].

Положения указанных исследований имеют значение и для изучения правового статуса военнослужащих. Цифровизация позволяет рассматривать реализацию их прав не только с точки зрения содержания законодательства, но и с позиции доступности административных процедур.

В частности, цифровые инструменты могут применяться для следующих целей:

1. Совершенствование документооборота. Электронная обработка документов способна сократить сроки рассмотрения обращений, заявлений и рапортов.

2. Повышение доступности правовой информации. Электронные информационные ресурсы могут обеспечивать военнослужащих актуальными нормативными актами и разъяснениями законодательства.

3. Совершенствование социального обеспечения. Цифровые системы могут облегчать оформление документов, необходимых для получения предусмотренных законом выплат, льгот и иных гарантий.

4. Повышение прозрачности административных процедур. Регистрация обращений и фиксация этапов их рассмотрения позволяют улучшить контроль за соблюдением установленных сроков.

5. Развитие правовой защиты. Цифровые каналы взаимодействия могут упрощать направление обращений в компетентные органы и получение информации о ходе их рассмотрения.

Вместе с тем перечисленные возможности не означают, что все процедуры уже полностью переведены в электронную форму или доступны каждому военнослужащему. Их реализация зависит от действующего законодательства, ведомственных правил и технических возможностей соответствующих информационных систем.

В работе М. В. Алексеевой «Информационная деятельность таможенных органов» рассматриваются вопросы информационной деятельности государственных органов [7]. Несмотря на отраслевую специфику исследования, отдельные подходы к организации работы с информацией могут быть использованы при изучении цифрового обеспечения иных государственных структур. При этом особенности военной службы требуют самостоятельного учёта требований военной и информационной безопасности.

3. Правовые проблемы цифрового обеспечения военной службы

Несмотря на преимущества цифровизации, её внедрение в сфере военной службы сопровождается рядом проблем.

Во-первых, существует риск нарушения конфиденциальности персональных данных. Информационные системы могут содержать сведения о военнослужащих, членах их семей, состоянии здоровья, денежном довольствии и прохождении службы. Обработка таких сведений должна осуществляться с соблюдением Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [4]. Если информация относится к государственной тайне, применяются также специальные требования законодательства о государственной тайне.

Во-вторых, цифровизация не должна приводить к ограничению доступа к правовой защите. Технические сбои, отсутствие доступа к информационной системе или

ошибки при обработке документов могут затруднять реализацию прав военнослужащих. Поэтому необходимо сохранять предусмотренные законодательством способы обращения в уполномоченные органы, а также обеспечивать возможность исправления ошибочных сведений и обжалования неправомерных решений.

В-третьих, важной проблемой является юридическая значимость электронных документов. Для надлежащей реализации прав необходимо определить порядок подачи и регистрации электронных обращений, подтверждения факта их получения и установления сроков рассмотрения. При этом электронная форма документа должна признаваться допустимой только в случаях и порядке, установленных законодательством и соответствующими правилами.

В-четвёртых, особое значение имеет защита информации ограниченного доступа. В военной сфере цифровые решения должны исключать неправомерное распространение сведений о личном составе, местах дислокации, служебных задачах и иных данных, раскрытие которых способно причинить ущерб безопасности государства.

На мой взгляд, цифровое обеспечение военной службы должно строиться на принципе приоритета правовой защищённости над формальным внедрением технологий. Само по себе наличие электронной системы ещё не свидетельствует о повышении эффективности управления. Критериями её результативности должны выступать надёжность обработки данных, соблюдение сроков, доступность процедур и возможность обжалования принятых решений.

4. Направления совершенствования цифрового обеспечения правового статуса военнослужащих

Для повышения эффективности реализации прав военнослужащих представляется целесообразным развивать цифровые механизмы по нескольким направлениям.

Первое направление — совершенствование электронного документооборота. Следует стремиться к тому, чтобы военнослужащий мог получать информацию о регистрации и рассмотрении обращения, а также о причинах отказа в удовлетворении заявления. Это позволит повысить прозрачность административных процедур.

Второе направление — развитие единого информационного сопровождения социальных гарантий. Информация о предусмотренных законом мерах поддержки должна быть изложена доступным языком, регулярно обновляться и содержать ссылки на нормативные правовые акты. При этом цифровой ресурс должен помогать разобраться в порядке реализации права, но не подменять юридически значимое решение компетентного органа.

Третье направление — обеспечение информационной безопасности. Необходимо применять разграничение доступа к данным, проверку полномочий пользователей, резервное копирование и другие предусмотренные требованиями безопасности меры. Использование цифровых технологий не должно создавать дополнительных угроз для военнослужащих и государства.

Четвёртое направление — сохранение альтернативных способов взаимодействия с государственными органами. Электронные процедуры должны дополнять, а не необоснованно исключать традиционные способы подачи документов и обращений, когда их использование допускается законодательством.

Пятое направление — повышение цифровой и правовой грамотности военнослужащих. Знание правил работы с электронными документами, персональными данными и официальными информационными ресурсами позволит снизить риск ошибок и повысить самостоятельность при реализации законных прав.

Считаю необходимым также оценивать эффективность цифровых систем с позиции самого военнослужащего. Для этого можно учитывать сроки рассмотрения обращений, количество технических ошибок, доступность информации и результаты обжалования решений. Такая оценка позволит определить, действительно ли внедрение технологий улучшает правовое положение граждан, проходящих военную службу.

Заключение

Таким образом, правовой статус военнослужащих в Российской Федерации представляет собой комплекс прав, свобод, обязанностей, ответственности и социальных гарантий, закреплённых законодательством. Его содержание определяется особым характером военной службы, однако специфика служебных обязанностей не отменяет необходимости обеспечения правовой защиты военнослужащих.

Моя позиция заключается в том, что цифровое обеспечение должно рассматриваться не как самостоятельная цель реформирования государственного управления, а как инструмент практической реализации прав военнослужащих. Эффективность цифровизации определяется не количеством внедрённых информационных систем, а тем, насколько они обеспечивают законность, своевременность, безопасность и доступность государственных процедур.

В перспективе совершенствование правового регулирования должно быть направлено на сочетание современных информационных технологий с надёжными юридическими гарантиями. Такой подход позволит повысить качество государственного управления и укрепить правовую защищённость военнослужащих в Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с последующими изменениями).

2. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».
3. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».
4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».
5. Алексеева М. В., Филимонова Е. А. Особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. Т. 2. № 2. С. 14–21.
6. Алексеева М. В., Рыбак С. В. Трансформация государственного управления: к модели цифрового государства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2025. Т. 12. № 2. С. 16–23.
7. Алексеева М. В. Информационная деятельность таможенных органов: монография. Ростов-на-Дону, 2013.

Подсудность иска о разделе общего имущества супругов, в состав которого входит недвижимое имущество

Карнаух Андрей Юрьевич, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматривается, по какому правилу территориальной подсудности предъявляется иск о разделе общего имущества супругов, если разделу подлежат квартиры, жилые дома или земельные участки. Сопоставлены определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 октября 2025 г. № 18-КГ25–373-К4 и пятнадцать апелляционных определений судов субъектов Российской Федерации, вынесенных с декабря 2025 г. по апрель 2026 г. В четырнадцати из них раздел недвижимости отнесён к общей подсудности по месту жительства ответчика, причём в двенадцати мотивировка совпадает с формулой, сложившейся в практике Верховного Суда при разделе имущества, находящегося за рубежом, где решался вопрос о компетенции российских судов, а не о выборе суда внутри страны. Показано, что критерий государственной регистрации, на котором Верховный Суд основал исключительную подсудность в деле 2025 г., охватывает и решение о разделе, поскольку оно служит основанием записи в Едином государственном реестре недвижимости. Обосновано, что отнесение раздела к исключительной подсудности вступило бы в противоречие с правилом ч. 4 ст. 29 ГПК РФ о подсудности по выбору истца по делам о расторжении брака. Предложено дополнить статью 29 ГПК РФ правилом о подсудности по выбору истца для исков о разделе общего имущества, включающего недвижимость, и дать разъяснение о границе между разделом и спором о праве на объект.

Ключевые слова: *раздел общего имущества супругов, территориальная подсудность, исключительная подсудность, подсудность по выбору истца, иск о правах на недвижимое имущество, государственная регистрация прав, расторжение брака, возвращение искового заявления.*

По общему правилу ст. 28 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) иск предъявляется в суд по месту жительства ответчика [16]. Исключение из него составляет ч. 1 ст. 30 ГПК РФ, по которой иски о правах на земельные участки, здания, в том числе жилые и нежилые помещения, строения, сооружения и другие объекты, прочно связанные с землёй, предъявляются в суд по месту нахождения этих объектов. Семейный кодекс Российской Федерации (далее — СК РФ) с местом нахождения имущества раздел не связывает: по п. 3 ст. 38 СК РФ в случае спора раздел производится в судебном порядке, и суд по требованию супругов определяет, какое имущество подлежит передаче каждому из них [27]. Ответа на вопрос, какое из двух правил подсудности действует, когда разделу подлежит квартира, находящаяся в другом районе или другом субъекте, закон не даёт.

Выбор между ст. 28 и ч. 1 ст. 30 ГПК РФ имеет иные процессуальные последствия, чем выбор между другими правилами территориальной подсудности. Д. И. Бекяшева, излагая п. 56 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 16, показывает, что решение может быть отменено из-за нарушения подсудности, если на него указано в апелляционной жалобе и о неподсудности заявлялось в суде первой инстанции, а «также если нарушены правила подсудности, установленные в ст. 26 и 27 ГПК РФ, либо правила об исключительной подсудности» [15, с. 26]. Для нарушения общей территориальной подсудности условием отмены служит возражение, своевременно заявленное стороной, для нарушения исключительной такого условия нет. Если раздел квартиры будет признан иском о правах на недвижимость, решение о нём, вынесенное по месту жительства ответчика, может быть отменено по мотиву неподсудности и без возражения стороны.

М. В. Самсонова, прослеживая, как реформами 2010 и 2018 гг. у мировых судей были изъяты почти все дела из семейно-правовых отношений, кроме расторжения брака при отсутствии спора о детях и раздела имущества при цене иска до 50 000 руб. [26, с. 86], приходит к выводу, что «многочисленные изменения вносились хаотично, обес-

печивая решение текущих задач» [26, с. 87], и предлагает проверить «обоснованность существования исключительной подсудности с учетом развития информационных технологий и государственных информационных систем» [26, с. 88].

С. И. Князькин и М. А. Миронов, ставя тот же вопрос шире, полагают, что исключительная подсудность, обладая «абсолютным приоритетом по отношению к другим правилам территориальной подсудности», «требует переосмысления с учётом новых условий» [17, с. 406]. В обеих работах вопрос поставлен для исключительной подсудности в целом, и раздел имущества супругов отдельно не рассматривается, хотя в 2025 г. по делу, где раздел квартир был соединён с оспариванием сделок, разошлись кассационный суд общей юрисдикции и Верховный Суд Российской Федерации.

Цель статьи — установить, какое правило подсудности применяется к иску о разделе общего имущества супругов, включающего недвижимость, и объяснить, почему практика судов субъектов расходится с критерием, сформулированным Верховным Судом. Материалом послужили определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 октября 2025 г. № 18-КГ25–373-К4 и пятнадцать апелляционных определений девяти судов субъектов. Определения отобраны на ресурсе «Судебные и нормативные акты РФ» по признаку предмета: частная жалоба на возвращение иска о разделе общего имущества супругов, включающего недвижимость, или на передачу такого дела по подсудности, дата вынесения — с декабря 2025 г. по апрель 2026 г.

В деле № 18-КГ25–373-К4 истец оспорил договоры купли-продажи и дарения двух квартир, приобретённых в браке, и просил разделить их как совместно нажитое имущество, признав доли равными. Прикубанский районный суд г. Краснодара 2 февраля 2024 г. возвратил иск по п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ, руководствуясь ст. 28 ГПК РФ. Краснодарский краевой суд 29 июля 2024 г. отменил это определение, сочтя спор спором о правах на недвижимость.

Четвёртый кассационный суд общей юрисдикции 24 января 2025 г. восстановил возврат, указав, что «к спору о разделе имущества супругов, в том числе объектов недвижимого имущества, применяются общие правила о подсудности, предусмотренные статьей 28», поскольку требования о признании имущества совместно нажитым «направлены на изменение режима собственности нажитого в период брака имущества с совместной собственности на долевую» [25].

Верховный Суд отменил определения районного и кассационного судов и оставил в силе апелляционное. Наряду с ответом на вопрос 3 Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвёртый квартал 2003 г. и п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 (далее — постановление Пленума № 10/22) Судебная коллегия сослалась на абз. 2 п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 г. № 46: по месту нахождения недвижимого имущества рассматриваются и дела, «в которых удовлетворение заявленного требования и его принудительное исполнение повлекут необходимость государственной регистрации возникновения, ограничения (обременения), перехода, прекращения прав на недвижимое имущество или внесения записи в Единый государственный реестр недвижимости» [25].

Подсудность в этом деле определило требование о недействительности сделок, и Судебная коллегия оговорила это прямо: «Тем самым в настоящем случае Лизуновым А. В. инициирован спор о праве на недвижимое имущество», а требования о разделе «носят производный от вышеуказанных требований характер» [25]. Вопрос о том, подпадает ли под ч. 1 ст. 30 ГПК РФ раздел, не соединённый с оспариванием сделки, остался открытым. Однако критерий, на который сослалась коллегия, шире довода о сделках. Для его применения значимо не то, оспаривается ли чьё-либо право на объект, а то, потребует ли исполнение решения регистрационной записи. Разъяснение п. 9 дано к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (далее — АПК РФ), но в деле № 18-КГ25–373-К4 Судебная коллегия применила его к ч. 1 ст. 30 ГПК РФ, то есть к делу общей юрисдикции.

В апелляционных определениях, вынесенных после 28 октября 2025 г., критерий регистрации к разделу не применён. Из пятнадцати определений, вынесенных с декабря 2025 г. по апрель 2026 г., четырнадцать относят раздел, включающий недвижимость, к подсудности по ст. 28 ГПК РФ [1–8; 10–14; 23]. В восьми из этих четырнадцати дел истец обратился в суд по месту нахождения недвижимости либо настаивал на такой подсудности в частной жалобе, ещё в одном суд первой инстанции сам передал дело по месту нахождения квартиры, и во всех случаях эта позиция была отвергнута. Мотивировка в них сходна, а в части актов совпадает дословно. Пермский краевой суд применил ст. 28 ГПК РФ к разделу квартир, земельных участков и домов, поскольку такие иски «не направлены на установление или признание права собственности супругов на нажитое ими в период брака имущество, так как законом установлено право совместной собственности» [12].

Те же слова приводит Верховный Суд Кабардино-Балкарской Республики [23], а Ставропольский краевой суд ограничивается выводом о том, что такие иски «не являются исками о правах на недвижимое имущество» [13]. Новосибирский областной суд распространяет это правило на все иски о разделе «вне зависимости от состава имущества» [11], а Московский городской суд констатирует, что спор о праве на недвижимое имущество «в данном случае отсутствует» [7]. Ни в одном из четырнадцати определений дело № 18-КГ25–373-К4 не упомянуто.

В определении Краснодарского краевого суда от 3 декабря 2025 г. довод частной жалобы о том, что «иски

о любых правах на недвижимое имущество» подлежат рассмотрению по месту его нахождения, отклонён, поскольку такие доводы «основаны на ошибочном и избирательном толковании норм права» [2].

Между тем это формула Обзора за четвёртый квартал 2003 г., которую Верховный Суд за пять недель до того положил в основание своего определения [25]. Единственное из пятнадцати определений, применившее ч. 1 ст. 30 ГПК РФ, вынесено Нижегородским областным судом, и оно подтверждает границу, проведённую Верховным Судом: истцом оспаривалось право другого лица на объект недвижимости, «что не является иском, относимым к разделу общего имущества супругов» [9].

Суды субъектов разграничивают сферы ст. 28 и ч. 1 ст. 30 ГПК РФ по признаку оспаривания права на объект. Л. Б. Максимович на основе разбора практики судов общей юрисдикции проводит эту границу иначе: «правила об исключительной подсудности действуют без каких-либо изъятий, только когда требование в отношении раздела недвижимого имущества является самостоятельным», а изъятие из них допускается лишь для раздела, заявленного в деле о расторжении брака [18, с. 199]. Согласно этой позиции, самостоятельный иск о разделе квартиры, возвращённый или переданный по месту жительства ответчика в изученных определениях 2025–2026 гг., подлежал бы рассмотрению по месту нахождения квартиры.

В двенадцати из четырнадцати определений довод построен на том, что раздел направлен на изменение режима собственности супругов, и источник этой формулировки назван в одном из них: Ставропольский краевой суд в определении от 17 февраля 2026 г. опёрся на п. 16 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) [14]. Этот пункт посвящён иному вопросу. В деле № 4-КГ18–76 к разделу было заявлено имущество супругов — граждан Российской Федерации, находящееся на территории иностранных государств, и суд первой инстанции возвратил иск в этой части, полагая, что такое имущество может быть разделено лишь иностранным судом по месту его нахождения.

Судебная коллегия признала этот вывод ошибочным, поскольку требования истца «не являются иском о правах на недвижимое имущество, а направлены на изменение режима совместной собственности супругов», и указала, что закон не относит такие требования «к исключительной компетенции иностранных судов, в связи с чем на данные требования распространяются общие правила подсудности, установленные гл. 3 ГПК РФ» [24]. В Обзор эта позиция вошла с оговоркой «если иное не предусмотрено международным договором» [22].

Применение этой формулы при выборе между судами Российской Федерации представляется необоснованным. В деле 2018 г. правило о месте нахождения имущества лишило бы граждан России доступа к российскому суду: отрицая вещный характер иска, Верховный Суд обосновывал подсудность дела российскому суду. Когда выбор делается между судами Российской Федерации, правило ч. 1 ст. 30 ГПК РФ определяет лишь территориальную подсудность дела. Основание, по которому в 2018 г. был отвергнут вещный характер иска о разделе, в споре о территориальной подсудности отсутствует. Четвёртый кассационный суд общей юрисдикции воспроизвёл эту формулу в деле № 18-КГ25–373-К4, и Верховный Суд это определение отменил, сославшись на оспаривание сделок, но к формуле 2018 г. как таковой не обратился.

Противоречие обнаруживается в определении Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики. Суд привёл критерий государственной регистрации почти дословно, а со ссылкой на абз. 3 п. 2 постановления Пленума № 10/22 указал, что исключительная подсудность установлена для исков о любых правах на недвижимое имущество, «в том числе о праве владения и пользования им, о разделе недвижимого имущества, выделе из него доли» [23].

В опубликованном тексте абз. 3 п. 2 этих слов нет: в нём перечислены иски об истребовании имущества из чужого незаконного владения, об устранении нарушений права, о признании права, об установлении сервитута, об установлении границ земельного участка и об освобождении имущества от ареста, причём перечень открыт словами «в частности» [20]. Тем не менее, приведя разъяснение в редакции, которой в постановлении нет и в которой раздел недвижимого имущества назван прямо, суд заключил, что «тот факт, что предметом спора может быть недвижимое имущество, подсудность не изменяет» [23]. Суд, следовательно, привёл критерий, ведущий к ч. 1 ст. 30 ГПК РФ, и изложил разъяснение так, что в нём назван раздел недвижимости, но применил ст. 28 ГПК РФ.

Решая спор о разделе, суд по п. 3 ст. 38 СК РФ определяет, какое имущество передаётся каждому из супругов [27]. Если квартира передаётся одному из них, право совместной собственности прекращается и возникает его единоличная собственность; если определяются доли, совместная собственность становится долевой. В обоих случаях запись в Едином государственном реестре недвижимости вносится на основании решения суда: по п. 5 ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» основанием регистрации прав являются «вступившие в законную силу судебные акты», а ст. 58 того же закона устанавливает порядок регистрации на основании решения суда [19].

Решение о разделе квартиры, следовательно, относится к случаям, когда удовлетворение требования и его принудительное исполнение «повлекут необходимость государственной регистрации… перехода, прекращения прав на недвижимое имущество». Довод судов субъектов о том, что раздел не направлен на признание права, отвечает на другой вопрос: оспаривается ли право. Критерий абз. 2 п. 9 спорности права не требует.

Полагаем, что если этот критерий применять последовательно, раздел имущества, включающего недвижимость, подпадает под ч. 1 ст. 30 ГПК РФ, а практика, основанная на формуле 2018 г., его не применяет.

Отнесение раздела к исключительной подсудности, однако, порождает новую коллизию. По ч. 4 ст. 29 ГПК РФ иск о расторжении брака может быть предъявлен по месту жительства истца, если при нём находится несовершеннолетний или выезд к месту жительства ответчика для него затруднителен по состоянию здоровья [16]. По абз. 4 п. 2 ст. 24 СК РФ суд при расторжении брака обязан по требованию супругов произвести раздел общего имущества [27], а по п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 суд разрешает этот вопрос по существу вместе с иском о расторжении брака [21].

Л. Б. Максимович выводит отсюда, что суд, рассматривающий иск о расторжении брака, обязан разделить имущество, «включая объекты недвижимости, независимо от их нахождения» [18, с. 199], и Д. А. Чупилин присоединяется к авторам, полагающим, что иначе «применение исключительной подсудности потребовало бы отказаться от применения нормы ст. 24 СК РФ об объединении указанных требований» [28, с. 126].

Однако такое решение коллизии основано на толковании: в тексте закона его нет. Исключительная подсудность не может быть изменена соглашением сторон (ст. 32 ГПК РФ), правила о соединении требования, подсудного по выбору истца, с требованием исключительной подсудности ГПК РФ не содержит [16], и Д. А. Чупилин приводит определение Московского городского суда, оставившее в силе возвращение иска, в котором с расторжением брака было соединено требование об определении места жительства ребёнка: ссылку на ч. 4 ст. 29 ГПК РФ суд отклонил, поскольку эта норма устанавливает альтернативную подсудность лишь споров о расторжении брака [28, с. 126]. Если раздел квартиры будет отнесён к ч. 1 ст. 30 ГПК РФ, истец, с которым проживает несовершеннолетний, сможет предъявить иск о расторжении брака по своему месту жительства, но требование о разделе квартиры в другом субъекте может быть ему возвращено.

В четырнадцати из пятнадцати изученных апелляционных определений, вынесенных после 28 октября 2025 г., к искам о разделе общего имущества супругов, в которых право на объект не оспаривается, применена ст. 28 ГПК РФ, причём в двенадцати — с формулировкой, выработанной для имущества за рубежом, тогда как критерий государственной регистрации, принятый Верховным Судом в определении № 18-КГ25–373-К4, ведёт к ч. 1 ст. 30 ГПК РФ. Ссылка на абз. 3 п. 2 постановления Пленума № 10/22 в определении Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики воспроизводит слова о разделе недвижимого имущества, которых в постановлении нет.

Представляется, что каждое из двух правил учитывает лишь один из защищаемых законом интересов. Правило ст. 28 ГПК РФ не учитывает, что решение о разделе служит основанием регистрационной записи, с которой разъяснение Пленума связывает подсудность по месту нахождения объекта, а правило ч. 1 ст. 30 ГПК РФ лишает истца, с которым проживает несовершеннолетний, права выбора суда по ч. 4 ст. 29 ГПК РФ. Связь спора с местом нахождения объекта поэтому целесообразно закрепить как дополнительное основание подсудности по выбору истца, а не как исключительное.

Предлагается дополнить ст. 29 ГПК РФ частью 4.1 следующего содержания: «Иски о разделе общего имущества супругов, в состав которого входит недвижимое имущество, могут предъявляться также в суд по месту нахождения этого имущества, а при нахождении объектов в разных местах — по месту нахождения одного из них. Правила части первой статьи 30 настоящего Кодекса к таким искам не применяются, если ими не оспаривается право на недвижимое имущество или сделка с ним».

Признак оспаривания права, который по действующему закону не отделяет раздел от иска о правах на недвижимость, в предлагаемой норме становится границей, установленной самим законом. После её принятия постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 целесообразно дополнить разъяснением о том, что требование о разделе общего имущества супругов, включающего недвижимость, заявленное вместе с иском о расторжении брака, рассматривается судом, к подсудности которого относится иск о расторжении брака, в том числе по ч. 4 ст. 29 ГПК РФ, а при оспаривании сделки с объектом или права на него, как в деле № 18-КГ25–373-К4, иск предъявляется по ч. 1 ст. 30 ГПК РФ. Такое правило оставляет выбор суда за истцом, не разрывает связь подсудности с местом нахождения объекта и устраняет основание для определений о возвращении исков и передаче дел, обжалованных в изученных частных жалобах.

Литература:

1. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым по делу № 33–5204/2026 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/NL1bpGtacJgS/ (дата обращения: 21.10.2026).
2. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 03.12.2025 по делу № 33–35396/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/0Nq3TLNQbCHC/ (дата обращения: 21.10.2026).
3. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 11.03.2026 по делу № 33–6653/2026 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/8WHXUxZVfilp/ (дата обращения: 21.10.2026).
4. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 14.01.2026 по делу № 33–3609/2026 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/CdMTOW42Tr6T/ (дата обращения: 21.10.2026).
5. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 16.03.2026 по делу № 33–5275/2026 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/lhXN2Mjp35Y4/ (дата обращения: 21.10.2026).

6. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 24.12.2025 по делу № 33–36157/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/vf5YkJSkiWbw/ (дата обращения: 21.10.2026).
7. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.12.2025 по делу № 33–62980/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/WQM7IhPUmKQt/ (дата обращения: 21.10.2026).
8. Апелляционное определение Московского областного суда от 24.12.2025 по делу № 33–47125/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/pIGIHOZSOz6p/ (дата обращения: 21.10.2026).
9. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 13.01.2026 по делу № 33–619/2026 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/pb5MjIeTrOxv/ (дата обращения: 21.10.2026).
10. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 16.12.2025 по делу № 33–12189/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/OcPJQNwAGNlC/ (дата обращения: 21.10.2026).
11. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 14.04.2026 по делу № 33–4073/2026 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/FLKDVd1EVJm4/ (дата обращения: 21.10.2026).
12. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 23.04.2026 по делу № 33–4147/2026 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/ZKOPxVFHEzlB/ (дата обращения: 21.10.2026).
13. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 16.12.2025 по делу № 33–3–9044/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/Kq0aXezxkUlj/ (дата обращения: 21.10.2026).
14. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 17.02.2026 по делу № 33–3–1089/2026 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/Bqkc7EIJay1u/ (дата обращения: 21.10.2026).
15. Бекяшева Д. И. Структурные и судопроизводственные факторы, влияющие на правильное применение правил подсудности гражданских дел // Lex russica. — 2022. — Т. 75, № 1. — С. 18–28. — DOI 10.17803/1729–5920.2022.182.1.018–028.
16. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
17. Князькин С. И., Миронов М. А. Соотношение видов территориальной подсудности в гражданском процессе // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 1 (205). — С. 405–407. — DOI 10.47643/1815–1337_2022_1_405.
18. Максимович Л. Б. Проблемы подсудности дел, возникающих из семейных правоотношений // Труды Института государства и права РАН. — 2017. — Т. 12, № 6. — С. 186–201.
19. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 29 (часть I). — Ст. 4344.
20. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 // Верховный Суд Российской Федерации. — URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/8097/ (дата обращения: 21.10.2026).
21. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 (ред. от 06.02.2007) // Верховный Суд Российской Федерации. — URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/7783/ (дата обращения: 21.10.2026).
22. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 ноября 2019 г. // Верховный Суд Российской Федерации. — URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/28477/ (дата обращения: 21.10.2026).
23. Определение Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 12.02.2026 по делу № 33–463/2026 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/qdCFeSHn37ZU/ (дата обращения: 21.10.2026).
24. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 сентября 2018 г. № 4-КГ18–76 // Верховный Суд Российской Федерации. — URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1690640 (дата обращения: 21.10.2026).
25. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 октября 2025 г. № 18-КГ25–373-К4 // Верховный Суд Российской Федерации. — URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2500300 (дата обращения: 21.10.2026).
26. Самсонова М. В. Проблемы совершенствования института подсудности гражданских дел // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19, № 2. — С. 80–89. — DOI 10.17803/1994–1471.2024.159.2.080–089.
27. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
28. Чупилин Д. А. Альтернативная подсудность споров, вытекающих из семейных правоотношений: проблемы и предложения // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. — 2022. — Т. 9, № 4. — С. 122–129. — DOI 10.18522/2313–6138–2022–9–4–16.

История развития уголовной ответственности за доведение до самоубийства в российском законодательстве

Карпова Дарья Алексеевна, студент магистратуры
Государственный университет просвещения (г. Москва)

В статье автор исследовал процесс становления уголовной ответственности за доведение до самоубийства в российском законодательстве.

Ключевые слова: *доведение, самоубийство, ответственность.*

Становление уголовной ответственности за доведение до самоубийства в российском законодательстве представляет собой длительный и противоречивый процесс формирования представлений о том, в каких пределах уголовный закон должен охранять человеческую жизнь. Современное понимание доведения до самоубийства возникло не сразу, поскольку первоначально законодателя интересовал главным образом сам факт самоубийства и его религиозно-нравственная оценка. В разные исторические периоды отношение государства к самоубийству определялось совокупностью религиозных, моральных, социальных и правовых факторов. При этом ответственность лиц, которые влияли на решение другого человека уйти из жизни, долгое время не выделялась в качестве самостоятельного уголовно-правового института. Постепенный отказ от такого подхода был обусловлен необходимостью учитывать не только непосредственное действие потерпевшего, но и поведение третьих лиц, способствовавших возникновению у него суицидального намерения. Именно развитие данного подхода в дальнейшем подготовило основу для законодательного закрепления ответственности за доведение до самоубийства. Поэтому изучение исторического становления соответствующей нормы имеет значение для понимания ее современной юридической природы. Историко-правовой анализ позволяет проследить, как изменялись признаки преступления, круг потерпевших и способы воздействия на них. Кроме того, он дает возможность выявить причины появления отдельных квалифицирующих обстоятельств и разграничения доведения до самоубийства со склонением и содействием самоубийству [1].

На ранних этапах развития отечественного права самоубийство рассматривалось главным образом через призму религиозных представлений и нарушения церковных норм. По этой причине правовые последствия самоубийства поначалу касались прежде всего самого самоубийцы и его посмертного положения. Самостоятельной уголовно-правовой конструкции, которая предусматривала бы наказание лица за психологическое или физическое воздействие на другого человека с целью побудить его к самоубийству, в тот период не существовало [2]. Такое положение объясняется особенностями средневекового правосознания, в рамках которого самоубийство воспринималось как самостоятельное нравственное и религиозное нарушение. Постепенно государственно-правовое регулирование стало отходить от исключительно религиозной оценки данного явления. Заметную роль в этом процессе сыграли преобразования уголовного законодательства в период правления Петра I. В Артикуле воинском 1715 г. были закреплены положения, касавшиеся самоубийства и связанных с ним последствий. Однако эти нормы ещё не образовывали самостоятельного состава преступления, аналогичного современному доведению до самоубийства. Их главное значение состояло в нормативном закреплении отрицательного отношения государства к самоубийству. Таким образом, рассматриваемый период можно считать одним из начальных этапов формирования уголовно-правового подхода к охране жизни от суицидального поведения. Постепенно законодатель начал принимать во внимание и поведение иных лиц, способных влиять на волю человека.

Более заметные изменения произошли в XIX в., когда российское уголовное законодательство стало систематизироваться и приобрело более четкую структуру. Существенное значение в этом отношении имело Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В нем самоубийству был посвящен отдельный раздел, включавший нормы об ответственности за различные формы участия в самоубийстве другого лица. В частности, статья 1475 предусматривала ответственность лица, склонявшего другого к самоубийству, предоставлявшего необходимые для этого средства либо иным образом участвовавшего в совершении такого деяния. Особое значение имело установление ответственности лиц, которые своими действиями непосредственно способствовали принятию потерпевшим решения о лишении себя жизни. Тем самым законодатель впервые достаточно отчетливо вышел за пределы наказания самого самоубийцы и обратился к поведению третьих лиц. Статья 1476 предусматривала специальную ответственность родителей, опекунов и иных лиц, обладавших властью над потерпевшим, если вследствие явного и жестокого злоупотребления этой властью лицо было доведено до самоубийства. Данная норма особенно важна для последующего развития законодательства, поскольку в ней просматриваются признаки современного понимания зависимости потерпевшего от виновного. В то же время круг возможных потерпевших и способы воздействия были существенно уже современных законодательных конструкций. Следовательно, Уложение 1845 г. можно рассматривать как важный этап перехода от пре-

имущественно морально-религиозной оценки самоубийства к уголовно-правовой оценке поведения лица, воздействующего на другого человека.

Историческое значение Уложения 1845 г. отмечается и в научной литературе. В частности, Д. И. Эльмурзаев [3] в диссертационном исследовании «Уголовная ответственность за доведение до самоубийства» рассматривает развитие соответствующего института в контексте постепенного формирования самостоятельной уголовно-правовой охраны личности от суицидогенного воздействия. Автор уделяет внимание историческим изменениям законодательства, связанным с ответственностью за содействие, склонение и доведение до самоубийства. Представленный в работе анализ позволяет увидеть, что современная конструкция статьи 110 УК РФ является результатом продолжительной законодательной эволюции, а не самостоятельным явлением новейшего периода. Историческая составляющая исследования Эльмурзаева имеет значение и для определения критериев разграничения различных форм воздействия на потерпевшего. Другим значимым исследованием является диссертация А. А. Цыркалюка «Уголовная ответственность за доведение до самоубийства» [4], в которой отдельное внимание уделено развитию российского уголовного законодательства. Цыркалюк также опубликовал специальную работу «Развитие российского уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства», непосредственно посвященную рассматриваемой проблематике. Научный интерес представляет и то обстоятельство, что исследователь рассматривает российское законодательство в исторической взаимосвязи с зарубежным опытом. Такой подход позволяет рассматривать развитие отечественной нормы не изолированно, а как часть более общего процесса формирования уголовно-правовых механизмов противодействия суицидальному воздействию. Работы указанных авторов имеют существенное значение для систематизации основных этапов становления рассматриваемого института.

Следующий этап развития связан с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных в редакции конца XIX в. и последующей разработкой нового уголовного законодательства. В этот период постепенно усиливалось представление о том, что необходимо разграничивать самостоятельное самоубийство и противоправное воздействие со стороны другого лица. Законодательство стало более последовательно учитывать общественную опасность действий лица, которое создает условия для принятия потерпевшим решения о самоубийстве. Особое значение приобрел вопрос о субъективном отношении виновного к последствиям своего поведения. Он состоял в том, должно ли лицо прямо желать смерти потерпевшего или достаточно осознания того, что оказываемое воздействие способно привести к самоубийству. В дальнейшем эти вопросы стали одними из наиболее дискуссионных в теории уголовного права. В Уголовном уложении 1903 г. законодатель отказался от уголовной ответственности самого самоубийцы, но сохранил ответственность за отдельные формы участия в самоубийстве другого лица. Соответствующие положения были закреплены, в частности, в статьях 462 и 463 Уложения. Тем самым продолжилось разграничение между самостоятельным решением человека о прекращении собственной жизни и противоправным поведением третьих лиц. Такой законодательный подход оказал влияние на дальнейшее развитие советского уголовного законодательства.

После революционных событий 1917 г. уголовное законодательство России претерпело существенные изменения. В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. самостоятельная ответственность за доведение до самоубийства еще не была закреплена в современном понимании. Законодатель устанавливал ответственность за содействие или подговор к самоубийству в отношении несовершеннолетнего либо лица, заведомо неспособного понимать значение совершаемого им действия. Таким образом, уголовно-правовая охрана в значительной степени связывалась с особым состоянием потерпевшего. Данный подход отличался от последующей модели, в которой основное внимание уделялось характеру воздействия виновного. Существенный шаг был сделан при принятии Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. Именно в данном законодательном акте получила закрепление ответственность за доведение до самоубийства как самостоятельная уголовно-правовая конструкция. Статья 141 УК РСФСР 1926 г. связывала ответственность с доведением лица до самоубийства посредством жестокого обращения или иного подобного способа. При этом обязательным условием являлось нахождение потерпевшего в материальной или иной зависимости от виновного. Таким образом, зависимость потерпевшего стала одним из центральных признаков рассматриваемого состава.

Закрепление состава доведения до самоубийства в УК РСФСР 1926 г. имело принципиальное значение для дальнейшего развития отечественного уголовного права. Законодатель впервые непосредственно использовал конструкцию, близкую к современному понятию доведения до самоубийства. При этом содержание состава строилось преимущественно вокруг факта противоправного воздействия на зависимого потерпевшего. Такая модель отражала представление о повышенной общественной опасности поведения лица, использующего зависимость другого человека. Существенным элементом нормы являлось требование определенного способа воздействия, выраженного в жестоком обращении или иных аналогичных действиях. Следовательно, уголовная ответственность не возникала только вследствие самого факта самоубийства, если отсутствовало установленное законом воздействие со стороны виновного. Подобная конструкция способствовала формированию причинно-следственного подхода к оценке поведения обвиняемого. Следователю и суду необходимо было устанавливать не только факт самоубийства, но и характер воздействия, его направленность и связь с наступившим последствием. Тем самым

постепенно формировалась современная логика доказывания объективной стороны рассматриваемого преступления. Дальнейшее законодательное развитие данной конструкции связано прежде всего с Уголовным кодексом РСФСР 1960 г.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. ответственность за доведение до самоубийства была предусмотрена статьей 107. Данная норма устанавливала ответственность за доведение лица до самоубийства или покушения на него путем жестокого обращения либо систематического унижения личного достоинства. Существенным условием ответственности оставалось нахождение потерпевшего в материальной или иной зависимости от виновного. Таким образом, законодатель сохранил преемственность с моделью, сформированной в уголовном законодательстве 1926 г. Одновременно содержание нормы стало более конкретным благодаря закреплению систематического унижения личного достоинства в качестве самостоятельного способа воздействия. Это отражало постепенное признание того, что психическое воздействие на личность способно иметь столь же существенные последствия, как и физическое насилие. В научной литературе данная конструкция рассматривалась как специальный состав преступления против жизни. В частности, историческое развитие соответствующей нормы подробно исследовалось Эльмурзаевым и Цыркалюком. Значение статьи 107 УК РСФСР заключалось также в том, что она обеспечивала относительно четкую связь между поведением виновного и зависимым положением потерпевшего. Вместе с тем зависимость как обязательный признак состава впоследствии стала предметом законодательной и научной дискуссии [5].

Принятие Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. открыло новый этап в развитии ответственности за доведение до самоубийства. В первоначальной редакции статьи 110 УК РФ законодатель отказался от обязательного требования о материальной или иной зависимости потерпевшего от виновного. Это изменение заметно расширило сферу уголовно-правовой охраны. Теперь основанием ответственности могло служить противоправное воздействие на человека независимо от того, находился ли он в отношениях зависимости с виновным. В качестве способов воздействия были закреплены угрозы, жестокое обращение и систематическое унижение человеческого достоинства. Тем самым законодатель перешел от сравнительно узкой модели, рассчитанной на зависимого потерпевшего, к более широкой конструкции защиты личности. Данное изменение имело важное значение для практики квалификации, поскольку позволило учитывать разнообразные жизненные ситуации, в которых суицидальное поведение может быть вызвано противоправными действиями другого лица. Вместе с тем расширение уголовно-правовой охраны поставило новые вопросы о пределах применения статьи 110 УК РФ. В частности, потребовалось более четко определить содержание угроз, жестокого обращения и систематического унижения человеческого достоинства. Эти вопросы в дальнейшем получили развитие как в доктрине уголовного права, так и в законодательных изменениях.

Заметный вклад в изучение современного периода внес В. Б. Хатуев, подготовивший монографию «Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство». Работа Хатуева представляет собой комплексное исследование уголовно-правовой характеристики рассматриваемого преступления и его законодательного регулирования. Особую ценность данному исследованию придает системное рассмотрение вопросов ответственности за доведение как до завершенного самоубийства, так и до покушения на него. Более поздним исследованием является диссертация Э. В. Рыжова «Уголовная ответственность за доведение до самоубийства», защищенная в 2019 г. В структуре этой работы специально выделена глава, посвященная философскому, историческому и сравнительно-правовому аспектам доведения до самоубийства. Это позволяет рассматривать исследование Рыжова как продолжение научной традиции, заложенной более ранними авторами, с учетом современных изменений уголовного законодательства. В совокупности труды Эльмурзаева, Цыркалюка, Хатуева и Рыжова показывают последовательное развитие научных представлений о рассматриваемом преступлении. При этом каждый из указанных исследователей обращает внимание на разные стороны проблемы, включая историческую эволюцию нормы, признаки состава, способы воздействия и вопросы квалификации. Обращение к этим работам позволяет сформировать теоретическую основу для дальнейшего анализа действующего уголовного законодательства.

Особенно значительные изменения произошли после принятия Федерального закона от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ. Этим законом статья 110 УК РФ была изложена в существенно измененной редакции, а также были введены статьи 110.1 и 110.2 УК РФ. Законодатель тем самым разграничил доведение до самоубийства, склонение к самоубийству или содействие его совершению и организацию деятельности, направленной на побуждение к самоубийству. Такое разграничение стало важным этапом развития российского уголовного законодательства. Статья 110 УК РФ в действующей редакции предусматривает ответственность за доведение до самоубийства или покушения на него посредством угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства. При этом законодатель предусмотрел квалифицированные составы, учитывающие различные обстоятельства совершения преступления. В частности, повышенная ответственность устанавливается при совершении деяния в отношении несовершеннолетнего, беспомощного либо зависимого лица, беременной женщины, двух или более лиц, а также при совершении преступления группой лиц или с использованием публичных форм распространения информации. Существенное значение имеет и указание на использование информационно-телекоммуникационных

сетей, включая информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет». Эти изменения отражают необходимость учитывать новые формы социального и информационного взаимодействия. В результате современная редакция статьи 110 УК РФ существенно отличается от исторических вариантов рассматриваемой нормы как по кругу потерпевших, так и по перечню квалифицирующих обстоятельств.

Введение статьи 110.1 УК РФ позволило законодательно разграничить доведение до самоубийства и непосредственное склонение или содействие совершению самоубийства. Согласно действующей конструкции, склонение может выражаться в убеждении, предложении, подкупе, обмане или иных действиях, направленных на принятие лицом решения о самоубийстве. При этом ответственность по статье 110.1 УК РФ применяется при отсутствии признаков доведения до самоубийства. Такое разграничение имеет принципиальное значение для правильной уголовно-правовой оценки поведения виновного. Исторически различные формы воздействия на человека нередко рассматривались в рамках близких законодательных конструкций. Современный законодатель стремится более четко разграничить характер воздействия и механизм формирования суицидального поведения. Это позволяет индивидуализировать уголовную ответственность в зависимости от фактического содержания действий виновного. Одновременно законодательство продолжает развивать положения о квалифицирующих обстоятельствах, связанных с возрастом потерпевшего, количеством потерпевших и использованием информационных технологий. В научной литературе такие изменения рассматриваются в контексте необходимости адаптации уголовного права к современным формам коммуникации. В частности, соответствующие вопросы получили развитие в исследованиях Хатуева и Рыжова. Тем самым современный этап характеризуется не только расширением уголовно-правовой охраны жизни, но и более детальным разграничением различных способов суицидального воздействия.

Проведенный исторический анализ позволяет выделить несколько основных этапов развития уголовной ответственности за доведение до самоубийства в России. Первый этап характеризуется преимущественно религиозно-нравственным регулированием самоубийства и отсутствием самостоятельного состава преступления, предусматривающего ответственность за воздействие на потерпевшего. Второй этап связан с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором были закреплены положения об ответственности за склонение и участие в самоубийстве другого лица. Третий этап представлен Уголовным уложением 1903 г., сохранившим ответственность за определенные формы содействия и склонения к самоубийству при отказе от наказания самого самоубийцы. Четвертый этап начинается с советского законодательства 1920-х гг., когда постепенно формируется самостоятельная конструкция доведения до самоубийства. Пятый этап связан с закреплением в УК РСФСР 1960 г. состава, основанного на жестоком обращении, систематическом унижении достоинства и зависимости потерпевшего. Шестой этап начинается с принятием УК РФ 1996 г., который отказался от зависимости потерпевшего как обязательного признака и расширил способы воздействия. Наконец, современный этап связан с законодательными изменениями 2017 г., направленными на разграничение доведения, склонения, содействия и организации деятельности, связанной с побуждением к самоубийству. Такая периодизация позволяет увидеть постепенное усложнение уголовно-правовой конструкции. Одновременно она показывает, что современная статья 110 УК РФ сохраняет определенную преемственность с нормами советского законодательства, но существенно отличается от них по содержанию.

Таким образом, история уголовной ответственности за доведение до самоубийства демонстрирует последовательный переход от наказания за самоубийство и его религиозно-нравственной оценки к уголовно-правовой защите личности от противоправного воздействия. На первоначальных этапах законодательство не разграничивало в достаточной степени различные формы участия третьих лиц в самоубийстве. Постепенно законодатель стал учитывать самостоятельную общественную опасность склонения и содействия самоубийству другого человека. В XIX в. появились нормы, предусматривающие ответственность лиц, использовавших власть или иные возможности для воздействия на потерпевшего. В советский период была сформирована самостоятельная конструкция доведения до самоубийства, первоначально связанная с зависимым положением потерпевшего. В УК РСФСР 1960 г. данная конструкция получила дальнейшее развитие посредством закрепления жестокого обращения и систематического унижения достоинства в качестве способов совершения преступления. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. существенно расширил сферу действия нормы благодаря отказу от обязательного признака зависимости потерпевшего. Изменения 2017 г. завершили важный этап дифференциации уголовной ответственности за различные формы воздействия на лицо, связанные с самоубийством. Современное законодательство тем самым учитывает как традиционные способы психологического воздействия, так и новые формы коммуникации, включая использование информационно-телекоммуникационных сетей. Историческая эволюция рассматриваемой нормы показывает, что её содержание формировалось под влиянием изменения общественных представлений о ценности жизни, характере психологического воздействия и необходимости уголовно-правовой защиты личности. Поэтому изучение исторических этапов развития ответственности за доведение до самоубийства является необходимой предпосылкой для последующего анализа действующего состава преступления и проблем его квалификации.

Литература:

1. Агафонов, А. В. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства — М.: Юрлитинформ, 2012.
2. Хатуев В. Б. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство — М.: Юрлитинформ, 2015.
3. Эльмурзаев Д. И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук — М., 2004.
4. Цыркалюк, А. А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 2011.
5. Чукаева Н. Г. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство: проблемы законодательного регулирования: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 2011.

Понятие доведения до самоубийства и уголовная характеристика преступления

Карпова Дарья Алексеевна, студент магистратуры
Государственный университет просвещения (г. Москва)

В статье автор исследовал понятие и основные признаки преступления «доведение до самоубийства».

Ключевые слова: *доведение, самоубийство, ответственность, признак, объект, субъект, объективная сторона, субъективная сторона.*

Доведение до самоубийства является одним из наиболее сложных для уголовно-правовой оценки преступлений против жизни человека. Его специфика состоит в том, что непосредственное действие, повлекшее смерть или попытку самоубийства, совершает сам потерпевший. Вместе с тем решение о совершении такого действия формируется под влиянием противоправного поведения другого лица. В результате возникает особая ситуация, при которой внешне непосредственным причинителем смерти выступает сам потерпевший, однако уголовно-правовая ответственность возлагается на лицо, создавшее условия для принятия им такого решения. Именно это обстоятельство отличает доведение до самоубийства от традиционных форм причинения смерти другому человеку. Современная уголовно-правовая конструкция данного преступления закреплена в статье 110 УК РФ. Согласно ее части первой, уголовно наказуемым является доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. Таким образом, законодатель связывает ответственность не с самим фактом самоубийства, а с противоправным воздействием виновного на потерпевшего. Эта особенность определяет необходимость комплексного анализа объективных и субъективных признаков рассматриваемого состава. Понимание этих признаков позволяет определить место статьи 110 УК РФ в системе преступлений против жизни и провести ее разграничение со смежными уголовно-правовыми нормами [1].

В юридической литературе понятие доведения до самоубийства традиционно рассматривается через совокупность нескольких взаимосвязанных признаков. К ним относятся объект преступления, объективная сторона, субъект и субъективная сторона. Каждый из указанных элементов имеет самостоятельное значение для установления наличия состава преступления. При этом особое значение приобретает объективная сторона, поскольку именно через установленные законом способы воздействия проявляется общественная опасность поведения виновного. Объектом доведения до самоубийства выступает жизнь человека как охраняемое уголовным законом социальное благо. Следовательно, основным непосредственным объектом преступления является общественное отношение, обеспечивающее охрану жизни конкретного человека. В дополнительном аспекте воздействие виновного может затрагивать честь, достоинство, свободу волеизъявления и психическую неприкосновенность личности. Однако указанные социальные блага не заменяют жизнь как основной объект уголовно-правовой охраны.

Чтобы определить сущность рассматриваемого преступления, необходимо учитывать содержание понятия самоубийства. В уголовном законодательстве самоубийство не рассматривается как самостоятельное преступление, так как лицо лишает жизни само себя. Вместе с тем самоубийство может стать последствием противоправного воздействия со стороны другого человека. В такой ситуации уголовно-правовая оценка переносится с поведения самого потерпевшего на действия лица, которое сформировало или в значительной мере обусловило его суицидальное решение. Именно наличие подобного воздействия превращает ситуацию из исключительно личного поведения потерпевшего в предмет уголовно-пра-

вового регулирования. При этом необходимо установить, что между действиями виновного и самоубийством либо покушением на него имеется причинная связь. Простого совпадения во времени между противоправным поведением и последующим самоубийством недостаточно. Следует установить, что угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства действительно обусловили развитие суицидального поведения потерпевшего. Поэтому причинная связь в рассматриваемом составе имеет не только фактическое, но и юридическое значение. Ее установление позволяет исключить случаи, когда самоубийство произошло по причинам, не связанным с поведением обвиняемого. Таким образом, причинная обусловленность выступает одним из центральных вопросов квалификации доведения до самоубийства [2].

Объективная сторона преступления выражается в совершении виновным действий, предусмотренных диспозицией статьи 110 УК РФ. Законодатель прямо называет три способа воздействия: угрозы, жестокое обращение и систематическое унижение человеческого достоинства. Перечень этих способов имеет принципиальное значение, поскольку уголовная ответственность по статье 110 УК РФ должна основываться на установлении конкретного предусмотренного законом воздействия. Угроза предполагает психическое воздействие на потерпевшего посредством сообщения о намерении причинить ему определенный вред. При этом содержание угрозы может быть различным, однако она должна быть способна воздействовать на психическое состояние конкретного потерпевшего. Жестокое обращение характеризуется систематическим либо существенным причинением потерпевшему физических или психических страданий. Систематическое унижение человеческого достоинства предполагает неоднократное совершение действий, направленных на унижение личности потерпевшего. Тем самым законодатель учитывает различные формы негативного воздействия, способные привести человека к суицидальному поведению. При этом для правильной квалификации необходимо исследовать конкретные обстоятельства взаимоотношений между виновным и потерпевшим.

Особого внимания заслуживает субъективная сторона доведения до самоубийства. В соответствии с позицией Верховного Суда, сформулированной в судебной практике по делам данной категории, такое преступление может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом. Это означает, что виновный осознает характер своего воздействия на потерпевшего и предвидит возможность либо неизбежность наступления соответствующего результата. При прямом умысле лицо желает наступления самоубийства или покушения на него. При косвенном умысле лицо не обязательно стремится к наступлению такого результата, однако сознательно допускает его либо относится к нему безразлично. Данное положение имеет существенное значение для разграничения доведения до самоубийства с иными преступлениями против жизни. В частности, наличие умысла на причинение смерти непосредственно виновным может свидетельствовать о необходимости рассмотрения вопроса о квалификации содеянного по нормам об убийстве [3]. В свою очередь, отсутствие осознания возможности самоубийства потерпевшего исключает возможность автоматического признания поведения доведением до самоубийства. Поэтому субъективная сторона должна устанавливаться на основе всей совокупности обстоятельств конкретного уголовного дела. К таким обстоятельствам могут относиться характер взаимоотношений сторон, продолжительность конфликтной ситуации, содержание угроз и иных действий, поведение виновного до и после происшествия. Только комплексная оценка указанных обстоятельств позволяет сделать обоснованный вывод о наличии соответствующей формы вины.

Субъектом преступления, предусмотренного статьёй 110 УК РФ [4], выступает физическое вменяемое лицо, достигшее установленного уголовным законом возраста ответственности. Особых требований к субъекту основного состава статьи 110 УК РФ закон не предъявляет. Это значит, что виновным может быть любое лицо, способное осознавать фактический характер и общественную опасность своего поведения и руководить им. Вместе с тем характер отношений между виновным и потерпевшим может влиять на квалификацию. В частности, материальная или иная зависимость потерпевшего прямо предусмотрена в качестве квалифицирующего обстоятельства части второй статьи 110 УК РФ. Такой подход говорит о повышенной уголовно-правовой оценке воздействия на лицо, которое объективно находится в уязвимом положении. Аналогичное значение имеют несовершеннолетие потерпевшего и его беспомощное состояние. Тем самым законодатель учитывает повышенную степень зависимости отдельных категорий лиц от окружающих. При этом зависимость не является обязательным признаком основного состава. Это существенно отличает современную редакцию статьи 110 УК РФ от исторических вариантов соответствующей нормы. Следовательно, действующее законодательство сочетает общий подход к охране жизни с усиленной защитой наиболее уязвимых категорий потерпевших.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о моменте окончания доведения до самоубийства. В соответствии с конструкцией статьи 110 УК РФ ответственность наступает при доведении лица до самоубийства либо до покушения на самоубийство. Следовательно, законодатель связывает окончание преступления не только с наступлением смерти, но и с совершением потерпевшим действий, непосредственно направленных на лишение себя жизни. Такая конструкция позволяет обеспечить уголовно-правовую защиту жизни еще на стадии, когда суицидальный акт не привел к смерти потерпевшего. В научной литературе подобная конструкция рассматривается как имеющая сложную структуру, поскольку включает противоправное воздействие виновного и последующее суицидальное поведение потерпевшего. При этом простого

возникновения у человека суицидальных мыслей для окончания преступления недостаточно. Необходимо наличие самоубийства либо покушения на него. Данное обстоятельство имеет важное значение для разграничения оконченного преступления и иных форм незавершенного преступного поведения. Одновременно оно подтверждает, что статья 110 УК РФ [4] ориентирована не только на защиту психического состояния личности, но прежде всего на охрану ее жизни. Поэтому наступление предусмотренного законом результата является обязательным элементом объективной стороны основного состава. Установление момента окончания преступления также непосредственно влияет на вопросы квалификации и доказывания причинной связи.

Таким образом, доведение до самоубийства занимает особое место в системе преступлений против жизни. Его специфика обусловлена сочетанием посягательства на жизнь человека и опосредованного механизма причинения соответствующего вреда. Виновный не лишает потерпевшего жизни непосредственно, а воздействует на него таким образом, что последний самостоятельно совершает действия, направленные на прекращение собственной жизни. Основным непосредственным объектом преступления выступает жизнь человека, а объективная сторона выражается в угрозах, жестоком обращении или систематическом унижении человеческого достоинства. Обязательным условием уголовной ответственности является наличие причинной связи между поведением виновного и самоубийством либо покушением на него. Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины, причем возможен как прямой, так и косвенный умысел.

Литература:

1. Милаева М. Ю. Проблемы уголовной ответственности за доведение до самоубийства. — 2023. — DOI: 10.18411/trnio-12-2023-516.
2. Велиев А. Э. Состав доведения до самоубийства как наследие социалистического права // International Law Journal. — 2022. — Т. 5, № 5. — С. 40–47.
3. Петров П. К. Детерминанты деяний, направленных на доведение до самоубийства (по материалам уголовной статистики Российской Федерации) // Виктимология. — 2024. — Т. 11, № 4. — С. 557–565.
4. УК РФ Статья 110. Доведение до самоубийства.

Проблемы отграничения убийства от других преступлений, связанных с посягательством на жизнь

Киврин Александр Юрьевич, студент магистратуры
Российский новый университет (г. Москва)

В статье разбирается, по каким признакам убийство (ст. 105 УК РФ) отделяется от посягательств на жизнь, где смерть человека тоже наступает, но закон требует квалификации по другим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации. Автор показывает, что совпадение или близость объективных признаков целого ряда составов преступлений (причинение смерти по неосторожности, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлёкшее смерть, доведение до самоубийства, привилегированные составы лишения жизни) делает разграничение по объекту и объективной стороне недостаточным и выводит на первый план субъективную сторону деяния, прежде всего направленность умысла виновного. Отдельно анализируются привилегированные составы (ст. 106–108 УК РФ), причинение смерти по неосторожности и деяния с двойной формой вины (ст. 109, ч. 4 ст. 111 УК РФ), затем доведение до самоубийства и оставление в опасности (ст. 110, 124 УК РФ). Опираясь на нормы закона, доктринальные позиции, разъяснения Верховного Суда РФ и материалы судебной практики, автор предлагает критерии разграничения и вносит предложения о том, как улучшить уголовный закон и практику его применения.

Ключевые слова: *убийство, посягательства на жизнь, отграничение составов преступлений, квалификация преступлений, направленность умысла, привилегированные составы, неосторожное причинение смерти, причинение тяжкого вреда здоровью, двойная форма вины, доведение до самоубийства, оставление в опасности.*

Введение

Право на жизнь является высшей социальной ценностью и исходным началом всей системы прав и свобод человека. Конституция Российской Федерации в ст. 20 провозглашает право каждого на жизнь и устанавливает, что смертная казнь впредь до её отмены может устанавливаться федеральным законом лишь как исключительная

мера наказания за особо тяжкие преступления против жизни. Именно поэтому посягательства на жизнь образуют наиболее опасную группу преступлений против личности, а убийство, предусмотренное ст. 105 УК РФ, относится к категории особо тяжких преступлений [1, ст. 105].

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что уголовный закон устанавливает ответственность не только за «классическое» убийство, но и за целый ряд деяний, которые так или иначе связаны с лишением человека жизни. Сюда относятся причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлёкшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ), доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), убийство матерью новорождённого ребёнка (ст. 106 УК РФ), убийство в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), а также убийство при превышении пределов необходимой обороны либо мер задержания лица, совершившего преступление (ст. 108 УК РФ). Итог у всех этих деяний один — гибель человека. Различия же касаются общественной опасности, субъекта, субъективной стороны и условий, в которых деяние совершается. Ошибка в разграничении этих составов влечёт за собой либо необоснованное привлечение лица к ответственности за наиболее тяжкое преступление, либо, напротив, назначение несправедливого и несоразмерного содеянному наказания.

Постановка проблемы. Разграничивать убийство и смежные составы на практике трудно прежде всего потому, что внешне эти деяния часто почти не отличаются. Удар, утопление или оставление без помощи могут подпадать под разные статьи Уголовного кодекса, и выбор нормы зависит от того, как виновный относился к последствиям и в какой обстановке действовал. В доктрине верно подчёркивается, что преступления против жизни составляют единую группу с общим объектом, поэтому разграничительным признакам приходится уделять повышенное внимание [17, с. 56]. С. В. Бородин ещё в середине XX века указывал: без точного установления мотива, цели и направленности умысла законная квалификация лишения жизни просто невозможна [4, с. 100].

Задачу осложняют и оценочные понятия, к которым прибегает законодатель. Это «психическое расстройство, не исключающее вменяемости» и «психотравмирующая ситуация» (ст. 106 УК РФ), «внезапно возникшее сильное душевное волнение» (ст. 107 УК РФ), «явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства» (ст. 108 УК РФ). Чтобы установить такие признаки, нужна совместная психолого-психиатрическая экспертная оценка, а фактические обстоятельства дела должны изучаться особенно тщательно. Неудивительно, что вопросы отграничения по-прежнему относятся к самым спорным в науке уголовного права и нуждаются в системном изучении закона и судебной практики [14, с. 254].

Цель статьи состоит в том, чтобы, проанализировав уголовный закон, доктрину и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, выделить критерии, по которым убийство (ст. 105 УК РФ) отграничивается от смежных посягательств на жизнь, и предложить меры по улучшению правоприменительной практики. Для этого решаются следующие задачи: определить понятие и признаки состава убийства; рассмотреть привилегированные составы лишения жизни и показать их отличие от убийства; разграничить убийство с неосторожным и иными смежными составами причинения смерти; выявить проблемы квалификации и обозначить, как может развиваться законодательство.

Убийство как преступление против жизни: понятие, состав и общие предпосылки отграничения от смежных составов

Понятие убийства закреплено в ч. 1 ст. 105 УК РФ, где оно определено как умышленное причинение смерти другому человеку [1, ст. 105]. Отсюда следуют три конститутивных признака состава: во-первых, причинение смерти должно быть противоправным; во-вторых, лишение жизни совершается умышленно; в-третьих, смерть причиняется именно другому человеку. Если хотя бы один признак отсутствует, деяние уже нельзя квалифицировать как убийство: оно относится к иным составам либо к обстоятельствам, исключающим преступность деяния.

Объект убийства — жизнь другого человека. Вопрос о том, когда жизнь начинается и когда заканчивается, в доктрине до сих пор остаётся спорным. Большинство авторов считают началом жизни момент начала физиологических родов, а окончанием — смерть головного мозга; этот подход согласуется с Законом Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [8, с. 45]. Посягательство на ребёнка, который ещё не родился, если роды не начались, убийством не является, и для разграничения ст. 105 и ст. 106 УК РФ это имеет прямое значение.

В объективную сторону убийства входят деяние (действие или бездействие), общественно опасное последствие в виде смерти потерпевшего и причинная связь, соединяющая одно с другим. Убийство может быть совершено как путём действия (удар, отравление, использование оружия), так и путём бездействия, когда на виновного возложена обязанность заботиться о потерпевшем либо он сам поставил его в опасное для жизни состояние [6, с. 28]. Установление причинной связи требует выяснения того, что деяние явилось необходимой и достаточной причиной наступления смерти, а не просто предшествовало ей во времени.

Субъект убийства — физическое вменяемое лицо, достигшее ко времени совершения преступления четырнадцати лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ). Пониженный возраст ответственности за убийство отражает повышенную общественную опасность этого деяния. Для ряда смежных составов закон устанавливает иные признаки субъекта: так, субъектом убийства матерью новорождённого ребёнка может быть только мать ребёнка, что яв-

ляется одним из главных разграничительных признаков [18, с. 12].

Субъективная сторона убийства характеризуется умышленной формой вины — прямым или косвенным умыслом. При прямом умысле виновный осознаёт общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления смерти и желает её наступления; при косвенном — не желает, но сознательно допускает её либо относится к ней безразлично [7, с. 54]. Поскольку объект и объективная сторона у многих смежных составов совпадают, главным критерием отграничения убийства от них служит прежде всего направленность умысла. Характерно, что ещё А. Н. Красиков подчёркивал определяющую роль субъективного отношения виновного к лишению жизни для квалификации содеянного [6, с. 35].

Решающее значение для разграничения имеет разъяснение, содержащееся в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1: при решении вопроса о направленности умысла виновного следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного, в частности учитывать способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения [2, п. 3]. Таким образом, направленность умысла устанавливается не из признаний обвиняемого, а из объективной картины деяния: интенсивность и целенаправленность действий, выбор орудия, нанесение ударов в жизненно важные области (голова, шея, грудь, живот) свидетельствуют об умысле на лишение жизни [5, с. 142].

Следовательно, общие предпосылки отграничения убийства от смежных составов требуют последовательно проанализировать все четыре элемента состава преступления. По объекту посягательства на жизнь отделяются от посягательств на здоровье и на другие блага. По объективной стороне — от деяний, где смерть не связана причинно с поведением виновного. По субъекту — от специальных составов со смягчающими обстоятельствами. По субъективной стороне — от неосторожных деяний и составов с иной направленностью. Когда же объективные признаки совпадают, всё решает субъективная сторона, в первую очередь направленность умысла на лишение жизни [21, с. 5].

Отграничение убийства от привилегированных составов

Убийство матерью новорождённого ребёнка (ст. 106 УК РФ)

Статьёй 106 УК РФ установлена ответственность за убийство матерью новорождённого ребёнка во время родов или сразу после них, а также за убийство новорождённого в условиях психотравмирующей ситуации либо в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости [1, ст. 106]. Привилегированный характер этого состава обусловлен особым состоянием женщины в момент родов и непосредственно после них, когда способность к самоконтролю существенно снижена, а также спецификой психотравмирующей ситуации, вызванной беременностью и родами.

Отграничение ст. 106 от п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии) проводится по нескольким признакам. Во-первых, различается субъект: привилегированный состав совершает только мать ребёнка, а по ст. 105 отвечает любое лицо. Во-вторых, важно время: ст. 106 охватывает убийство во время родов или сразу после них либо совершённое в психотравмирующей ситуации или при психическом расстройстве, не исключающем вменяемости. В-третьих, учитываются обстановка и состояние виновной, именно они дают основание смягчить ответственность [18, с. 14].

В специальных исследованиях указывается, что для квалификации по ст. 106 УК РФ необходимо установить причинную связь между психотравмирующей ситуацией или психическим расстройством и самим деянием. Если женщина в нормальном психическом состоянии лишает новорождённого жизни через значительное время после родов, содеянное квалифицируется по ст. 105 УК РФ [19, с. 9]. Ошибочен и формальный подход, когда вместо выяснения особого психоэмоционального состояния виновной суд ограничивается одним лишь фактом родства с ребёнком. Отличие ст. 106 от общего состава убийства создаёт только сочетание всех трёх признаков: специального субъекта, времени и особого состояния [20].

Убийство в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ)

По ст. 107 УК РФ привилегированным составом признаётся убийство, совершённое в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего [1, ст. 107]. Ответственность смягчается из-за особого психоэмоционального состояния виновного, которое спровоцировал сам потерпевший.

От простого убийства по ч. 1 ст. 105 УК РФ убийство в состоянии аффекта отграничивается в первую очередь по субъективной стороне и обстановке. Для ст. 107 типично, что умысел появляется внезапно и возникает как ответ на противоправное или аморальное поведение потерпевшего. Значительного разрыва во времени между провокацией и лишением жизни здесь нет, и умысел реализуется почти сразу же [5, с. 210]. Если же виновный задумал убийство заранее, а состояние сильного душевного

волнения лишь дало ему удобный повод для расправы над потерпевшим, содеянное квалифицируется по ст. 105 УК РФ [7, с. 118].

Сложность представляет отграничение физиологического аффекта от патологического и от эмоционального возбуждения, не достигающего степени аффекта. Верховный Суд РФ неоднократно указывал, что для применения ст. 107 необходимо установить, что сильное душевное волнение было внезапным и вызвано непосредственно противоправным или аморальным поведением потерпевшего. Установление аффекта требует комплексной судебно-психологической экспертизы с учётом всех обстоятельств дела [6, с. 71]. Именно эти признаки — внезапность, провоцирующее поведение потерпевшего, особое состояние виновного — образуют «особенное» в составе ст. 107 в сравнении с общим составом убийства.

Убийство при превышении пределов необходимой обороны либо мер задержания лица, совершившего преступление (ст. 108 УК РФ)

Статья 108 УК РФ устанавливает ответственность за убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1), и за убийство, совершённое при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2) [1, ст. 108]. Привилегированный характер состава объясняется социально одобряемой целью защиты от общественно опасного посягательства либо задержания преступника, при которой превышение допустимых пределов не исключает ответственности, но существенно снижает её.

Ключевое значение для отграничения этого состава от убийства, предусмотренного ст. 105, имеет установление самого состояния необходимой обороны либо состояния задержания и признака превышения их пределов. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19, состояние необходимой обороны возникает при наличии общественно опасного посягательства, сопряжённого с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия [3, п. 2]. Превышением пределов необходимой обороны признаются лишь явное несоответствие защиты характеру и степени общественной опасности посягательства, когда посягающему без необходимости причиняется явно чрезмерный вред [3, п. 2].

Состав ст. 108 отличается от ст. 105 и ст. 107 обстановкой совершения деяния, его мотивом и целью. Если лицо действовало в состоянии необходимой обороны или задержания, но превысило допустимые пределы, содеянное квалифицируется по ст. 108; если превышения не было, имеет место правомерное причинение вреда и вопрос об ответственности вообще не возникает; если же посягательство лишь инсценировалось, а виновный использовал обстановку для расправы, налицо убийство по ст. 105 УК РФ [3, п. 14]. Верховный Суд РФ отдельно указывает, что при оценке обороны нужно учитывать реальное соотношение сил сторон, внезапность посягательства и другие обстоятельства, способные повлиять на такую оценку [4, с. 320]. Значит, в этой группе составов критерием служит не одна направленность умысла, поскольку требуется ещё особая обстановка и специальный мотив — защита либо задержание.

Отграничение убийства от иных составов, связанных с причинением смерти

Причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ)

Статья 109 УК РФ предусматривает ответственность за причинение смерти по неосторожности. От убийства этот состав отличается прежде всего формой вины. Убийство всегда совершается умышленно, тогда как ст. 109 охватывает случаи, когда смерть наступила из-за легкомыслия или небрежности [1, ст. 109]. При легкомыслии лицо предвидит, что смерть потерпевшего может наступить, но без достаточных оснований самонадеянно рассчитывает её предотвратить. При небрежности лицо возможности наступления смерти не предвидит, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть.

На практике разграничить ст. 109 и ст. 105 бывает непросто, ведь объективная сторона у этих деяний часто одинакова: и в том, и в другом случае потерпевший погибает от действий виновного. Всё решают направленность умысла и его предмет. При неосторожном причинении смерти умысла либо нет совсем, либо он направлен на другие последствия, например на причинение вреда здоровью или повреждение имущества, но никак не на лишение жизни [13, с. 471]. Объективное вменение здесь недопустимо: тяжесть наступивших последствий сама по себе ещё не определяет квалификацию содеянного. А. И. Коробеев подчёркивал, что умышленное лишение жизни от неосторожного отделяет как раз субъективное отношение виновного к последствию [8, с. 210].

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлёкшее по неосторожности смерть (ч. 4 ст. 111 УК РФ)

Квалифицировать деяния по ч. 4 ст. 111 УК РФ особенно сложно, и связано это прежде всего с конструкцией состава. В нём вина двойная: умысел виновного направлен на причинение тяжкого вреда здоровью, а к наступившей смерти виновный относится неосторожно [1, ст. 111]. Двойная форма вины позволяет совместить в одном составе умышленное посягательство на здоровье с неосторожностью в отношении более тяжкого последствия — смерти [15, с. 26].

Часть 4 ст. 111 и ст. 105 УК РФ разграничиваются по направленности умысла. Если умысел был направлен

на лишение жизни, деяние квалифицируется как убийство даже тогда, когда прямого желания смерти не было. Если же умысел охватывал лишь тяжкий вред здоровью, а смерть наступила по неосторожности, применяется ч. 4 ст. 111 УК РФ. Признаками умысла на лишение жизни служат, в частности, орудие преступления, локализация повреждений в жизненно важных органах, количество и характер ударов, поведение виновного до и после деяния [9, с. 88]. Как отмечается в литературе, смешение этих составов ведёт к наиболее частым и наиболее опасным ошибкам в следственно-судебной практике [15, с. 27].

Особое внимание следует уделять случаям, когда виновный наносит удары в жизненно важные области тела, но впоследствии заявляет об отсутствии умысла на убийство. Верховный Суд РФ ориентирует суды на оценку всей совокупности обстоятельств: способа и орудия деяния, интенсивности и целенаправленности действий, предшествующих и последующих отношений сторон [2, п. 3]. Умысел на убийство отличается от умысла на тяжкий вред здоровью с неосторожной виной к смерти лишь при совокупном анализе обстоятельств [21, с. 8].

Доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ)

Статьёй 110 УК РФ установлена ответственность за доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путём угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего [1, ст. 110]. Особенность состава в том, что смерть потерпевший причиняет себе сам, то есть лишение жизни опосредовано его собственным волевым актом. В этом и заключается главное отличие от убийства, где смерть причиняют непосредственные действия самого виновного [11, с. 54].

Статьи 110 и 105 УК РФ разграничиваются и по объективной, и по субъективной стороне. Для объективной стороны доведения до самоубийства нужен особый способ воздействия на потерпевшего (угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение достоинства) и причинная связь между таким поведением и волевым актом потерпевшего. Вина здесь может выражаться как в умысле, так и в неосторожности. Добровольность волеизъявления потерпевшего — важнейший признак: под влиянием виновного воля потерпевшего не подавляется полностью, а лишь формируется под воздействием угроз и унижений [12, с. 242].

Значительная часть современных составов, связанных с суицидом, — доведение до самоубийства несовершеннолетнего, склонение к самоубийству и организация деятельности, направленной на побуждение к суициду (ст. 110, 110.1, 110.2 УК РФ), — также требует отграничения от убийства с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Если виновный не склоняет потерпевшего к самоубийству, а лишает его жизни, инсценируя самоубийство, содеянное квалифицируется по ст. 105 УК РФ [12, с. 244]. Решающим здесь оказывается установление подлинного механизма наступления смерти и направленности умысла виновного [11, с. 57].

Оставление в опасности (ст. 124 УК РФ) и иные смежные составы

К числу смежных с убийством относятся и иные составы, так или иначе связанные с созданием опасности для жизни. Оставление в опасности (ст. 124 УК РФ) предполагает заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишённого возможности принять меры к самосохранению, если виновный имел возможность оказать помощь и был обязан заботиться о потерпевшем либо сам поставил его в опасное состояние [1, ст. 124]. Статья 124 и убийство путём бездействия разграничиваются по субъективной стороне. Если виновный стремится лишить человека жизни, содеянное квалифицируется по ст. 105. Если же он только не оказывает помощь, не желая смерти, применяется ст. 124.

Отдельно следует сказать об отграничении убийства от угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ). Исследователи в этой связи отмечают, что здесь учитываются прежде всего реальность угрозы и направленность умысла. Угрожая, виновный намерен только воздействовать на психику потерпевшего и не воплощает свой замысел вовне, а покушение на убийство предполагает действия, непосредственно направленные на лишение жизни [16, с. 858]. Поэтому правильное установление содержания и направленности умысла сохраняет значение для всей группы составов, смежных с убийством.

Проблемы квалификации, судебная практика по разграничению убийства и смежных составов и предложения по совершенствованию

Из проведённого анализа следует, что главная трудность квалификации в изучаемой сфере состоит в доказывании субъективной стороны преступления. Внутреннее отношение виновного к наступлению смерти не дано правоприменителю непосредственно и устанавливается лишь по объективным признакам деяния. Отсюда ключевое значение приобретает правило, закреплённое в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1, согласно которому направленность умысла надо оценивать с учётом совокупности всех обстоятельств содеянного [2, п. 3]. Отступление от этого правила, попытки определить умысел формально — по тяжести последствий или по признанию обвиняемого — ведут к квалификационным ошибкам.

Второй узел проблем — конкуренция уголовно-правовых норм. Одно и то же деяние иногда формально подпадает под несколько составов. Так, смерть, причинённая потерпевшему в ходе конфликта, может быть оценена

и как убийство (ст. 105), и как тяжкий вред здоровью, повлёкший смерть (ч. 4 ст. 111). В подобных случаях главенствующее значение приобретает направленность умысла; как указывают исследователи, отсутствие единообразного подхода к оценке направленности умысла порождает существенный разброс в правоприменительной практике по делам о домашнем насилии [14, с. 256].

Третий блок проблем связан с оценочными признаками привилегированных составов. Для применения законодательных конструкций «психотравмирующая ситуация» (ст. 106), «внезапно возникшее сильное душевное волнение» (ст. 107), «явное несоответствие защиты характеру и степени общественной опасности посягательства» (ст. 108) нужны специальные познания, и судейскому усмотрению они оставляют много места. Вместе с тем именно эти признаки обеспечивают справедливую дифференциацию ответственности, и потому отказ от них был бы неоправдан. Задача состоит в уточнении их содержания на уровне разъяснений высшей судебной инстанции и в повышении качества экспертных исследований.

Из разъяснений Верховного Суда РФ хорошо видно, что суды последовательно ориентируются на направленность умысла как на главный критерий разграничения составов. Постановление от 27.01.1999 № 1 закрепляет общее правило оценки умысла по совокупности обстоятельств [2, п. 3], а Постановление от 27.09.2012 № 19 детализирует признаки необходимой обороны и её превышения, а также задержания лица, совершившего преступление [3, п. 2]. Доктрина, в свою очередь, обоснованно подчёркивает, что для правильной квалификации важно различать направленность умысла на конкретное последствие — смерть, тяжкий вред здоровью или иной результат [10, с. 12]. Единство этих подходов образует методологическую основу разграничения [21, с. 6].

С учётом изложенного представляются обоснованными следующие предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения. Во-первых, целесообразно дополнить разъяснения Пленума Верховного Суда РФ указанием на типичные доказательственные признаки направленности умысла на лишение жизни (орудие, локализация и количество повреждений, интенсивность действий, поведение до и после деяния), что обеспечит единообразие судебной практики [2, п. 3]. Во-вторых, в доктрине и в разъяснениях нужно уточнить содержание оценочных признаков ст. 106 и ст. 107 УК РФ, прежде всего критерии «психотравмирующей ситуации» и «внезапно возникшего сильного душевного волнения» [18, с. 20].

В-третьих, следует отказаться от практики, когда умысел определяют формально, только по признанию обвиняемого или по тяжести последствий. Суд должен исследовать все обстоятельства дела в их совокупности, в том числе взаимоотношения сторон и поведение виновного, предшествовавшее преступлению [14, с. 257]. В-четвёртых, оправданно и дальнейшее развитие института двойной формы вины (ч. 4 ст. 111 УК РФ), с тем чтобы умысел на причинение тяжкого вреда здоровью и умысел на лишение жизни разграничивались в норме более чётко [15, с. 28]. Наконец, в-пятых, качество квалификации повысится, если регулярно обобщать судебную практику по делам о преступлениях против жизни, поскольку так легче выявлять типичные ошибки и вырабатывать устойчивые разъяснения [17, с. 58].

Подводя промежуточный итог, отметим, что смежные составы разнообразны, но отграничение убийства от них подчиняется одной логике. Нужно установить направленность умысла виновного и проверить признаки специальных составов, то есть специального субъекта, особую обстановку, специальный мотив. Этот критерий закреплён в разъяснениях Верховного Суда РФ, поддержан доктриной и позволяет правильно квалифицировать посягательства на жизнь в любом из рассмотренных случаев [5, с. 300].

Заключение

На основании проведённого исследования можно сделать несколько выводов. Убийство (ст. 105 УК РФ) есть умышленное причинение смерти другому человеку, и по объективным признакам оно нередко совпадает с другими посягательствами на жизнь, откуда и возникает проблема отграничения. В основе разграничения лежит анализ всех четырёх элементов состава преступления. Но если объект, объективная сторона и субъект совпадают, решающей становится субъективная сторона, прежде всего направленность умысла на лишение жизни, которую устанавливают по совокупности обстоятельств содеянного [2, п. 3].

Привилегированные составы (ст. 106–108 УК РФ) отличает от убийства специальный субъект, особая обстановка или специальный мотив, связанные с социально одобряемой целью или с особым психоэмоциональным состоянием виновного. Неосторожное причинение смерти и деяния с двойной формой вины (ст. 109, ч. 4 ст. 111 УК РФ) отделяются от убийства по форме и направленности вины. При доведении до самоубийства (ст. 110 УК РФ) лишение жизни опосредовано волевым актом самого потерпевшего, а при оставлении в опасности (ст. 124 УК РФ) у виновного нет умысла на лишение жизни, он лишь не оказывает потерпевшему помощь.

Главные проблемы квалификации касаются доказывания субъективной стороны, конкуренции уголовно-правовых норм и оценочного характера признаков привилегированных составов. Решать их следует через последовательное применение критерия направленности умысла, уточнение разъяснений Верховного Суда РФ и регулярное обобщение судебной практики. Если эти меры будут реализованы, правоприменение станет более единообразным, а ответственность за посягательства на жизнь — более справедливо дифференцированной [21, с. 10].

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.
4. Бородин С. В. Преступления против жизни. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 467 с.
5. Побегайло Э. Ф. Избранные труды. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 1064 с.
6. Красиков А. Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. 124 с.
7. Агафонов А. В. Уголовная ответственность за убийство: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. 190 с.
8. Коробеев А. И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 320 с.
9. Краев Д. Ю. Убийство при отягчающих обстоятельствах: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 256 с.
10. Ярошенко О. Н. Убийство: понятие и квалификация: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003.
11. Сирик М. С., Сирик С. Н. Отграничение доведения до самоубийства от убийства // Закон и жизнь. 2018. Т. 2. № 4. С. 52–60.
12. Синюков Е. М. Доведение до самоубийства как непрямое убийство // Вестник науки. 2024. № 7 (76). Т. 2. С. 240–245.
13. Сараева В. А. Некоторые проблемы квалификации убийства по неосторожности // Молодой учёный. 2021. № 18. С. 470–472.
14. Щепельков В. Ф., Иванова Е. В. Отграничение покушения на убийство от преступлений со смежными составами (по делам о домашнем насилии) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (104). С. 252–258.
15. Филиппова Е. О., Бочкарева Т. С. Преступления с двойной формой вины: понятие и уголовное значение // Российский следователь. 2022. № 6. С. 25–29.
16. Шадрина Л. В. Отграничение угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью от смежных составов преступлений // Концепт. 2013. Т. 3. С. 857–862.
17. Белясов С. Н. Понятие преступлений против жизни и здоровья в доктрине уголовного права // Право и практика. 2021. № 2. С. 56–58.
18. Грубова Е. И. Проблемы ответственности за убийство матерью новорождённого ребёнка в российском и зарубежном уголовном законодательстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 27 с.
19. Карасова А. Н. Убийство матерью новорождённого ребёнка (теоретико-прикладные аспекты ответственности по ст. 106 УК РФ): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003.
20. Савенко И. А. Проблемы квалификации убийства матерью новорождённого ребёнка. 2015.
21. Попов А. Н. Разграничение преступлений против жизни со смежными составами по признакам вины // Сборник прокуратуры Санкт-Петербурга. С. 3–11.

Разграничение убийства и доведения до самоубийства в уголовном праве России: вопросы квалификации смежных составов

Киврин Александр Юрьевич, студент магистратуры
Российский новый университет (г. Москва)

В статье рассматривается, как отграничить убийство (ст. 105 УК РФ) от доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) и как квалифицировать близкие к ним составы, в которых речь идёт о лишении жизни либо о самоубийстве. Автор приходит к выводу, что определяющими служат особый способ доведения, названный в ч. 1 ст. 110 УК РФ, лицо, непосредственно причинившее смерть, добровольность решения потерпевшего, характер причинной связи и субъективная сторона. Особо разобрана самая трудная ситуация — убийство, которое внешне выглядит как самоубийство. Кроме того, сопоставлены ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ (две последние появились благодаря Федеральному закону от 07.06.2017 № 120-ФЗ), а доведение до самоубийства соотнесено с умышленным тяжким вредом здоровью, по неосторожности по-

влёкшим гибель потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ). Сформулированы выводы о критериях разграничения и о значении судебного толкования.

Ключевые слова: *доведение до самоубийства, убийство, склонение и содействие самоубийству, отграничение преступлений, смежные составы, правила квалификации, причинность, вина и субъективная сторона, свобода волеизъявления потерпевшего.*

Введение

Особую сложность в правоприменительной практике традиционно вызывают вопросы отграничения убийства от иных деяний, связанных с лишением человека жизни, поскольку внешняя картина содеянного и наступивший результат нередко совпадают [3, с. 114; 21, с. 8]. Среди подобных составов особое место по праву занимает именно доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ). Виновный не совершает действий, непосредственно направленных на лишение жизни, но создаёт для потерпевшего условия, при которых тот сам принимает решение уйти из жизни. Именно поэтому разграничение убийства и доведения до самоубийства относится к числу наиболее спорных вопросов уголовного права [4, с. 52], а его актуальность возрастает в связи с распространением форм вовлечения несовершеннолетних в опасное для жизни поведение [9, с. 349].

Сложность проблемы обусловлена тем, что объективные признаки убийства и доведения до самоубийства могут внешне совпадать: в обоих случаях закономерным итогом выступает смерть потерпевшего. Ни последствие, ни способ причинения вреда жизни сами по себе не разграничивают эти деяния, поскольку описывают лишь внешнюю сторону посягательства [16, с. 91]. Определяющими поэтому становятся признаки того, как именно наступила смерть, — чьи действия прямо оборвали жизнь потерпевшего, свободно ли и добровольно он принял решение и какова субъективная сторона деяния [5, с. 91].

Серьёзное обновление законодательства произошло в 2017 г.: Позднее, Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ, Уголовный кодекс Российской Федерации пополнился двумя статьями — 110.1 и 110.2. Первая предусматривает наказание за склонение к самоубийству или помощь в его совершении, вторая — за организацию деятельности, цель которой состоит в побуждении людей к совершению самоубийства [2].

Цель настоящей статьи — на основе анализа уголовного закона, материалов судебной практики и положений доктрины определить критерии разграничения убийства и доведения до самоубийства, а также смежных составов, связанных с лишением жизни и с самоубийством. Используются формально-юридический метод, системный анализ норм уголовного закона, обобщение публикаций и практики.

Убийство и доведение до самоубийства (ст. 105 и ст. 110 УК РФ): критерии разграничения

Убийство определяется в ч. 1 ст. 105 УК РФ как умышленное причинение смерти другому человеку [1]. Доведение до самоубийства в ч. 1 ст. 110 УК РФ сформулировано как доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путём угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего [1]. Уже сопоставление формулировок показывает различие механизмов причинения смерти: при убийстве виновный сам лишает потерпевшего жизни, тогда как при доведении до самоубийства смерть причиняет себе сам потерпевший [4, с. 53].

Первая, наиболее очевидная линия разграничения проходит по субъекту непосредственного причинения смерти. При убийстве смерть наступает в результате действий (бездействия) виновного; при доведении до самоубийства замыкающий звено механизма причинения акт — лишение себя жизни — совершает сам потерпевший [20, с. 88]. Различие это принципиально, ведь смерть потерпевшего неизменно отделена от поведения виновного собственным волевым актом погибшего [22, с. 120].

Второе направление разграничения касается способа преступления. Законодатель описал доведение до самоубийства как формальный состав, объективная сторона которого сводится к закрытому перечню альтернативных способов, то есть к угрозам, жестокому обращению или систематическому унижению человеческого достоинства потерпевшего [1]. При отсутствии хотя бы одного из названных признаков вменить ст. 110 УК РФ нельзя. Как раз способ и выделяет это деяние среди смежных, поскольку одно лишь возникновение у потерпевшего тяжёлой жизненной ситуации рассматриваемого состава не образует [18, с. 112].

Третье направление связано с решением самого потерпевшего. Для доведения до самоубийства требуется, чтобы намерение уйти из жизни было принято добровольно и свободно, пусть и под воздействием противоправных действий виновного. Такая свобода не разрывает причинной связи, поскольку виновный формирует обстановку, в которой самоубийство становится для потерпевшего субъективно закономерным исходом [7, с. 241]. Тем не менее лишает себя жизни сам потерпевший, и как раз этот признак отделяет доведение до самоубийства от убийства [5, с. 92].

Четвёртое направление относится к причинности. Если совершено убийство, смерть прямо вытекает из действий виновного, тогда как при доведении до самоубийства между ними находится самостоятельное волевое решение потерпевшего [22, с. 118]. Установление такой связи требует выяснения, находилось ли самоубийство в закономерной, а не случайной связи с поведением виновного, явилось ли оно результатом именно тех угроз, жестокого

обращения или унижения достоинства, которые ему вменяются [4, с. 56].

Пятое направление связано с субъективной стороной деяния. Убийство предполагает умысел, направленный на лишение потерпевшего жизни: виновный предвидит возможность или неизбежность смерти другого человека и желает её наступления либо сознательно допускает её или относится к ней безразлично [1]. Психическое отношение виновного при доведении до самоубийства по сей день трактуется в науке по-разному, хотя преобладает мнение, что вина здесь возможна и умышленная, и неосторожная, ведь закон её форму прямо не называет, а значит, ни одну из них не исключает [8, с. 13]. Вместе с тем умысел виновного направлен не на лишение потерпевшего жизни, а на само противоправное воздействие на его психику и волю; отношение к наступившей смерти может выражаться в неосторожности или в косвенном умысле [6, с. 24].

Особо следует остановиться на наиболее сложном случае — убийстве, замаскированном под самоубийство. Внешне такое деяние может выглядеть как самоубийство, однако по существу убийство остаётся убийством. Граница здесь определяется тем, был у потерпевшего добровольный и свободный волевой акт или он отсутствовал [3, с. 116]. Если воля потерпевшего была подавлена, если он действовал под влиянием физического или психического принуждения, в состоянии беспомощности, вызванной действиями виновного, либо будучи введённым в заблуждение относительно характера своих действий и их последствий, — содеянное квалифицируется как убийство [5, с. 93]. В таких ситуациях потерпевший фактически выступает в роли орудия лишения себя жизни, а подлинным причинителем смерти остаётся виновный [7, с. 243]. Если виновный, зная о неспособности малолетнего или невменяемого лица осознавать значение своих действий, склоняет его к действиям, влекущим смерть, содеянное образует убийство путём использования лица, не подлежащего уголовной ответственности, в качестве орудия преступления [9, с. 353].

Соотношение ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ

Названным Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ в кодекс включены ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и ст. 110.2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» [2]. Необходимость новелл была обусловлена тем, что ст. 110 УК РФ связывала ответственность со строго определённым способом доведения и не охватывала многие формы причастности к самоубийству другого лица [12, с. 76].

Отграничение ст. 110 от ст. 110.1 УК РФ проводится прежде всего по объективной стороне. Доведение требует особого способа, который закон называет исчерпывающе, — угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства, а кроме того, причинной связи подобного поведения с последовавшим самоубийством [1]. Склонение к совершению самоубийства (ч. 1 ст. 110.1 УК РФ) характеризуется иными способами: уговоры, предложения, подкуп, обман; содействие совершению самоубийства (ч. 2 ст. 110.1 УК РФ) выражается в даче советов, указаний, предоставлении информации, средств или устранении препятствий к совершению самоубийства [1]. По ст. 110 УК РФ ответственность наступает лишь при условии, что человек доведён до самоубийства определённым способом, тогда как для ст. 110.1 УК РФ сам суицид обязательным признаком не выступает, а приёмы воздействия законом не конкретизированы [10, с. 182].

От доведения содействие самоубийству отличается и по характеру воздействия. Содействующий не порождает у потерпевшего намерения умереть, а только помогает реализовать уже принятое им решение, доводящий же создаёт ту ситуацию, которая и приводит человека к мысли о самоубийстве [11, с. 104]. Когда виновный сначала уговорами сформировал намерение, а потом предоставил средства, налицо совокупность склонения и содействия, но не доведение до самоубийства [11, с. 105].

Норма ст. 110.2 УК РФ карает организацию деятельности, побуждающей к совершению самоубийства, то есть распространение сведений, призывающих к самоубийству, либо склонение к нему или содействие ему [1]. Признаком данного состава выступает организационная активность, рассчитанная на неопределённый круг адресатов, а наступление конкретного суицида к обязательным признакам не относится [14, с. 18]. Отличие ст. 110 от ст. 110.2 УК РФ видится в том, что доводящий воздействует на конкретного, индивидуально определённого человека, тогда как организатор обращается ко множеству лиц, заранее не определённых [14, с. 20]. Когда же такая деятельность закончилась самоубийством определённого потерпевшего, вменяется совокупность ст. 110.2 и ст. 110 (или ст. 110.1) УК РФ, выбор между которыми зависит от способа воздействия [13, с. 81].

Все три нормы объединяет то, что они не охватывают случаи умышленного лишения жизни другого человека: если воздействие на волю потерпевшего сопровождается причинением смерти действиями самого виновного либо используется как способ убийства, содеянное образует убийство, а не преступление, предусмотренное ст. 110, 110.1 или 110.2 УК РФ [4, с. 58]. Эти нормы предполагают самостоятельный акт лишения жизни со стороны потерпевшего [16, с. 95].

Доведение до самоубийства и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлёкшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ)

Особую трудность вызывает соотношение доведения до самоубийства с ч. 4 ст. 111 УК РФ, где тяжкий вред здоровью нанесён умышленно, а гибель человека наступила по

неосторожности. Оба состава предполагают смерть потерпевшего, но различаются по механизму причинения вреда жизни и по содержанию субъективной стороны [16, с. 92].

Состав ч. 4 ст. 111 УК РФ охватывает деяния, описанные в частях первой — третьей данной статьи, если они повлекли по неосторожности смерть потерпевшего [1]. Этот состав сконструирован с использованием двойной (смешанной) формы вины: умысел виновного направлен на причинение тяжкого вреда здоровью, а по отношению к наступлению смерти имеет место неосторожность в виде легкомыслия или небрежности [1]. При доведении до самоубийства, в отличие от этого, ни умысел на тяжкий вред здоровью не выступает обязательным признаком, ни смерть не причиняется непосредственно действиями виновного. Гибель наступает от действий самого потерпевшего, а потому ч. 4 ст. 111 УК РФ не применяется, если состав иного преступления против здоровья отсутствует [7, с. 242].

На практике рассматриваемые составы нередко конкурируют, когда противоправное поведение виновного сочетает насилие с унижением человеческого достоинства. Нередко насильственное поведение само по себе уже образует отдельный состав (побои, причинение вреда здоровью, истязание, изнасилование и т. п.), после чего потерпевший доводится до самоубийства. В такой ситуации деяние оценивается по двум нормам сразу, а именно по соответствующей статье Особенной части УК РФ и по ст. 110 УК РФ [3, с. 117]. Иначе квалифицировать нельзя, поскольку ни одна из этих статей не охватывает одновременно и насилие над человеком, и его собственное решение уйти из жизни, ставшее причиной гибели [11, с. 104].

Отдельно встаёт вопрос, можно ли считать самоубийство потерпевшего «иным тяжким последствием». Когда к нему привело умышленное причинение тяжкого вреда здоровью или другое тяжкое преступление, такой исход вправе расцениваться как особо тяжкое последствие, влияющее и на степень общественной опасности, и на размер наказания [6, с. 25]. Вводить же самоубийство в объективную сторону основного состава нельзя: собственное решение человека невозможно приписать виновному как прямой результат его действий, ведь между его поведением и смертью находится самостоятельный выбор погибшего [22, с. 122]. Вот почему суицид, спровоцированный насилием, принимается во внимание двояко — либо как квалифицирующий признак соответствующего состава, либо через совокупность со ст. 110 УК РФ [16, с. 96].

Доведение до самоубийства и тяжкий вред здоровью, повлёкший смерть по неосторожности, различаются также по субъективной стороне. Часть 4 ст. 111 УК РФ построена на двойной форме вины, при которой к вреду здоровью у лица умысел, а к гибели потерпевшего — неосторожность. При доведении до самоубийства (ст. 110 УК РФ) смерть тоже может охватываться неосторожностью, однако умысла на вред здоровью нет, а давление на человека преимущественно психическое [6, с. 24]. Решающим же оказывается то, что доводящий до самоубийства не посягает непосредственно на телесную неприкосновенность потерпевшего, вызывая расстройство его здоровья [5, с. 93].

Проблемы квалификации и правоприменения, спорные вопросы доктрины

Среди ключевых проблем по-прежнему остаётся установление причинной связи между поведением виновного и самоубийством потерпевшего. Связь эта опосредована, так как её обязательным звеном служит самостоятельное волевое решение потерпевшего [22, с. 119]. Отсюда трудность отделения ситуаций, где самоубийство закономерно вытекает из противоправных действий виновного, от ситуаций, где его вызвали иные обстоятельства, с этими действиями не связанные [4, с. 55]. Устанавливать причинную связь следует с учётом психического состояния и индивидуальных особенностей потерпевшего, а также всей совокупности предшествующих событий [19, с. 70].

Вторая дискуссионная проблема касается субъективной стороны доведения до самоубийства. Закон форму вины не называет, поэтому в доктрине существуют противоположные взгляды, и одни авторы признают только умышленное совершение этого преступления, тогда как другие допускают и неосторожность [8, с. 14]. Такая неоднозначность усложняет отграничение ст. 110 УК РФ от причинения смерти по неосторожности и заставляет дополнительно обосновывать вывод о психическом отношении виновного к своим действиям и их последствиям [15, с. 23].

Третья спорная проблема связана с тем, как отделить доведение до самоубийства от составов, появившихся в 2017 г. Нормы ст. 110.1 и 110.2 УК РФ сконструированы не безупречно, ведь часть их признаков носит оценочный характер, и потому границу между ними, а также между ними и ст. 110 УК РФ провести нелегко [12, с. 81]. Сложнее всего бывает, когда виновный и уговаривает человека, и снабжает его средствами для лишения жизни, — тогда содействие трудно отличить и от посредственного причинения смерти, и от доведения [10, с. 185].

Заключение

Итоги анализа сводятся к нескольким положениям. Внешние признаки деяния не позволяют отделить убийство (ст. 105 УК РФ) от доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ), поскольку и там и там итогом становится гибель человека, а значит, решать вопрос приходится по тому, как именно наступила смерть и каково психическое отношение лица к случившемуся [3, с. 118].

Первый критерий касается того, чьи действия непосредственно оборвали жизнь. Убивая, виновный лишает потерпевшего жизни сам, при доведении же это совершает погибший, и наличие его самостоятельного волевого акта как раз и позволяет отличить одно деяние от

другого [4, с. 53]. Второй критерий — способ. Статья 110 УК РФ требует угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства, и если хотя бы один из этих признаков не установлен, квалифицировать содеянное по ст. 110 УК РФ нельзя [18, с. 112]. Третий критерий — характер причинной связи. Убийство связывает деяние со смертью напрямую, тогда как при доведении до самоубийства между ними встаёт самостоятельное решение потерпевшего [22, с. 120].

Самый трудный случай представляет убийство, замаскированное под самоубийство. Граница здесь проходит по тому, был ли волевой акт потерпевшего добровольным и свободным. Если воля подавлена, применено физическое или психическое принуждение, использовано беспомощное состояние, допущены обман и введение в заблуждение, деяние квалифицируется как убийство, а потерпевший служит лишь орудием лишения себя жизни [5, с. 93].

Статьи 110, 110.1 и 110.2 УК РФ соотносятся между собой в зависимости от способа воздействия и от того, какую деятельность ведёт виновный. Склонение и содействие (ст. 110.1) охватывают те приёмы, которых ст. 110 не называет, а организация деятельности по побуждению к самоубийству (ст. 110.2) обращена к неопределённому кругу лиц. Если же жизнь умышленно отнята действиями самого виновного, ни одна из этих норм не применяется и содеянное квалифицируется как убийство [10, с. 186].

Бывает, что виновный сначала совершает самостоятельное преступление (побои, причинение вреда здоровью, истязание, изнасилование и т. п.), а затем этим же поведением доводит человека до самоубийства. Тогда вменяется совокупность преступлений, и оценку получают оба элемента, то есть и насилие, и свободное решение потерпевшего уйти из жизни [16, с. 97].

Ориентиры для установления направленности умысла и добровольности решения потерпевшего выработаны судебной практикой. К ним относятся характер отношений между сторонами, то, чем угрожал и как оскорблял виновный, личность и психическое состояние погибшего, а также поведение виновного до и после его смерти [6, с. 25]. В перспективе и законодатель, и суды, обобщающие практику, должны стремиться к тому, чтобы признаки составов, связанных с самоубийством, стали более определёнными [17, с. 97].

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ 24.05.1996 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 24. Ст. 3489.
3. Ярмыш Н. Н. Проблемы отграничения убийства от некоторых смежных преступлений // Вестник Национального университета внутренних дел. 2005. № 29. С. 114–118.
4. Сирик М. С., Сирик С. Н. Отграничение доведения до самоубийства от убийства // Закон и жизнь. 2018. Т. 2. № 4. С. 52–60.
5. Мальцева Н. Н. Теоретические аспекты разграничения доведения до самоубийства от убийства // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 7–6. С. 91–93.
6. Воробьёва Е. Е. Проблема определения субъективной стороны состава преступления «доведение до самоубийства» (ст. 110 УК РФ) и отграничение его от убийства (ст. 105 УК РФ) // Региональные аспекты управления, экономики и права Северо-Западного федерального округа России. 2023. № 2 (58). С. 22–26.
7. Синюков Е. М. Доведение до самоубийства как непрямое убийство // Вестник науки. 2024. № 7 (76). Т. 2. С. 240–245.
8. Аюпов В. Ш. Содержание субъективной стороны доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 2. С. 12–16.
9. Шарапов Р. Д., Смахтин Е. В. Новые основания уголовной ответственности за вовлечение в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 3. С. 349–357.
10. Филиппова С. В. Разграничение склонения к совершению самоубийства и доведения до него (статьи 110.1 и 110 УК РФ) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 9. С. 180–186.
11. Боровиков В. Б., Боровикова В. В. Разграничение склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства с другими преступлениями // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 6. С. 103–106.
12. Крылова Н. Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл // Уголовное право. 2018. № 1. С. 75–82.
13. Шарапов Р. Д. Квалификация преступлений, связанных с вовлечением в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Уголовное право. 2017. № 6. С. 78–83.
14. Нуркаева Т. Н., Артамонова М. А. Спорные вопросы толкования нормы об организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства // Научный портал МВД России. 2020. № 2 (50). С. 16–22.

15. Данилина Н. Ж., Ангипова Н. Ф. Проблемы толкования отдельных признаков объективной и субъективной стороны состава доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 2. С. 20–27.
16. Тюнин В. И., Огарь Т. А. Доведение до самоубийства и сопряжённые с ним преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1 (77). С. 91–97.
17. Сидоров Б. В. Доведение до самоубийства: социально-правовая оценка и вопросы совершенствования уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. 2010. № 1. С. 94–98.
18. Сараева Ю. В. Доведение до самоубийства: особенности объективной стороны // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 2. С. 112–118.
19. Буряковская Е. В. Некоторые проблемы при квалификации доведения до самоубийства по объективным признакам // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 2. С. 68–72.
20. Хатуев В. Б. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство. М.: Юрлитинформ, 2015. 446 с.
21. Бородин С. В. Преступления против жизни. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2003. 467 с.
22. Соктоев З. Б. Причинность и объективная сторона преступления. М.: Норма, 2018. 247 с.

Разграничение убийства и смежных составов причинения смерти в уголовном праве России (на примере умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлёкшего смерть по неосторожности, и причинения смерти по неосторожности)

Киврин Александр Юрьевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Гадельшина Лиана Ильгизовна, кандидат юридических наук, доцент
Российский новый университет (г. Москва)

Предметом статьи выступает проблема отграничения убийства (ст. 105 УК РФ) от смежных с ним посягательств, исходом которых также становится гибель человека, а именно деяния, ответственность за которое установлена ч. 4 ст. 111 УК РФ, и неосторожного лишения жизни (ст. 109 УК РФ). Дополнительно затронута ст. 118 УК РФ. Отправной тезис автора состоит в том, что при внешне одинаковых действиях и одинаковом летальном результате разграничительную роль способно сыграть только психическое отношение лица к гибели потерпевшего, то есть то, на что был направлен его умысел. С этих позиций разобрана конструкция двух форм вины в квалифицированном составе ст. 111 УК РФ, оценено разъяснение, данное в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27.01.1999, и привлечены материалы правоприменения. В качестве практических ориентиров предложено оценивать, куда нанесены повреждения, чем они причинены, насколько интенсивным было посягательство и как виновный вёл себя до и после содеянного.

Ключевые слова: *убийство, смежные составы, гибель потерпевшего, направленность умысла, двойная форма вины, ч. 4 ст. 111 УК РФ, ст. 109 УК РФ, уголовно-правовая квалификация.*

Введение

Правильная квалификация посягательств на жизнь рассматривается как одна из главных гарантий законного и справедливого правосудия, ведь именно эти деяния традиционно считаются самыми опасными, а защита жизни и здоровья человека составляет приоритет уголовно-правовой политики российского государства [1]. Однако на практике как раз здесь чаще всего возникают трудности, поскольку смежные составы почти не различаются ни по совершаемым действиям, ни по их результату.

В центре таких трудностей находится отграничение убийства от тех преступлений, при которых смерть человека тоже наступает. Таких преступлений прежде всего два. В ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК) описан случай, когда намеренно причинённый тяжкий вред здоровью по неосторожности обернулся гибелью человека, а ст. 109 УК посвящена неосторожному лишению жизни. Примыкает к ним и ст. 118 УК, касающаяся тяжкого вреда здоровью, причинённого неосторожно, поскольку вместе с ч. 4 ст. 111 УК она, по оценке исследователей, образует своего рода «пограничную» пару, объединённую неосторожным отношением виновного к последствиям [16].

Решение этой задачи лежит в субъективной стороне, то есть в том, на что был направлен умысел виновного и в какой форме выражалась его вина применительно к смерти [10, с. 87]. Внешние признаки здесь мало что дают, поскольку у названных деяний они способны совпадать полностью, ведь исход во всех случаях одинаков — гибель человека, а способ, орудие, число и расположение ранений зачастую идентичны. В литературе справедливо

подчёркивается, что объект, объективная сторона и последствие отражают лишь внешнюю картину деяния и потому сами по себе не отделяют убийство от смежных составов [4, с. 5].

О том, что тема актуальна, свидетельствует и противоречивость правоприменения. Ошибки при выборе между убийством и умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, повлёкшим по неосторожности смерть, встречаются особенно часто, а исправить их трудно, так как суду приходится устанавливать внутренние психические процессы, которые нельзя наблюдать непосредственно [5, с. 40]. От неверной квалификации заметно меняются объём ответственности и вид наказания, а следовательно, и то, насколько справедливой окажется оценка содеянного [6, с. 145].

Задача статьи состоит в том, чтобы, опираясь на текст УК, позицию высшей судебной инстанции и доктринальные взгляды, выявить критерии, по которым убийство отделяется от смежных с ним деяний, повлёкших гибель человека, и предложить приёмы, помогающие суду и следствию установить, на что было направлено намерение виновного. Исследование выполнено с применением формально-юридического метода и системного анализа норм УК, кроме того, обобщены опубликованные судебные решения и труды учёных-правоведов.

Убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлёкшее смерть по неосторожности: субъективная сторона как определяющий критерий разграничения

Под убийством ч. 1 ст. 105 УК понимает умышленное лишение жизни другого человека [1]. Ст. 25 УК различает два вида умысла, и оба совместимы с этим составом. Прямой умысел предполагает, что лицо осознаёт общественную опасность своего поведения (действия или бездействия), видит возможность либо неизбежность гибели потерпевшего и стремится к ней. При косвенном умысле гибель представляется виновному лишь возможной, желания её наступления нет, но лицо сознательно мирится с таким исходом или безразлично к нему [1].

Ориентиром для судов служит постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27.01.1999, посвящённое практике по делам об убийстве [2]. Согласно его п. 3, убивающий стремится к гибели жертвы, а при деянии, предусмотренном ч. 4 ст. 111 УК, гибель человека не входит в намерения виновного и связана с ним лишь неосторожностью [2, п. 3]. Иначе говоря, высшая судебная инстанция прямо признала разграничительным признаком психическое отношение лица к последствию.

Квалифицированный состав ч. 4 ст. 111 УК образуют деяния, перечисленные в предыдущих частях той же статьи, если намеренно причинённый тяжкий вред здоровью неосторожно привёл к гибели пострадавшего [1]. В основе этой нормы лежит двойная (смешанная) форма вины, при которой тяжкий вред здоровью охватывается умыслом, тогда как гибель — легкомыслием либо небрежностью [12, с. 4]. Юридический смысл подобного построения в том, что намерение причинить тяжкий вред не превращается в намерение лишить жизни. Гибель здесь не выступает ни целью, ни сознательно допускаемым исходом и вменяется лишь как результат неосторожности [3, с. 133].

Отсюда выводится главный разграничительный критерий, который сводится к вопросу о направленности умысла. Суду предстоит выяснить, желал ли виновный смерти, сознательно ли её допускал, был ли к ней безразличен или же стремился только к причинению вреда здоровью [4, с. 6]. В первых трёх вариантах смерть охватывается умыслом, прямым или косвенным, и содеянное является убийством. В последнем умысел ограничен вредом здоровью, гибель потерпевшего в его содержание не входит и вменяется лишь как неосторожное последствие, что характерно для ч. 4 ст. 111 УК [11, с. 45].

Отдельно следует оценивать случаи, когда лицо, причиняя тяжкий вред здоровью, предвидело возможную смерть потерпевшего и было к ней безразлично. Безразличное отношение к возможной гибели и есть косвенный умысел на убийство, поэтому квалификация по ч. 4 ст. 111 УК здесь неприменима и содеянное следует признать убийством [10, с. 88]. Неверная оценка умысла здесь ведёт к необоснованному смягчению ответственности, ведь санкция ч. 4 ст. 111 УК значительно мягче, чем санкция ч. 1 ст. 105 УК [13].

Из этого следует, что сходство телесных повреждений ещё не определяет квалификацию. Суды исходят из решающей роли направленности умысла, которую выясняют, анализируя всю совокупность обстоятельств дела [8]. Поэтому отграничение убийства от деяния, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК, может служить классическим примером того, как субъективная сторона берёт верх над объективными признаками [14, с. 12].

Отграничение умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлёкшего смерть по неосторожности (ч. 4 ст. 111 УК РФ), от причинения смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ)

Ст. 109 УК устанавливает самостоятельный состав преступления против жизни, в котором вина существует только в неосторожной форме [1]. Неосторожность может выражаться в легкомыслии, когда лицо предвидит возможность смерти, но рассчитывает избежать её, не имея для этого достаточных оснований, или в небрежности, когда смерть не предвиделась, хотя, проявив необходимую внимательность и предусмотрительность, лицо должно было и могло это сделать [1].

Общее у ч. 4 ст. 111 и ст. 109 УК то, что гибель человека в обоих составах наступает по неосторожности, и потому отношение лица именно к смерти разграничить их не позволяет [10, с. 88]. Граница проходит по тому, как лицо

относилось к причинению вреда здоровью. Квалифицированный состав ст. 111 УК требует, чтобы тяжкий вред здоровью был причинён умышленно, а неосторожно наступившая гибель лишь «присоединяется» к нему. Если же неосторожным был сам вред, этот состав отсутствует, и деяние оценивается по ст. 109 УК как причинение смерти по неосторожности [16].

Наглядно различие видно на типичном бытовом конфликте. Если в ссоре один участник толкнул другого, тот упал, ударился головой о твёрдое покрытие и скончался от закрытой черепно-мозговой травмы, то при отсутствии у толкнувшего намерения убить или причинить тяжкий вред здоровью ответственность наступает по ст. 109 УК [9, с. 331]. Иначе решается дело, когда лицо умышленно наносило удары по жизненно важным органам и сознавало, чем они грозят здоровью, но гибели пострадавшего не желало и не допускало, ведь тогда содеянное подпадает под ч. 4 ст. 111 УК [5, с. 41].

Особого квалифицированного состава на случай, когда неосторожно причинённый тяжкий вред здоровью повлёк гибель, УК не предусматривает, и такие деяния охватываются ст. 109 УК. Соответственно, совокупность преступлений не образуется, а содеянное в целом признаётся неосторожным лишением жизни [16]. Вменять дополнительно ст. 118 УК не нужно, так как вред здоровью полностью поглощается составом неосторожного причинения смерти [10, с. 89].

Итак, при сопоставлении ч. 4 ст. 111 и ст. 109 УК вновь обнаруживается, что решающим оказывается не то, насколько тяжёлым был наступивший исход, а то, имелся ли у лица умысел повредить здоровью потерпевшего, то есть признак субъективной стороны [14, с. 14].

Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ) и иные смежные ситуации

Состав ст. 118 УК описывает неосторожное посягательство на здоровье, совершаемое по легкомыслию или небрежности [1]. С квалифицированным составом ст. 111 УК его роднит тяжесть вреда, а разделяет психическое отношение к этому вреду, которое в ст. 118 УК неосторожно, а в ч. 4 ст. 111 УК умышленно.

Своеобразно соотносятся эти нормы в ситуации, когда тяжкий вред здоровью и последовавшая за ним гибель человека причинены неосторожно. Тогда не применяются ни ч. 4 ст. 111 УК, ни совокупность ст. 118 и ст. 109 УК, а содеянное оценивается только по последней из них [16]. Смерть представляет собой более тяжкое последствие и «поглощает» вред здоровью, поэтому вменять ещё и ст. 118 УК излишне [15].

Помимо названных, к убийству примыкают привилегированные составы, в которых виновный тоже стремится лишить человека жизни. К их числу относятся лишение жизни в состоянии аффекта (ст. 107 УК), а также убийство, совершённое с превышением пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 1 ст. 108 УК) [1]. Иную квалификацию здесь обусловливают особое психофизиологическое состояние лица или особая обстановка, в которой совершено посягательство. Тем самым и в этих случаях разграничение определяется признаками субъективной стороны и их правовой оценкой, тогда как сам по себе результат деяния решающим не является [11, с. 47].

Объективные признаки деяния, их доказательственное значение и ориентиры установления направленности умысла

Объективная сторона каждого из рассматриваемых составов складывается из трёх элементов — общественно опасного деяния, последствия (гибели человека либо тяжкого вреда его здоровью) и причинной связи, соединяющей их [1]. Устанавливать причинную связь необходимо в любом деле, однако отделить один состав от другого она не помогает. Если потерпевший погиб от действий виновного, связь эта присутствует как при убийстве, так и при деянии по ч. 4 ст. 111 УК [3, с. 140]. Отсюда объективные признаки служат доказыванию, а не разграничению [5, с. 42].

Поскольку намерение лица скрыто от непосредственного восприятия, о нём приходится судить по внешним обстоятельствам содеянного, оценивая их в совокупности. Для этого теория и практика выработали набор ориентиров [2, п. 3]. Первый из них связан с тем, куда и какие ранения нанесены, ведь удары в голову, шею, грудь или живот, то есть в жизненно важные органы, свидетельствуют о стремлении лишить человека жизни. Второй касается средства посягательства, поскольку нож, топор, огнестрельное оружие и иные заведомо опасные для жизни предметы обычно указывают на намерение убить. Третий ориентир — интенсивность посягательства, о которой судят по числу ударов, их силе и локализации, по тому, насколько систематично и последовательно они наносились. Четвёртый охватывает поведение лица до и после содеянного, будь то высказанные угрозы и характер ссоры либо, напротив, помощь пострадавшему, вызов скорой помощи или попытки скрыть следы преступления. Наконец, во внимание принимаются отношения между виновным и потерпевшим, а также мотив и цель деяния.

Решающим ни один из названных ориентиров в отдельности не служит, и вывод о квалификации делается из их совокупности с учётом внутренней логики произошедшего [7]. Так, удар по голове сам по себе ещё не доказывает намерения убить, если обстановка и сила воздействия говорят о том, что лицо собиралось лишь причинить вред здоровью. Возможна и обратная ситуация, ведь если лицо избрало способ, заведомо опасный для жизни, умысел на убийство не исключён, даже когда жизненно важные органы остались целыми [8].

Больше сложностей вызывает неопределённый (неконкретизированный) умысел, при котором виновный заранее согласен на любой результат, будь то тяжкий вред

здоровью или гибель человека. Содеянное в этом случае оценивается по фактически наступившему результату, и при гибели потерпевшего квалификация склоняется к убийству с косвенным умыслом [10, с. 89]. Правило имеет принципиальное значение, так как ошибки нередко возникают именно из-за того, что неопределённый умысел смешивают с неосторожным отношением к смерти [14, с. 14].

Точность в определении направленности умысла важна ещё и потому, что от неё зависит наказание. Как видно из судебной практики, по ч. 4 ст. 111 УК назначаются в среднем заметно более мягкие наказания, чем по ч. 1 ст. 105 УК, поэтому ошибка в форме вины оборачивается нарушением принципа справедливости [6, с. 147]. Вот почему Верховный Суд Российской Федерации требует от нижестоящих судов всесторонне исследовать психическое отношение виновного к содеянному и не ограничиваться оценкой одной лишь тяжести последствия [2, п. 3].

Заключение

По итогам исследования можно сделать ряд выводов.

Ключевым для отграничения убийства от смежных деяний, повлёкших гибель человека, служит субъективная сторона. Внешние же признаки, такие как способ и орудие, место нанесения повреждений, характер исхода, в этих составах нередко одинаковы и потому разграничительной роли не играют.

Решающим для отделения убийства (ст. 105 УК) от квалифицированного состава ч. 4 ст. 111 УК служит то, куда был направлен умысел. Убивающий желает гибели потерпевшего или сознательно её допускает, тогда как при ч. 4 ст. 111 УК намерение лица ограничено вредом здоровью, а к гибели оно относится неосторожно. На этом прямо настаивает Пленум Верховного Суда РФ в п. 3 постановления № 1 от 27.01.1999.

Ч. 4 ст. 111 УК и ст. 109 УК разводятся по психическому отношению к вреду здоровью. Умышленный тяжкий вред, неосторожно повлёкший гибель, квалифицируется по ч. 4 ст. 111 УК, а когда неосторожен и сам вред, применяется ст. 109 УК.

Неосторожный тяжкий вред, закончившийся гибелью человека, отдельно по ст. 118 УК не оценивается, потому что полностью поглощается ст. 109 УК.

О том, куда был направлен умысел, судят по совокупности внешних обстоятельств, среди которых расположение ранений, вид орудия, сила и частота ударов, отношения между участниками конфликта, а также поведение лица до содеянного и после него. Ни одно из этих обстоятельств не является самодовлеющим.

Единообразию квалификации в значительной мере способствует судебное толкование, где ведущая роль принадлежит позициям высшей судебной инстанции. Они служат ориентиром для следователей и судов и помогают не подменять субъективный критерий оценкой того, насколько тяжким оказался исход.

Наконец, от того, насколько точно отграничены друг от друга рассмотренные составы, зависит, будет ли уголовная ответственность законной, справедливой и соразмерной содеянному, а значит, вопрос этот имеет не только теоретическую, но и сугубо прикладную значимость.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ 24.05.1996 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 3.
3. Тищенко Е. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика умышленного причинения тяжкого вреда здоровью: дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 214 с.
4. Кузьмин И. П., Павлова А. А. К вопросу отграничения преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ и ст. 105 УК РФ // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия «Общественные науки». 2022. № 2. С. 5–8.
5. Заказчиков В. В. Отграничение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, от смежных составов преступлений: проблемы судебной практики // Отечественная юриспруденция. 2016. № 10. С. 40–43.
6. Плаксина Т. А. Практика назначения наказания за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлёкшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ) // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 145–148.
7. Кусакин А. А. Отграничение убийства от причинения тяжкого вреда здоровью, повлёкшего причинение смерти по неосторожности. 2021.
8. Скляров С. Разграничение убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлёкшего по неосторожности смерть потерпевшего // Уголовное право. 2022.
9. Немтинов Д. В. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Проблемы квалификации // Вестник Тамбовского государственного университета. 2013. № 1. С. 331–337.
10. Сапожникова К. А. Проблемы отграничения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлёкшего по неосторожности смерть потерпевшего, от убийства // Отечественная юриспруденция. 2017. № 5 (19). С. 87–89.
11. Балашов С. К. Проблемы квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлёкшего по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ) // Адвокатская практика. 2014. № 4. С. 45–50.

12. Адельханян Р. Субъективная сторона особо тяжкого преступления против здоровья (ч. 4 ст. 111 УК РФ) // Уголовное право. 2000. № 1. С. 4–6.
13. Калинин М. В. Разграничение убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлёкшего по неосторожности смерть потерпевшего // Концепт. 2015. ART 85541.
14. Исаева В. П. Отграничение убийства от причинения тяжкого вреда здоровью, повлёкшего причинение смерти по неосторожности // Актуальные проблемы деятельности правоохранительных органов РФ: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. 2025. С. 12–15.
15. Титов Б. Н. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью: субъективные признаки преступления // Журнал российского права. 2001. № 12.
16. Кондратьева И. О. Причинение смерти по неосторожности и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлёкшего по неосторожности смерть потерпевшего: разграничение составов // Вопросы современной юриспруденции: сборник статей по материалам VI международной научно-практической конференции. Ч. II. Новосибирск: СибАК, 2011.

4

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 44 (647) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 11.11.2026. Дата выхода в свет: 18.11.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.